

НЕВЛЯ

34 • 2013

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	8
Фима Жиганец Место встречи изменить можно	17
Алексей Батов Кресты	26
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (май – июнь 2013 года)	34
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	42
Дмитрий Рыкунов Непутевка в жизнь	78
Юрий Александров Прообраз службы пробации	115

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Вологодский конвой	120
По материалам иностранных СМИ Знаменитые тюрьмы и знаменитые арестанты	147
Александр Сидоров Тайны Конторы Глубокого Бурения	153

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

Характеристика осужденных по возрасту

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
от 18 до 25 включительно	217 212	197 518	180 157	186 936	201 458
старше 25 до 55 включительно	488 086	467 159	404 987	441 578	478 111
старше 55 до 60 включительно	8609	9826	9410	10 967	11 916
старше 60	7149	6837	5805	5248	5377

Характеристика осужденных

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
до 1 года	2250	3101	3856	5304	6536
1 год	5419	6069	6179	9261	10 986
свыше 1 до 3 лет	106 528	90470	98 346	131 680	156 051
свыше 3 до 5 лет	224 715	195 536	156 592	157 669	172 140
свыше 5 до 10 лет	295 916	291 112	243 852	242 984	249 346
свыше 10 до 15 лет	70 580	76 186	71 093	74 588	76 678
свыше 15 лет	15 648	18 866	20 441	23 243	25 125

Характеристика осужденных,

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
впервые	356 334	330 482	302 798	335 200	367 260
второй раз	204 079	196 350	171 832	176 671	185 557
3 и более раз	160 643	154 508	125 729	132 858	144 045

во время совершения преступления (лет)

2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
195 922	199 168	178 114	160 832	144 688	123987
501 337	514 493	524 074	507 479	464 641	424066
13 434	14 365	15 352	19 603	23857	30550
5734	6266	6545	6572	6443	6485

по срокам заключения (наказания)

2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
6704	7635	8145	7798	8903	9064
11 468	11 189	10 672	7891	7173	7351
159 947	163 944	157 911	141 289	127 433	111 563
180 431	182 689	178 236	168 651	151 162	133 358
254 722	261 334	263 863	260 094	242 137	224 923
76 461	78 959	75 916	78 019	72 248	67 412
26 694	28 542	29 342	30 744	30 570	31 417

которые осуждены к лишению свободы

2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
385 502	390 994	377 813	336 041	302 891	263 710
186 290	190 964	190 149	169 653	147 716	140 004
144 635	152 334	156 123	188 792	189 019	181 374

Характеристика осужденных,

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
убийство ст. 105 УК РФ	103 767	107 307	108 832	116 222	121 191
в т.ч. женщин	7580	7802	7968	8808	9482
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – ст. 111	78 350	83 119	85 640	96 170	101 731
в т.ч. женщин	3691	4084	4321	5476	6065
изнасилование, насильствен- ные действия сексуального характера– ст. 131	22 573	21 541	20 316	21 722	22 857
в т.ч. женщин	111	100	73	90	134
кража – ст. 158	226 250	188 672	152 773	159 749	168 397
в т.ч. женщин	8426	7367	6868	8699	10 899
грабеж – ст. 161	64 072	62 054	55 658	61 458	68 433
в т.ч. женщин	2183	2202	2150	2558	2969
разбой – ст. 162	87 041	87 994	80 070	80 400	82 343
в т.ч. женщин	2940	2842	2271	2347	2399
хулиганство ст. 213	17 947	16 552	10 042	7380	6063
в т.ч. женщин	326	363	243	118	97
вымогательст- во – ст. 163	7185	6661	5571	5845	6282
в т.ч. женщин	137	106	86	139	144
преступления, связанные с наркотиками, – ст. 228–234	69 874	65 550	42 757	49 794	65 429
в т.ч. женщин	13 197	12 647	8953	9647	12 269
прочие преступления	43 997	41 890	38 700	45 989	54 136
в т.ч. женщин	2217	2033	2046	2957	3133

которые осуждены за преступления

2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
122 393	122 929	121 341	146 488	165 559	156 278
9668	10 132	10 025	11 131	12 037	11 469
103 037	103 810	102 993	71 558	35 631	31 764
6422	6664	6806	5157	3179	2762
24 818	26 918	26 374	25 892	15 959	14 370
152	151	176	155	83	82
165 243	162 659	148 153	131 399	114 984	97 356
11005	11714	10889	10042	8911	7374
71 217	70 918	67 272	61 765	53 472	45 066
2999	3176	2929	2728	2314	1908
80 388	77 756	75 078	69 543	62 266	55 063
2345	2350	2245	2101	1801	1571
4870	4193	2471	1832	1376	1578
56	38	33	23	12	18
6514	6903	5807	4762	4014	3422
135	130	115	82	53	57
81 194	98 430	114 508	124 168	125 141	124 955
14 531	16 493	19 016	19 466	19 269	18 436
56 753	59 776	60 088	57 079	61 224	55 236
3923	4493	4921	4236	3818	3979

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

В несколько раз увеличен штраф за передачу в учреждения УИС незаконных предметов (Федеральный закон от 23.02.2013 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в статью 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Усилена административная ответственность за передачу в учреждения уголовно-исполнительной системы, а также в изоляторы временного содержания запрещенных предметов.

За последние годы число таких нарушений значительно увеличилось. Особенно возросло количество нелегально передаваемых мобильных телефонов. Они используются для поддержания связи с членами преступного сообщества на свободе, совершения новых преступлений, угроз свидетелям и потерпевшим, сокрытия преступной добычи.

В связи с этим штраф за передачу запрещенных предметов (в том числе ее попытку) лицам, содержащимся в учреждениях УИС или изоляторах временного содержания МВД РФ, увеличен с 1–1,5 тыс. руб. до 3–5 тыс. руб.

Одновременно вносятся уточнения юридико-технического характера.

Подписан Закон о сокращенном порядке производства дознания по уголовным делам и об отмене обязательного участия понятых в определенных процессуальных действиях (Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Установлен сокращенный срок производства дознания, который по общему правилу не должен превышать 15 суток (с возможностью продления его прокурором до 20 суток). При этом ограничиваются пределы доказывания (доказательства будут собираться в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления).

Сокращенный порядок дознания возможен лишь при условии, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, которое признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда и согласно с ведением уголовного судопроизводства по его делу в сокращенном порядке, отсутствуют основания, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Применение указанного порядка дознания исключается в том числе в тех случаях, когда подозреваемый является несовершеннолетним, имеются основания для применения принудительных мер медицинского характера или подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства.

Законом также расширены полномочия органов предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении. Им предоставлено право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, а также изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта, производить освидетельствование, осмотр места происшествия, трупа, предметов и документов.

Предусмотрено, что в определенных процессуальных действиях (в частности, наложение ареста на имущество, осмотр трупа) понятые принимают участие по усмотрению следователя. При этом если по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным (при невозможности применения технических средств следователь делает в протоколе соответствующую запись).

Кроме того, усилена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и защитником.

Участковые уполномоченные полиции (УУП) осуществляют свою деятельность по новым правилам (Приказ МВД РФ от 31.12.2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»).

Усовершенствована организация деятельности УУП. Этим же приказом утверждены наставления УУП.

Участковый призван стать ключевой фигурой в полиции, обеспечивающей профилактику правонарушений и преступлений, безопасность массовых мероприятий.

Детализированы и уточнены права и обязанности участковых уполномоченных, а также их руководителей. Как и прежде, участковые работают с заявлениями граждан, проводят рейды, обходы, проверяют неблагополучных жителей, выявляют пьяниц и наркоманов, проверяют чердаки и подвалы.

Новым является то, что участковых нельзя привлечь к выполнению функций, связанных с проверками по заявлениям и сообщениям о преступлениях либо административных правонарушениях, не относящихся к компетенции полиции. Участкового можно привлекать к ряду мероприятий только в тех случаях, когда нет возможности заменить его другими сотрудниками.

Детально прописана работа УУП, которые чаще всего сталкиваются с населением. Закреплено, что должен иметь при себе участковый во время выполнения им служебных обязанностей. Он должен вручить жителям на своем участке визитную карточку, на которой обозначены его контактные данные. Визитки изготовят за счет бюджетных ассигнований.

Кроме того, участковых обеспечат служебным автомобилем и мобильной связью. Сокращен оборот служебной документации. Это должно упростить работу УУП, даст возможность больше времени уделять общению с гражданами.

Суды разъясняют...

Какой суд полномочен решать вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?

Реализация закрепленной статьей 47 (ч. 1) Конституции РФ права каждого на законный суд, предполагающего рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, обеспечивается в уголовном судопроизводстве распределением компетенции между судами общей юрисдикции путем закрепления в уголовно-процессуальном законе правил подсудности, в том числе на основе предметного (родового) и территориального признаков.

По смыслу взаимосвязанных положений пунктов 1 и 2 части 2 статьи 29 и части 9 статьи 31 УПК РФ, принятие в ходе досудебного про-

изводства по уголовному делу решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в случаях и порядке, которые предусмотрены статьей 108 УПК РФ, подведомственно районным судам. Это означает, что рассмотрение таких вопросов отнесено по признаку родовой подсудности к исключительной компетенции судов районного уровня независимо от подследственности и возможной подсудности расследуемых дел, вида и уровня органа, производящего предварительное расследование.

В отношении территориальной подсудности дел, касающихся вопросов применения меры пресечения в виде заключения под стражу, УПК РФ предусматривает, что постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд (ч. 4 ст. 108). Тем самым применительно к указанным вопросам установлена альтернативная подсудность дел: по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого.

В свою очередь предварительное расследование производится, согласно статье 152 УПК РФ, по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления (ч. 1), за исключением случаев, предусмотренных данной статьей, а именно: если преступления совершены в разных местах, то по решению вышестоящего руководителя следственного органа уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них (ч. 3); предварительное расследование может производиться и по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков (ч. 4); по мотивированному постановлению руководителя вышестоящего следственного органа уголовное дело может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении (ч. 6).

Таким образом, по общему правилу место совершения деяния, содержащего признаки преступления, на той или иной части территории Российской Федерации предопределяет место проведения предварительного расследования (ч. 1 ст. 152 УПК РФ) и, соответственно, место рассмотрения ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4

ст. 108 УПК РФ) судьей того районного суда, юрисдикция которого распространяется на данную часть территории Российской Федерации.

Положение части 6 статьи 152 УПК РФ, предусматривающее возможность передачи уголовного дела для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган, не противоречит общему правилу о производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в той мере, в какой расследование переданного уголовного дела осуществляется вышестоящим следственным органом на находящейся под его юрисдикцией территории, охватывающей собой, в числе прочих, не только судебный район, в пределах которого было совершено данное деяние, но и судебный район места расположения самого следственного органа.

Исходя из этого, в случаях, когда предварительное расследование по уголовному делу проводится следственным органом, занимающим в системе Следственного комитета Российской Федерации положение вышестоящего по отношению к следственным органам районного уровня, – притом что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу может быть осуществлено только судами районного уровня, – ходатайство об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу в случаях и порядке, которые предусмотрены статьей 108 УПК РФ, рассматривается, по сложившейся правоприменительной практике, районным судом по месту нахождения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело.

В противном случае следователь, ведущий производство по уголовному делу о преступлениях, совершенных в соучастии на территории разных судебных районов, был бы вынужден обращаться за судебным разрешением на применение соответствующей меры пресечения по одному уголовному делу, но в отношении нескольких лиц в разные суды, принимать решения об их этапировании в эти суды для участия в судебных заседаниях, требующих к тому же согласования по времени проведения, направлять в эти суды материалы уголовного дела, подтверждающие обоснованность применения меры пресечения, выезжать для участия в судебных заседаниях в различные суды, в том числе значительно удаленные территориально, что не только осложняло бы производство по уголовному делу и увеличивало срок его расследования, но и оказывало бы негативное влияние на положение лиц, в отношении которых принимается решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

(Определение КС РФ от 7 февраля 2013 г. № 131-0)

Противоречит ли Конституции России запрет на предоставление содержащимся под стражей подозреваемым (обвиняемым) длительных свиданий с родственниками, установленный в статье 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»?

Статья 55 (ч. 3) Конституции РФ допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Из статей 97, 98 и 108 УПК РФ в их нормативном единстве следует, что заключение под стражу в системе действующего правового регулирования связано с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, то есть с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность. Ограниченность предоставляемых подозреваемому, обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной.

Согласно статье 3 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ. Такими целями служат недопущение возможности сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, предотвращение возможного продолжения преступной деятельности, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу; при этом мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, если невозможно применить иную, более мягкую, меру пресечения (ч. 1 ст. 97 и ст. 108 УПК РФ).

Для достижения указанных целей в местах содержания под стражей устанавливается обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, а также их изоляцию режим, элементами которого являются налагаемые на них

ограничения относительно переписки, получения посылок и передач, предоставления свиданий с родственниками и иными лицами и пр. (статьи 15, 16, 18, 20, 21 и 25 ФЗ «О содержании под стражей...»).

В соответствии с частью 3 статьи 18 ФЗ «О содержании под стражей...» подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое. Данное законоположение вводит четкие ограничения, касающиеся периодичности предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, их длительности, и закрепляет разрешительный порядок решения вопроса об их предоставлении. В то же время оно не может быть истолковано как дающее правоприменителю возможность отказать в предоставлении свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам; такого рода отказы должны оформляться в виде мотивированного постановления и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции.

Наличие указанных ограничений вызвано спецификой уголовного судопроизводства, а также теми целями, которые стоят перед заключением под стражу как мерой процессуального принуждения и которые отличны от целей и задач, непосредственно связанных с режимом отбывания назначенного судом наказания в местах лишения свободы, включающим в себя при определенных условиях право на длительные свидания (ст. 89 УИК РФ).

Вместе с тем предусмотренные оспариваемой нормой ограничения длительности свиданий подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, действуют лишь в период применения меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжительность которого не может выходить за пределы разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Что же касается стадии судебного разбирательства, то закон позволяет суду продлевать срок содержания под стражей только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на три месяца (ч. 3 ст. 255 УПК РФ). Адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью при-

менения этой меры пресечения и в случае, если необходимость в ней не будет доказана, ее отмену, что влечет и отмену связанных с нею правоограничений. Таким образом, статья 6.1 УПК РФ в нормативном единстве со статьей 255 того же Кодекса не позволяют произвольно затягивать сроки рассмотрения судом уголовного дела, не содержат каких-либо препятствий для обжалования бездействия суда и, соответственно, не предполагают избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания лица под стражей.

Таким образом, статья 18 ФЗ «О содержании под стражей...» во взаимосвязи с положениями уголовно-процессуального закона, обеспечивающими разумность сроков производства по уголовному делу, не может рассматриваться как отменяющая или умаляющая право подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на общение с родственниками и иными лицами, – она лишь устанавливает определенные ограничения, которые действуют в рамках разумного срока уголовного судопроизводства и направлены на достижение конституционно значимых целей (ст. 55 ч. 3 Конституции РФ), отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты названных ценностей и вытекают из самого существа такой меры пресечения, как заключение под стражу, в связи с чем оспариваемая заявителями норма не может расцениваться как нарушающая их конституционные права.

(Определение КС РФ от 7 февраля 2013 г. № 133-0)

Могут ли быть возмещены процессуальные издержки на оплату услуг представителя в суде?

Обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве должно быть обусловлено фактическим положением лиц, нуждающихся в таком обеспечении; исходя из принципа равенства, закрепленного статьей 19 Конституции РФ, не должно быть различий и неопределенности в регламентации однородных по своей юридической природе отношений.

По смыслу статьи 131 УПК РФ, процессуальные издержки представляют собой денежные суммы в возмещение необходимых и оправданных расходов, неполученных доходов, а также вознаграждение и выплаты, которые причитаются к уплате физическим и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач.

Процессуальными издержками данная статья называет связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются

за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. Суммы издержек в силу ее части 3 выплачиваются по постановлению дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо по определению суда. Эта статья содержит открытый перечень видов процессуальных издержек: согласно пункту 9 ее части 2 к ним относятся «иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу и предусмотренные данным Кодексом».

Таким образом, статья 131 УПК РФ в системе действующего регулирования не препятствует отнесению к числу процессуальных издержек различных расходов, связанных с производством по уголовному делу, понесенных не только потерпевшим, но и иными заинтересованными лицами на любой стадии уголовного судопроизводства, при условии их необходимости и оправданности.

(Определение КС РФ от 5 марта 2013 г. № 297-0)

Место встречи изменить можно!

Как Глеб Жеглов и Володя Шарапов служили в сыскной полиции

«Что было, то и будет, что происходило, то и произойдет, и нет ничего нового под солнцем...» Так учит нас Екклесиаст – мудрый царь Соломон. С тех давних пор наблюдение это не утратило своей актуальности.

Новое – это хорошо забытое старое. Особенно полезно об этом вспомнить нынче, когда так остро встала проблема с терроризмом и этнической преступностью. Многие деятели бросились бить в колокола: мол, такого в России доселе не было! Так ли?

Перенесемся в Ростов 1908 года. «Как причудливо тасуетса колода!» – заметил как-то булгаковский Воланд. Оказывается, задолго до того как братья Вайнеры создали свой знаменитый роман «Эра милосердия» (сейчас он чаще выходит под названием «Место встречи изменить нельзя»), действие которого происходит сразу после Великой Отечественной войны, почти зеркально похожая история произошла в действительности. И местом ее действия стал Ростов-папа...

«Черные маски»

«Сторожа убили в подсобке... Денежный ящик в кассе взломан, а на стене обуюного отдела толстым черным карандашом была нарисована черная кошка...

– Слушай, Глеб, а для чего же они все-таки это делают? – Я показал на рисунок.

– ...Идут на риск, чтобы на людей ужас навести, понимаешь, силы к сопротивлению их лишить: раз, мол, Черная кошка, значит, руки вверх и не чирикай, а то хуже будет!»

Братья Вайнеры. Место встречи изменить нельзя

– Ваше высокоблагородие, мы делаем все, что в наших силах! – Ростовский полицмейстер Балабанов, вытянувшись во фронт, стоял

перед генерал-майором Иваном Зворыкиным, градоначальником донской столицы.

– Вам с такими силами надобно редис на Новом базаре перебирать! – гаркнул Зворыкин, и иконостас орденов на его груди грозно звякнул в унисон. – Новой рррэволюции ждете?! Ууух!!!

– Да это же... обычная уголовщина, ваш... сок... бла...

– Что же это за уголовники, когда они за малым не артиллерию в бой бросают?! В Тифлисе, батенька, тоже год назад банк ограбили-с! Думали – нормальные налетчики, оказалось – социал-демократы...

У градоначальника было две слабости – артиллерия и революционеры. Артиллерию Иван Николаевич любил беззаветно: прослужил в ней долгие годы. Так же безоглядно он ненавидел «рэволюционэров», что доказал во время октябрьских событий 1905 года, когда прошелся со своими солдатами по Саратовской губернии и быстро утихомирил «смутьянов». Тамошний губернатор Петр Аркадьевич Столыпин изрядно впечатлился решительностью бравого вояки и, став премьер-министром империи, назначил его градоначальником Ростова и Нахичевани.

– Извольте зарубить себе на носу: шайку «черных масок» должно обезвредить в кратчайшее время! – И Зворыкин резанул ладонью воздух так, словно отсек башку неведомому башибузуку. – На то мы государем и поставлены, чтобы блюсти покой мирных обывателей! А вы... Хорошенькое Рождество Господне устроили-с! Крест на вас есть или вы басурманин? А может, синагогу тайно посещаете?

Положение полицмейстера было незавидным. Еще свежа в памяти смута пятого года, которая в Ростове обернулась кровавым еврейским погромом. И по сию пору в городе отзывается эхо октябрьских беспорядков. Вот недавно в магазине Аптекмана накрыли склад бомбистов.

Дело в том, что накануне рождественских праздников 1908 года по Ростову прокатилась волна дерзких разбойных нападений, которые совершала таинственная шайка налетчиков в черных масках. Вооруженные пистолетами и ножами, они врвались в магазины и лавки перед самым закрытием, когда на улицы опускалась ранняя зимняя мгла. Обычно никто не сопротивлялся: грозный вид черномордых молодчиков заставлял всех в ужасе валиться ничком на пол. Разбойники выгребали выручку, а заодно потрошили кошельки и карманы посетителей.

Грабители не останавливались и перед пролитием крови. В гастрономе Палузова на Среднем проспекте приказчик Тимофей Катульский и сторож Егор Терехин попытались было защитить хозяйское добро.

Бандиты расстреляли их в упор. На выстрелы поспешили дежурившие поблизости двое городских.

– Стоять, вражьи дети! – грозно крикнул один из них и выстрелил в воздух.

В ответ раздался мощный залп. Патронов бандиты не жалели: позже на месте преступления насчитали больше семидесяти стреляных гильз. Оба полицейских были тяжело ранены, но ограбление удалось предотвратить: «черные маски» бежали с места преступления, бросив добычу и труп подельника.

Городовой – это вам не Сеня Тузик

«...– Значитца, так, Сергей Ипатьич: пуля эта – 6,35, от "омеги" или "байярда".

Длинный нож – заточка – вошел прямо в сердце, он пробил насквозь все его худенькое мальчишеское тельце и воткнулся в деревянную спинку скамейки...»

Братья Вайнеры. Место встречи изменить нельзя

Начальник агентурного отдела полиции коллежский секретарь Алексей Семенов слыл одним из самых опытных и хватких сыщиков. Ему и поручили дело «черных масок».

– Да-с, судари мои, – обратился он к здоровякам-полицейским, которые помогли ему при осмотре места происшествия, – доложу я вам, люди работали тут вполне серьезные. Отчаянный народ. Смотрите, с какими стволами на дело шли...

Блюстители законности с любопытством принялись вертеть в руках гильзы.

– Нешто вы по ним систему угадать можете? – уважительно спросил один из них.

– Угадывают, милейший, рысака на бегах, – усмехнулся Семенов. – А тут и к бабушке не ходи – гильзы от парабеллума и маузера. – Поглядел внимательнее и добавил: – Скорее, от маузеров. Но это уточним...

Полицейские крякнули от восхищения. Ученый человек их благородие, что скажешь...

С первых шагов сыщику повезло. Убитый налетчик оказался армянином. Несколько очевидцев к сему присовокупили, что один из преступников, ворвавшись в гастроном, кричал с явным кавказским акцентом: «На пол, сыволочи, зарэжу!» Неужто – дело рук «туземцев»? Именно так именовали тогда выходцев с Кавказа и из Закавказья. А что – судя по бесшабашному зверству, похоже на то. Семенову не раз

приходилось сталкиваться с «абреками». В 1906 и 1907 годах он лично участвовал в разгроме грузинской и дагестанской шаек, совершавших налеты на дома состоятельных ростовцев. Чтобы скрутить отчаянных разбойников, немало пришлось положить сил и усердия. Впрочем, «абреков» тогда положили в изрядном количестве.

Да, ежели «туземцы», надо держать ухо востро. Они стреляют не задумываясь. В январе 1906-го шайка чеченцев ограбила андреевское сельское правление. А позже на станции Гудермес принялись «дуданить» – награбленное делить. Переругались, устроили пальбу да шестерых своих же и уложили. Дикий народ.

Семенов подключил к расследованию всю имевшуюся у него агентуру и осведомителей. Околоточные и городовые прочесывали «ямы», «малины» и прочие злачные места. Однако, несмотря на рвение, дело так и не двигалось с места.

Помогла случайность. Через год, 30 декабря, на Большой Садовой три подвыпивших кавказца нагло и развязно приставали к фланирующим барышням, чем вызвали возмущение нескольких проходивших мимо мастеровых.

– Убери лапы, ишак горный! – оттолкнул один из них «туземца», когда тот полез обнимать испуганную молоденькую девушку.

– Что сказал? Что сказал?! – пронзительно завопил тот и выхватил «камский» кинжал, гордость всякого кавказского мужчины.

– Э, любезный, не балуй! – сурово пригрозил мгновенно возникший городской Грушко. – Убери ножичек, и пожалте-ка все со мной в участок!

– Пашел вон, мэнтух рваный! – злобно заверещал кавказец.

– Что-о-о?! – бешено сверкнул очами городской и двинулся на дебошира.

Но хулиган тут же пустил в ход кинжал. Смягчила удар зимняя шинель, и все же лезвие прошло сквозь сукно и вонзилось в бок Грушко. Полицейский охнул, однако отпустил абреку такую затрещину, что тот обмяк и грохнулся на колени. Двое других «туземцев» бросились наутек.

– Лови их, ребятушки! – крикнул мастеровым городской, оседлав кавказца и скрутив ему руки.

Ребятюшки бросились в погоню. Одного из беглецов сбили с ног подоспевшие дворники, а вот другому повезло: отбиваясь от преследователей кинжалом, он скрылся в городском саду.

Кавказцев доставили в участок. Один представился персидским подданным Сагрибом Бабахановым, другой – бакинским мещанином

Мартиросом Гасумовым. Впрочем, паспортов у них было несколько, и все – на разные фамилии. При обыске в меблированных номерах, где остановились «туземцы», полиция изъяла бланки паспортных книжек, гашиш и три браунинга. Бабаханов и Гасумов оказались в камере знаменитого Богатынского централа (позже он стал именоваться Богатыновским).

Ксива для Хорена

«... "Шлю тебе с ним, Анюта, живой привет, будь с ним ласкова, за добрые слова его одень, обуй и накорми – вечно твой друг".

– А больше тебе Фокс ничего не говорил?

– Больше ничего. Только Ане велел передать, чтобы она сказала: он за всю компанию хомут на себя надевать не желает, ему вышака брать на одного скучно. Если не захотят его отбить, он с себя чалму сымет – всех отдаст...»

Братья Вайнеры. Место встречи изменить нельзя

С этого момента Семенов, что называется, ухватил судьбу за бороду. Вскоре на имя одного из надзирателей сысской полиции поступила докладная записка. Агент по кличке Шуня, исполнявший роль «наседки» в Богатынской тюрьме, сообщил, что Бабаханов обратился к арестанту Лебедеенко с просьбой передать на волю «ксивенку». Лебедеенко как раз освобождался и с радостью согласился. Адресок крайне любопытный: армянину Аршаку Гарибяну, приказчику того самого гастронома Палузова, который был ограблен в канун прошлогоднего Рождества.

Когда об этом сообщили Семенову, он воспрянул духом:

– С освобождением Лебедева не грех и подождать. Пусть еще посидит...

К тому времени Алексей Семенов служил уже в новой должности. 6 июля 1908 года в империи Высочайшим указом Его Императорского Величества был утвержден закон об организации сысской части. Проект закона разработал министр внутренних дел Столыпин, а 23 июня законопроект одобрила Дума и передала государю. Теперь Семенов именовался чиновником особых поручений сысской полиции, под его началом находились несколько надзирателей и целый штат агентов всех мастей. Это позволяло коллежскому секретарю действовать более оперативно и эффективно.

Итак, сыщики перехватили тайную записку от задержанного «перса». Вернее, записок от Бабаханова было две, и обе – на армянском языке. В первой «персидский подданный» просил Аршака «отстегнуть» гонцу пятьдесят рубликов и свести его с неким Хореном. В другой Бабаханов угрожал: «Вытаскивайте меня отсюда срочно! Денег не жалейте. Есть план нового дела, на котором можно взять 150 тысяч! Но о нем расскажу по выходе на волю. Если же не поможете мне и Мартиросу, молчать не станем. В каторге будем вместе с вами браслетами греметь...»

– Славно, славно, – похвалил Семенова полицмейстер Балабанов, когда ему доложили о первых результатах. – Только где же, батенька, прямые улики?

– Ну как же? Письмо приказчику ограбленного гастронома, угрозы, план преступления...

– Право же... «О чем-то там расскажу, есть неведомый план...» Да эти мазурики от всего отопрутся! Дескать, шутки шутили, предавались пустым мечтаниям. Думайте, батенька, думайте, как их на чистую воду вывести!

И Семенов придумал. План его был дерзок и рискован. Полицмейстер даже поначалу поморщился: дурное влияние авантюрных сочинений Дюма-пэра и господина Понсона дю Террайля... Но под напором упрямого коллежского секретаря в конце концов дрогнул. Шансы на успех невелики, однако при удачном раскладе можно ликвидировать всех налетчиков. Овчинка стоит выделки.

Засланный казачок

«Ну, представляюсь я уголовником, почему-либо освобожденным из камеры, где подружился с Фоксом. В доказательство даю письмо и поясняю, что главное он велел передать банде на словах, ну, чтоб с письмом не засыпаться... И я "по указанию Фокса" назначаю операцию. И на операции вяжем их к чертовой матери!»

Братья Вайнеры. Место встречи изменить нельзя

План Семенова был прост. Он предложил послать в бандитское логово под видом освободившегося Лебеденко... агента сысской полиции! Тот должен предложить «абрекам» план ограбления сберегательного банка на улице Почтовой – «фартовое дело» на 150 тысяч. А уж в банке всех их, голубчиков, возьмут с поличным.

Эту сумасшедшую идею Семенову подсказал агент сысской полиции Афанасий Черкасов. Молодой и отчаянный казак с верховьев Дона, Афанасий отличался особой бесшабашностью. Не раз он вступал в схватки с вооруженными до зубов уркаганами, бросался под пули. Во время одной стычки какой-то уголовник полоснул лихого агента ножом по лицу. Афанасию пришлось долго лечиться, он перенес несколько операций. Но шрам остался.

– Ваше благородие, дозвольте поквитаться с этими ракальями! – горячо просил казак Семенова. – Душа горит!

– А если столкнешься с каким-нибудь знакомцем? Коли признают тебя, пощады не жди.

– Не признают! Я после лечения, изволите сами видеть, бороду отпустил да усы. Родной тятя не сразу признает. Да и то сказать: сроду я этих ушкуйников не шугался. Семи смертям не бывать...

Все прошло гладко, как и предполагал Черкасов. Приказчик-армянин, прочитав записки, принял «Лебеденко» с распростертыми объятиями. Он свел бородатого агента на Старопочтовую, 158, где в доме Ивана Галустова снимали квартиру пятеро армян. Документы у них были, что называется, «чистый глаз» – в переводе с языка мазуриков это значило «в полном порядке». Выходило, что в Ростов прибыли армянские коммерсанты из Шуши Елизаветпольской губернии по торговой надобности.

– Так оно и есть, дорогой, – весело пояснил гостю Хорен, главарь налетчиков. – Торговцев трясем, капитал наживаем. Коммерсанты, да! И он расхохотался.

– Знаешь, что здесь написано? – спросил Черкасова главарь, указывая на «ксивы».

– Я и по-русски не шибко грамотен, а по-вашему вовсе не разумею.

– А про план на сто пятьдесят тысяч?

– Ну... – Черкасов сделал вид, что замаялся. – Про план мы с Сагрибом толковали. Только он не велел выкладывать, покуда на свободу не выскочит.

– Да плевать я хотел на то, что он велел! – вспыхнул Хорен. – Рассказывай!

– Не, так не пойдет... Моя доля какая?

– Ты еще и торгуешься?! Да мы тебя отсюда живьем не выпустим!

– Ну и не узнаете ничего!

Дело за малым не дошло до драки, сверкнули ножи... Но в конце концов мнимый Лебеденко и реальные бандиты сошлись на том, что

гость проведет разведку и необходимую подготовку к операции. И затем сообщит день, когда все вместе пойдут «брать» банк.

А теперь – горбатый!

«– Граждане бандиты!..

Ваша банда полностью заблокирована... Предлагаю сдаться по-хорошему...

– А если по-плохому? – спросил горбун.

– Тогда другой разговор. В связи с исключительной опасностью вашей банды я имею указание руководства живьем вас не брать...».

Братья Вайнеры. Место встречи изменить нельзя

Операция по захвату шайки была назначена на 10 января. На эту дату выпадал день рождения одного из налетчиков, и Черкасов предложил сделать ему своеобразный подарок. Однако неожиданно все резко переменялось...

Восьмого января в кабинете Семенова раздался телефонный звонок.

– Ваше благородие, тревога! – раздался в трубке срывающийся голос Афанасия. – Через полчаса «абреки» идут брать ювелирный магазин на Таганрогском!

– Как?!

– Да так! Они его давно обхаживали. А нынче, глядит-ка, какая метелища на дворе, в двух шагах ничего не видно! Вот они под этим покровом в магазин-то и нагрянут. Я с ними, а вы уж наших предупредите...

Семенов тут же связался с полицейской частью второго участка и приказал устроить в магазине засаду, а также окружить его вооруженными городовыми и агентами в штатском.

– По возможности избегайте кровопролития, – проинструктировал он дежурного полицейского офицера.

– А если?..

– «А если» – тогда берегите своих, а с чужими не считайтесь.

В первой половине дня к ювелирному салону в центре Ростова подлетели две пролетки. Из них высыпали шестеро человек и ворвались в магазин:

– Всем – на пол! Кто дернется, получит пулю!

Приказчики послушно повалились на узорные мраморные плиты, а налетчики бросились опустошать витрины и стеллажи, набивая драгоценностями карманы и кожаные саквояжи. В это время Черкасов уда-

ром рукоятки револьвера по затылку «отключил» одного из грабителей, державшего на прицеле входную дверь. Полицейские ворвались в салон одновременно с улицы и из подсобного помещения.

Не ожидавшие нападения, уголовники растерялись. Лишь один из «туземцев» отчаянно сопротивлялся и в бешенстве откусил палец схватившему его агенту. Тот завопил от боли и отпустил преступника. Бандит выхватил браунинг, дважды выстрелил в полицейского и рванул к выходу. В двери путь ему перекрыл городской Фрол Ермоленко. Преступник и страж порядка выстрелили одновременно. Пуля сразила грабителя наповал, а городской скончался двумя часами позже на операционном столе от раны в живот.

Услышав пальбу, преступник, оставшийся в пролетке «на стреме», схватился за вожжи и попытался дать стрекача.

– Стоять! – зычно гаркнул на него городской Семен Карпухин.

В ответ армянин выстрелил несколько раз, однако промахнулся: Карпухина спасла метель. Выстрелы услышал проходивший пожарный Василий Матюхин. Он вскочил на облучок и ударом кулака сшиб армянина в снег. Затем Матюхин и Карпухин навалились на уголовника и связали его.

Остальные грабители уже ждали приезда конвойной команды, скованные ручными кандалами.

– На Старопочтовую, живо! – крикнул Черкасов и прыгнул в пролетку, захватив с собой нескольких агентов.

Оказалось, в последний момент сам главарь шайки Хорен, сказавшись простуженным, решил на «дело» не идти и отлеживался на «хазе». Видимо, почуял неладное. Едва подкатила пролетка с полицейскими, армянин встретил ее пальбой с двух рук, «по-македонски». Афанасий Черкасов и околоточный надзиратель Григорий Турчанинов проникли в дом через чердачное окно и принялись стрелять в дверь, отвлекая уголовника.

Хорен попытался уйти от обложивших его полицейских по крышам. Однако тут его встретил сыскной агент Мстислав Яхневич. Бандит попытался выстрелить в упор.

– Матка боска! – крикнул Яхневич и ударил армянина по руке.

Пуля ушла вбок. Агент рванул стрелка за кисть и ловким движением заломил ее. Хорен охнул, выпустил маузер и завалился набок.

– Вот и добже, – весело приговаривал Яхневич, связывая бандита. – То тебе, пся крев, не из пистоля палить, то ест джиу-джитсу...

Алексей Батов

Кресты

...Крест на всем мы редко ставим сами,
Скверна прилипает, как чума,
Но не зря поставлена крестами
Наша Ленинградская тюрьма.

<...>

И бегут года неудержимо
За окном то лето, то зима,
Но стоит в веках неколебима
Наша Ленинградская тюрьма...

Народное творчество

Идеальная тюрьма?

Человечество до сих пор никак не может определиться по ряду вопросов. Нас сейчас только один интересует, а именно: какой же должна быть идеальная тюрьма? Возможно ли вообще, в принципе, разработать и утвердить – раз и навсегда – одну-единственную модель тюрьмы?

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Честно скажу, не совсем понимаю, что люди имеют в виду под «идеальной тюрьмой». Мне так кажется, что есть всего несколько критериев для этого заведения: во-первых, это все-таки наказание, а не отпуск, и поэтому человек должен себя там чувствовать наказанным, во-вторых, выбраться оттуда на свободу с чистой совестью задолго до окончания срока должно быть весьма проблематично, в-третьих, в самой тюрьме должна гарантироваться относительная безопасность для ее постояльцев. Вот в принципе и все. Какие еще факторы я не учел? Безобразными условия содержания быть не должны, но и в дом отдыха незачем превращать. А если уж гуманизм совершенно зашкаливает, то могу посо-

ветовать спросить об этом мнение самих заключенных (желательно «тяжеловесов»): какой, дескать, должна быть, на ваш взгляд, идеальная тюрьма? После чего исполнить безукоризненно все их рекомендации. Вот и получите идеальную тюрьму.

А если мнения и пожелания самих заключенных все равно не будут услышаны, то все это слегка напоминает нечто, называемое «лицемерием».

Но, видимо, не все так просто, раз люди так и не смогли определиться в этом вопросе. На выполнение требований самих обитателей тюрем гуманизма все-таки не хватает.

Паноптикум

В поисках первого образца идеальной тюрьмы источники всякий раз отсылают меня к имени англичанина Иеремии Бентама. Яркий персонаж был для своей эпохи, надо сказать. Юрист, социолог, теоретик либерализма, родоначальник утилитаризма, сторонник свободы слова, отделения Церкви от государства, права на развод, запрещения рабства, запрещения пыток и телесных наказаний. Но больше всего он вызывает мои симпатии тем, что выступал за права животных.

Я прочитал, что даже в «Капитале» Иеремию уделено несколько строк как *«трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оракулу прошлого буржуазного рассудка»*.

Но не этими своими достижениями интересен он нам. Дело в том, что борец за права всего живого оставил свой след в истории еще и тем, что представил на всеобщее обозрение проект идеальной тюрьмы – паноптикума. Чертеж паноптикума датируется 1791 годом.

Само слово «паноптикум» – греческого происхождения. Означает оно «пространство, в котором видно все». Как можно понять из названия, особенностью такого заведения было то, что надзиратель мог без особых проблем видеть каждого заключенного. Пишут, что Иеремию долгих 16 лет разрабатывал свой проект постройки кругообразного здания, в котором заключенные в полностью просматриваемых камерах не видели бы стражей и не знали, в какой момент за ними наблюдают. Слежка в такой тюрьме велась бы из центральной башни, чтобы у узников складывалось ощущение, что они находятся под контролем в каждый момент. Эта система позволила бы снизить до минимума персонал тюремного заведения, в идеале – до одного человека. На роль этого человека, по слухам, претендовал сам Бентам.

Не прошло и ста лет с момента начертания Бентамом здания своей мечты, как в Петербурге началось строительство новой тюрьмы, в ос-

нову которой был положен принцип Бентама. Архитектор Антоний Томишко при возведении тюрьмы применил известный в тюрьмостроении принцип паноптикума, означающего, в отличие от старых тюрем-темниц, максимально возможную открытость, освещенность тюремных помещений с целью постоянного и всеохватывающего наблюдения за арестантами; последние тут превращаются как бы в актеров на ярко освещенной сцене.

Момент второй: я специально написал Бентам, а не Иеремию. Потому что Бентам, но другой – брат Иеремии Сэмюэль – в то время делал блестящую карьеру в России на службе у князя Григория Потемкина. А вот Иеремию как раз и навещал своего брата для того, чтобы вместе разработать проект паноптикума.

В качестве исторической справки могу сказать, что идеи паноптикума в России восторга со стороны властей не вызвали, и Иеремию стал искать спонсоров по другим странам – Англии, Франции, Ирландии. Но везде результат был одним и тем же – отказ.

Несмотря на все эти отказы, общий принцип паноптикума повлиял на все последующее тюремное строительство. Из наиболее известных воплощений замысла Бентама выделяют тюрьму Пресидио Модело, что на Кубе. Знаменита она тем, что в ней содержался Фидель Кастро.

ИЗ-47/1

До второй половины XIX века порядка в российских тюремных делах не наблюдалось. Тем временем интерес к этому вопросу только возрастал, а принципы гуманизма всецело захватили передовые российские умы. Настало время подойти к вопросу тюрьмостроения со всей серьезностью. Первые упоминания о тюрьмах как таковых относятся ко второй половине XVI – началу XVII века. Но в обществе происходили изменения, начиналась и тюремная реформа. Во второй половине XIX века новая тюрьма стала необходимостью.

Новую современную тюрьму было решено построить на берегах Невы, на месте бывшего Винного городка, в складских помещениях которого хранились запасы вина всего города. В 1868 году Винный городок был преобразован в комплекс сооружений для краткосрочного содержания арестантов, и вот теперь на этом месте должна была появиться тюрьма, отвечающая если не всем, то многим нормам того времени.

Такое серьезное и ответственное дело было поручено архитектору Антонию Томишко – уроженцу Австро-Венгрии (Чехии), долгое время жившему в России. Для получения европейского опыта перед началом строительства Антония отправили в командировку за границу.

Что тут скажешь – Петербургу к такому не привыкать. И я осознаю не касаюсь темы самого города, в котором возвели Кресты. Ведь можно сказать, что сам город представляет собой одно большое европейское заимствование.

Томишко не случайно предложили взяться за это дело – Антоний был уже вполне обрусевшим, имел опыт – он, например, снес здание тюрьмы в Старой Руссе и создал проект новой, современной уездной тюрьмы, ставший фактически типовым: по этому образцу возвели 22 тюрьмы в Весьегонске, Вязьме, Царицыне и других городах. Кроме того, архитектор изучал тюремное строительство в Европе и, в частности, в Берлине.

Так что человек был не новый, неслучайный.

Вообще, изначально у истоков тюремной реформы стояла не Россия, а, если так можно выразиться, западные религиозные сектанты. Вполне логично, что много внимания в вопросе исправления уделялось именно религиозному аспекту. Были такие суровые времена, когда единственным возможным вариантом исправления считалось изолирование преступника в одиночной камере, где из предметов разрешена была только Библия. Все это – и традиции, и квакеры, и филладельфийская система – не могло не отразиться на проекте архитектора Томишко. А именно – тюрьма по форме своей представляет два креста, а камеры планировались одиночные. Не прямое воплощение идей квакеров и Бентама, но и не без их влияния.

В некоторых источниках говорится, что форма креста и принцип одиночного заключения (кельи) является данью Томишко российскому менталитету. Но, как мы с вами видим, это не совсем так. Если форму креста еще как-то можно привязать к России, хотя и не без натяжек, то одиночный формат – точно не наше. Официальная позиция государства была такова, что одиночное заключение русскому человеку противопоказано самым строжайшим образом. Не для русского каторжанина все эти квакерские одиночки. Даже западная статистика показывает драматичные результаты длительного пребывания заключенных без общения, а для русских такая мера является практически высшей.

Строительство, продолжавшееся 5 лет и 7 месяцев, завершилось в 1890 году. Осуществлялось оно следующим образом: заключенные, находящиеся в старой тюрьме, строили новую и по мере строительства новых зданий переходили в них, а старые ломали. Все здания тюрьмы строились из красного кирпича. Как и весь тюремный комплекс – с применением кладки из красного кирпича, – была построена

домовая крестокупольная пятиглавая церковь во имя Св. Александра Невского на 400 мест. В начале июля 1890 года церковь была освящена епископом Выборгским Антонием.

Стоит отметить, что при постройке этого комплекса архитектором часто принимались новаторские решения инженерных и технических вопросов. Так, здесь были применены электричество для освещения и центральное отопление. Системы водоснабжения, канализации, электрификации создавались автономными. И без капитальных ремонтов они работают и сегодня.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что новая тюрьма возводилась из самых лучших соображений и с полной серьезностью, тщательно изучался европейский опыт и общие тенденции тюремной реформы. Построенная по новаторскому проекту, эта тюрьма стала образцовой для России конца XIX – начала XX века.

Приведу слова очевидца, революционера, отсидевшего в Крестах 10 месяцев одиночного заключения: *«...тюрьма с ее просторными, светлыми и чрезвычайно чистыми коридорами, где не виднелось на одной соринки и все блестело, начиная с вощенного асфальтового пола, и постоянно обчищалось».*

Легенда

Не могут русские люди без легенд. Вокруг каждого хоть сколько-нибудь значительного события нам необходима завеса тайн и загадок. Не обошло народное творчество стороной и здание новой тюрьмы. По проекту Томишко, в Крестах должно было быть 1150 отдельных камер. Но что нам проекты и чертежи, нам подавай что-нибудь более интересное. Так, одна из легенд гласит, что всего в Крестах 999 камер, которые постоянно используются. В них все обычно. Но есть еще одна, та самая, где спит вечным сном архитектор. Она спрятана от посторонних глаз, никто не знает, где же дверь, ведущая в нее. Согласно легенде, туда, в секретную тысячную камеру, Томишко упрятал сам император. Справедливости ради, надо сказать, что опровержения этой легенде нет.

Использование

Как известно, была в России всегда категория людей, сторонников брать не только пример с Запада, но и вообще все, что только можно. Иногда – самое плохое, бывало, что и полезное. В случае с новой городской тюрьмой – наверное, все-таки второе. И первое время все действительно было вполне прилично. Кресты стали самой крупной

стройкой в программе преобразования «тюремной части» в Российской империи, осуществленной Главным тюремным управлением Министерства внутренних дел. Тюрма называлась образцовой.

Преступники – как уголовные, так и политические – содержались в одиночных восьмиметровых камерах с маленьким окном и встроенной вентиляцией, а также с достижениями цивилизации того времени: клозетом со сливом, водопроводным краном с водой для питья и умывания. В обстановку камеры входили стол, стул, небольшая этажерка, железная кровать, на шарнирах прикрепленная к стене. Днем она поднималась, чтобы заключенный не мог лежать. Из постельных принадлежностей выдавались соломенный тюфяк и подушка. Подъем осуществлялся в пять часов, зимой – в шесть. За час необходимо было привести себя в порядок, убрать камеру, помолиться. После утренней проверки шла хозяйственная работа. Затем арестантов выводили на прогулку по тюремному двору. Вечером также проверка, уборка камеры, молитва. Банные дни дважды в месяц. Белье меняли каждую неделю. Переписка допускалась только с близкими родственниками с разрешения начальника тюрьмы. В обязанность арестантам вменялись учеба в школе и принудительный труд.

Как мы видим, все было так, как и задумывалось. Что бывает далеко не всегда.

Крестам даже была вручена Золотая медаль Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 года в Санкт-Петербурге «За замечательно разнообразную постановку ручного труда и очень хорошие изделия». С декабря 1890 года в Крестах начала свою деятельность первая в России тюремная типография. Благодаря ей оказалось возможным сформировать в МВД и Главном тюремном управлении обширные библиотеки служебной литературы. В ней печатался вплоть до 1917 года журнал «Тюремный вестник».

Получается, что все было «по-европейски» в лучшем смысле этого слова. Похоже даже, что здесь получилось взять все самое лучшее от Запада и добавить все самое лучшее из российского опыта. Я думаю, Томишко (если его самого не закрыли в той самой секретной хате) был доволен.

Но все течет и все меняется. Россию ждали большие перемены и новые времена. Менялась страна, менялась вместе с ней и тюрьма. Менялись нравы, порядки, контингент. Какое-то время в Крестах содержались и несовершеннолетние, и женщины. Какое-то время Кресты были расстрельной тюрьмой, в которой приводили в исполнение высшую меру. Со временем про 8 метров на каждого заключенного

пришлось забыть. Особенно туго с метрами было в период репрессий 37–38-го годов, когда в каждой камере одиночного содержания площадью 3 кв. м размещалось 15–17 человек, и во время «Бандитского Петербурга», гангстерской войны 90-х годов XX века, когда в Крестах содержалось более 12 тысяч человек.

Получается, что после революции 1917 года европейское заимствование все больше и больше теряло лоск. В годы безбожия и воинствующего атеизма была прикрыта и Церковь. Форму крестов, конечно, изменить не смогли, но религиозный аспект был сведен к минимуму. Я не могу сказать, что изменения, последовавшие после революции, можно считать отклонением от европейского к российскому. Нет, тут больше именно отклонение к революционному. Ведь у революции все российское тоже было не в чести. Превалировало желание построить новый мир, где ничему старому места не отводилось. На примере Крестов мы видим, что ничего нового сделать не удалось, лишь испортили старое, создав невыносимые условия пребывания для заключенных. Говорят, что на то была революционная необходимость. Это сначала. Потом – слишком много врагов, вредителей и шпионов. Потом – что-то еще. Всегда были и есть какие-то отговорки. Численность населения уже падает с каждым годом. Нет тех двухсот миллионов советских граждан, из числа которых Сталин набирал контингент, уменьшая тем самым количество метров квадратных на одного заключенного. Уже далеко не двести миллионов жителей в РФ, но стало ли в Крестах свободнее? Есть там сейчас по 8 метров на каждого? В 90-х не было точно.

Подведем итоги

Возведенная обрусевшим иностранцем по европейскому проекту с западными традициями городская тюрьма Кресты прекрасно справлялась со своими функциями до революции 1917 года. Наверное, тюрьма не была такой уж идеальной, но все-таки какие-то гарантированные удобства там были. Мы даже встречаем положительные отзывы, дошедшие до наших дней.

А вот потом уже там вдруг стало голодно, холодно, грязно и тесно. Я не склонен считать такое ухудшение ситуации отходом от европейской модели к настоящей русской самобытности. Это не русское, на мой взгляд, а революционное.

К русской самобытности в европейской изначально тюрьме я бы отнес те вещи и явления, которые привнесли туда люди, оказавшиеся там и вынужденные как-то выживать в тех условиях. Например, пере-

дача сообщений «по дороге» – это когда «гонят коня», передавая записки из одной камеры в другую.

К русской самобытности я бы отнес, разумеется, и фольклор – многочисленные стихи и песни о Крестах, рассказывающие о нелегкой арестантской доле.

В поздние 80-е и даже в 90-е, к сожалению, не удалось вернуться обратно к европейскому варианту Крестов. Видимо, слишком сильно 70 лет повлияли и на саму тюрьму, и на людей в обществе в целом.

После 90-х, когда уже отгремели и гангстерские войны, ситуация опять же изменилась мало. Конечно, не двенадцать с половиной тысяч человек содержатся, но все же и репутация европейской новинки уже не вернулась. В некотором смысле, европейская тюрьма Кресты стала слишком русской.

В наши дни легендарное здание на Арсенальной – следственный изолятор, именуемый Крестами, – собираются превратить в гостиницу. Для этих целей, как я понял, уже началось строительство нового здания, куда должны будут переехать подследственные. Новое здание тюрьмы строят в Колпино. Как говорится в тех местах – «на Колпаке».

И это будет уже совсем другая история.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (май – июнь 2013 года)

Омск

13 мая 2013 года

В Омске не утихают скандалы, связанные с исправительными колониями. На этот раз **обвинения в пытках** звучат в адрес руководства ИК-7 и Следственного изолятора № 3 Омского управления ФСИН. В сети видеохостинга Youtube появилась запись, на которой гражданин, назвавшийся Русланом Губановым, сообщает о пытках, которым подвергаются заключенные в омских ИК-7 и СИЗО-3. Согласно словам Губанова, он находился в месте лишения свободы с 2008 по 2013 год. Первым местом, куда он попал, было СИЗО-3, там в отношении его применяли «дыбы, пакеты и пытки электричеством», далее автор обращения был переведен в ИК-7, где, по его словам, также применялись пытки и избиения. Далее он перечисляет причины, из-за которых наносились побои. Так, физическому насилию можно было подвергнуться за ответ в неправильной форме – вместо «да» или «нет» нужно было отвечать «так точно» и «никак нет».

Поименно перечисляя своих обидчиков, Руслан Губанов назвал подполковника Алексея Шмальца и майора Александра Линника из СИЗО-3. В ИК-7 – начальника управления Сергея Карючина.

Видео стало широко обсуждаться, и руководству ИК-7 и СИЗО-3, скорее всего, стоит ждать проверок.

Впрочем, предыдущие проверки заканчивались ничем. Так, после похожего скандала в ИК-6 региональный следственный комитет провел проверку по коллективной жалобе родственников одного из заключенных о его жестоком избиении. По результатам проверки было установлено, что гражданин, заявивший об избиении, в действительности получил травмы после несчастного случая.

Добавим, что в адрес сотрудников СИЗО-3 Алексея Шмальца и Александра Линника также уже звучали обвинения в избиениях. В 2011 году об этом сообщал предприниматель Александр Курмилов в видеообращении. Впрочем, и тогда по всем жалобам и заявлениям прокуратура вынесла постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, так как в ходе проверки были опрошены сотрудники СИЗО-3, и факты не подтвердились.

Волгоградская область

15 мая 2013 года

Начальник УФСИН по Волгоградской области Сергей Ключ *подозревается в расходовании бюджетных средств на аренду двухкомнатной квартиры* в центре Волгограда, которая использовалась для проживания его семьи. Согласно результатам доследственной проверки, в результате ФКУ ИК № 5, из средств которой оплачивалась квартира для начальника, причинен ущерб в размере 660 тысяч рублей. В настоящий момент решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

В ходе предварительной проверки, проведенной управлением ФСИН России, был выявлен факт злоупотребления и превышения должностных полномочий со стороны Сергея Ключа. Согласно материалам проверки, с 9 апреля 2009 года по декабрь 2011 года администрация ФКУ ИК №5 УФСИН России по Волгоградской области в лице начальника Никогоса Авакяна арендовала двухкомнатную квартиру, расположенную в Волгограде на улице Мира, для проживания начальника УФСИН России по Волгоградской области Сергея Ключа и его семьи. Стоимость аренды составляла 20 тысяч рублей в месяц. Всего же за период его проживания в арендованной квартире исправительной колонии № 5 был причинен ущерб в размере 660 тысяч рублей. Данные средства были предназначены на бытовое производственное обеспечение исправительной колонии.

Начальник исправительной колонии № 5 заключал договоры аренды квартиры не по собственной инициативе, а во исполнение указания вышестоящего руководства УФСИН России по Волгоградской области.

На данный момент материалы проверки направлены в СУ СКР по Волгоградской области для решения вопроса об уголовном преследовании должностных лиц УФСИН России по Волгоградской области по статьям 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» и 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий».

Помощник волгоградского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Дмитрий Наумов подтвердил факты, раскрытые в ходе проверки, однако что-либо комментировать отказался. В СУ СКР по Волгоградской области от комментариев пока также воздержались. <...>

В пресс-службе УФСИН по Волгоградской области, в свою очередь, признают наличие отдельных финансовых нарушений, но утверждают, что они уже полностью устранены.

«В апреле – мае 2012 года при проведении ревизии ФСИН России финансово-хозяйственной деятельности УФСИН России по Волгоградской области были выявлены отдельные финансовые нарушения при оплате за аренду жилых помещений в период с апреля 2009 по 2011 год включительно на сумму 660 тысяч рублей для сотрудников УФСИН России по Волгоградской области, переведенных по службе из других регионов и не имеющих жилья на территории Волгоградской области, – сообщили в ведомстве. – Жилье арендовалось за счет чистой прибыли, оставшейся после уплаты налогов и других обязательных платежей, что соответствует действующему законодательству.

Данный вопрос подробно проверялся специалистами ФСИН России, и в августе 2012 года получено разъяснение о том, что при аренде жилого помещения стоимость коммунальных услуг должна оплачиваться проживающим в арендованном помещении сотрудником в полном объеме. Вся сумма за коммунальные услуги была возмещена, и денежные средства перечислены в доход федерального бюджета».

Иркутская область

18 мая 2013 года

Из колонии строгого режима под Иркутском в ночь на субботу **сбежали четверо заключенных**. ЧП произошло в колонии № 19 в поселке Марково: трое убийц и осужденный за разбой сделали подкоп под основное ограждение и скрылись.

По данным ведомства, их отсутствие было обнаружено сегодня в 8.00 местного времени.

Полиция и ФСИН ведут их активный розыск, объявлен план перехвата «Вулкан-5». На сайте областного ГУ МВД опубликованы особые приметы сбежавших.

Свердловская область

30 мая 2013 года

В Фонд «В защиту прав заключенных» поступила информация от свердловского правозащитника Алексея Соколова о том, что в ИК-46 города Невьянска Свердловской области ситуация на грани бунта.

Согласно полученной информации, в ночь с 29 на 30 мая «активистами»* были жестоко избиты двое осужденных, которые затем забаррикадировались в отряде № 7 и никого к себе не подпустили.

Утром 30 мая осужденные из шести отрядов отказались от приема завтрака в знак поддержки избитых осужденных, против систематических избиений осужденных «активистами» по указанию сотрудников администрации.

Осужденные вывесили плакаты с требованиями смены руководства колонии № 46 и встречи с представителями ОНК и прокуратуры.

Свердловские правозащитники Алексей Соколов и адвокат Роман Качанов неоднократно посещали ИК-46 для встречи и оказания осужденным правовой помощи, однако руководство учреждения чинило им препятствия, отказывало в свиданиях, у адвоката Качанова незаконно изымались личные вещи.

Следует пояснить, что активисты – это осужденные, приближенные к администрации учреждения, наделенные командно-распорядительными функциями и выполняющие указания сотрудников администрации, как правило, совершающие противоправные действия в отношении других осужденных.

Ранее «активисты» могли существовать легально, под видом самостоятельных организаций, которые были упразднены приказом Минюста в 2009 году.

ФСИН отрицает существование на данный момент «активистов», однако фактически они продолжают существовать и совершают преступления в отношении других осужденных (пытки, вымогательства, изнасилования и пр.).

Челябинская область

11 июня 2013 года

Челябинское **ГУ ФСИН** призвало «Молодую гвардию Единой России» для отвлекающего маневра по поводу событий в колонии-поселения при ИК-6, что в городе Копейске.

Сайт Челябинского ГУ ФСИН извещает, что «в исправительной колонии № 6 и на участке колонии-поселения ГУ ФСИН России по Челябинской области проведена внеплановая проверка. В подразделение выехала комиссия в составе членов общественной наблюдательной комиссии Андрея Власова и Елены Сыркиной, общественного совета при ГУ ФСИН области Ольги Груздевой, общественного помощника уполномоченного по правам человека в Челябинской области Елены Чертовой и руководителя регионального отделения Всероссийской общественной организации "Молодая гвардия Единой России" Вадима Тропина... Проведены беседы с осужденными. Каких-либо жалоб и заявлений не поступало».

Местные правозащитники поражены таким разворотом событий. Челябинская правозащитница Валерия Приходкина возмущена: «Сильно странно видеть “Молодую гвардию” в роли правозащитников. Им более привычна роль в лыжах по асфальту и в обезьяньих мордах прыгающих перед оппозицией! И чего потянуло-то в казематы? Опять легитимизируем тиранов, узурпаторов и вертухаев?»

Другая правозащитница, Оксана Труфанова, заявляет, «Правозащитников на территорию колоний Челябинский пенитенциарный главк не пускает, а “Молодую гвардию Единой России” – пожалуйста».

Правозащитники также сомневаются, что МГЕР имеет в своих уставных целях защиту прав заключенных и оказание правовой помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы.

Валерия Приходкина и Оксана Труфанова поделились этими событиями в ФБ и после опубликования критики в адрес новоявленных «правозащитников» на телефонный номер Оксаны Труфановой начали поступать прямые угрозы такого содержания: «Видимо сучка ты не поняла по хорошему готовься тогда к празднику за молодую гвардию и единую Россию ответишь». Пунктуация сохранена, сообщает Оксана Труфанова.

По поводу этих угроз Оксана обратилась с заявлением в ФСБ России. Спустя некоторое время Оксана получила новое смс-сообщение: «Мразь ты о каком ф с б говоришь а за холопов в погонах ответишь по закону». Пунктуация также сохранена! «Видимо, фейсбук мой читает», – сообщает Оксана.

СМС-угрозы Оксана Труфанова воспринимает реально и думает временно покинуть Челябинскую область.

Печально одно, что в Челябинском ГУ ФСИН до сих пор применяют угрозы в адрес людей, которые защищают права человека в местах принудительного содержания.

Адыгея

13 июня 2013 года

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Адыгея **завершено расследование уголовного дела в отношении начальника центра** 2-й категории центрального бюджетного учреждения «Центр инженерно-технического обеспечения Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Адыгея» (далее ФБУ «ЦИТО УФСИН России по РА») 44-летнего Игоря С. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата вверенного имущества с использованием своего служебного положения в крупном размере).

Следствием установлено, что 10 декабря и 17 декабря 2010 года С., являясь должностным лицом, зная о том, что работы по установке и монтажу автоматизированной противопожарной сигнализации и системы оповещения людей в ФБУ «ЛПУ-5 УФСИН России по Республике Адыгея» и ФБУ «КП-3 УФСИН России по Республике Адыгея» 000 «Стражсервис» не выполнены, действуя умышленно, используя свое служебное положение, подписал акты приемки выполненных работ. После этого произвел оплату за невыполненные работы по установке и монтажу автоматизированной противопожарной сигнализации и системы оповещения людей на сумму более 800 тысяч рублей.

Следствием собрана достаточная доказательная база. Уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Нижний Новгород

4 июня 2013 года

Вечером 4 июня 2013 года в нижегородскую Общественную наблюдательную комиссию стали поступать **сообщения о массовом применении насилия в отношении осужденных**, отбывающих наказание в исправительной колонии № 1 ГУ ФСИН РФ по Нижегородской области (поселок Сухобезводное). Для проверки этой информации члены ОНК с 5 по 10 июня выезжали в эту колонию.

В ходе посещений были опрошены несколько десятков осужденных, из которых более 20 человек сообщили о том, что днем 4 июня сего года сотрудники ИК-1 вместе с сотрудниками подразделения специального назначения ГУ ФСИН проводили обыски в помещениях штрафного изолятора, помещениях камерного типа и в нескольких отрядах, включая отряд строгих условий отбывания наказания. По словам опрошенных, при проведении обысков сотрудниками спецназа без каких-либо законных оснований применялась физическая сила. Некоторые осужденные были выведены из своих отрядов, препровождены в помещение ШИЗО и ПКТ, где сотрудники спецназа продолжили их избивать. Осужденных раздевали догола, оскорбляли и, избивая, заставляли кричать громко вслух: «Я – мразь!», «Я – чмо!», «Я – пид..р!». Кроме того, заставляли кричать различные речевки на тему прославления колонии, режима, начальства колонии. Некоторые осужденные сообщили представителям ОНК, что им на голову надевали пакеты, перекрывая таким образом доступ воздуха. В нескольких заявлениях сообщается об угрозах сексуального насилия. Тех, кто падал без чувств, обливали водой и снова били. Некоторые осужденные сообщили, что в отношении них избиения продолжались также 5 и 6 июня.

Членами ОНК с помощью фото- и видеоаппаратуры были зафиксированы многочисленные гематомы и ссадины на телах осужденных. При этом осужденные сообщили, что им не оказывалась медицинская помощь. Напротив, их заставляли написать заявления об отказе от прохождения медицинского освидетельствования. Члены ОНК незамедлительно, получив письменное разрешение от осужденных, ознакомились с их личными карточками в медсанчасти и с «журналом травматизма». На тот момент никаких записей о наличии, либо об отсутствии телесных повреждений в этих учетных документах не было, что также было зафиксировано при помощи фотоаппаратуры.

Сами сотрудники учреждения в беседе с членами ОНК категорически отрицали применение физической силы и сообщили, что все это является тщательно подготовленной провокацией, а наличие телесных повреждений было объяснено тем, что осужденные нанесли их себе сами, что также являлось частью спланированной провокации. Однако никаких доказательств того, что заявления осужденных являются ложными, администрация членам ОНК не предоставила, сославшись на то, что информация «оперативная». Также было отказано в предоставлении и даже в демонстрации видеозаписей с камер наблюдения, расположенных в местах предполагаемого избиения, что, по мнению членов

ОНК, могло бы снять все вопросы. Кроме того, члены ОНК отметили, что видекамера в коридоре ШИЗО была развернута к стене.

Особое недоумение вызвал и тот факт, что, несмотря на достаточные данные, указывающие на признаки преступления в течение целой недели после обращений осужденных в ОНК и после появления информации в сети Интернет, с заявителями беседовали только члены ОНК и сотрудники ГУ ФСИН. Ни прокурор, ни следователи Следственного комитета с осужденными даже не встречались.

Анализ собранных на настоящий момент материалов позволяет сделать вывод, что факт применения незаконного насилия в отношении осужденных неустановленными сотрудниками ГУ ФСИН по Нижегородской области, подтвержден. В настоящее время члены ОНК продолжают вести независимое общественное расследование и документировать все факты и обстоятельства случившегося. Все собранные материалы по окончании расследования будут переданы в органы Следственного комитета для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Расследование, которое проводит нижегородская ОНК, на настоящий момент не окончено, и мы считаем преждевременным сообщать все подробности случившегося, однако в связи с тем, что на некоторых интернет-ресурсах появилось много информации о произошедшем в ИК-1 инциденте, в том числе недостоверной и носящей спекулятивный характер, считаем необходимым сообщить, что, хотя осужденные действительно были подвергнуты насилию, информация о тяжком вреде здоровью не подтвердилась. На настоящий момент им уже оказана медицинская помощь. В настоящее время мы информируем родственников осужденных, контакты которых нам известны, о ситуации в колонии и о фактическом состоянии здоровья пострадавших.

По окончании расследования ОНК опубликует его результаты и совместно с МРОО «Комитет против пыток» будет оказывать юридическую помощь пострадавшим.

Рабочая группа ОНК по Нижегородской области

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Боливия: тюрьма как школа преступности

В Боливии более чем у 1600 детей и подростков нет выбора – они должны жить в переполненных и обветшалых тюрьмах вместе со своими родителями, осужденными за то или иное преступление. Они находятся в постоянном соседстве с ворами, убийцами и торговцами наркотиками.

В тюрьме Сан-Педро, расположенной в самом центре города Ла-Пас и представляющей собой настоящий закрытый город, содержатся более 1600 заключенных, хотя рассчитана тюрьма лишь на 400 человек. Вместе с ними здесь живут и около 160 детей, многие – нелегально.

Посреди заполненного заключенными внутреннего двора девочка в розовом спортивном костюме тренируется, не обращая никакого внимания на окружающих.

Боливийские законы разрешают родителям иметь при себе детей в пенитенциарных учреждениях, если их возраст не превышает шести лет. Но здесь нередко можно встретить и тех, кому уже давно исполнилось гораздо больше, вплоть до 18 лет.

Ричард Фернандес, осужденный за преступления, связанные с распространением наркотиков (впрочем, как и большинство других заключенных), в Сан-Педро продолжает выполнять свои обязанности отца семейства. Это очень тяжело делать в такой обстановке – здесь процветает насилие, пьют спиртное и употребляют наркотики.

«Дети находятся в тюрьмах, потому что на воле их не на кого оставить. Некоторые из них вообще наполовину сироты, и в большинстве случаев они находятся здесь со своими матерями», – рассказывает Ричард, который отбывает свой срок вместе с 8-летним сыном.

«Дети живут здесь, находясь под постоянным психологическим давлением, в атмосфере агрессивности. Эти условия конечно же не

для детей. Жить в таком месте значит травмировать ребенка», – подчеркивает Стефано Торичини, волонтер из итальянской неправительственной организации, которая вот уже десять лет занимается тем, что оказывает психологическую поддержку несовершеннолетним в тюрьме Сан-Педро.

По его словам, дети в подобных учреждениях, в которых царит закон сильного и где все продается и покупается, быстро усваивают жестокие криминальные «законы».

Из-за жестокости и насилия, присущих тюрьме, родители вынуждены запрещать своим детям покидать камеры, что фактически означает двойное заключение.

После обеда дети, которым больше шести лет, имеют право выходить из Сан-Педро, чтобы посещать расположенную поблизости школу. Их поведение, рассказывает Рейналдо Паччеро, директор этого учебного центра, в котором занимаются 130 детей заключенных, отличается «словесной и физической агрессивностью».

По его словам, они находятся в постоянной «обороне» против своих школьных товарищей, которые часто напоминают им, что они – «дети эзков».

А психолог этого учебного центра, пожелавший сохранить анонимность, в свою очередь, рассказывает, что речь этих детей изобилует таким количеством ругательств и жаргонных выражений, что даже «желудок сводит».

Официально считается, что безопасность этих детей гарантирована, но никто точно не знает, что с ними происходит за высокими стенами Сан-Педро. На них часто можно видеть следы побоев, в любой момент они могут стать жертвами сексуального насилия. Но «омерта» – закон молчания, свидетельствует психолог, действует в тюрьме повсеместно.

«Эти дети боятся что-либо рассказывать. Очень редко бывает, что кто-нибудь из них пожалуется, подавляющее большинство молчит», – говорит г-н Торичини.

Если в отношении ребенка все-таки установлен факт агрессии, нарушителя на время могут поместить в карцер, но у жертвы нет никакого выбора, кроме как оставаться в тюрьме и сосуществовать рядом с обидчиком.

Рамиро Льянос часть своего детства провел за решеткой рядом со своим отцом, который попал в тюрьму в 60-х годах прошлого века во времена диктатуры. Ему повезло: он вышел из тюрьмы без потерь и через какое-то время стал ответственным сотрудником национальной пенитенциарной системы.

Он пояснил корреспонденту агентства Франс Пресс, что его случай – это редчайшая удача. Подавляющее большинство детей, живущих в тюрьмах, проходят там настоящие «тюремные университеты» и имеют все шансы вернуться туда уже в качестве заключенных.

«Общество должно немедленно заняться этой проблемой. Нужно что-то делать, причем как можно быстрее. В противном случае не исключено, что этот ребенок, который сейчас живет в тюрьме, в будущем убьет тебя или кого-то еще», – утверждает г-н Льянос.

Конференция по вопросу о смертной казни: ожидание смерти – ежедневная пытка

По свидетельству бывших приговоренных к смертной казни осужденных, в «коридорах смерти» ожидание приведения приговора в исполнение становится «ежедневной пыткой», а сама казнь уже расценивается как некое избавление от мучений. Об этом сами бывшие осужденные рассказали корреспонденту *AFP* во время региональной конференции, проходившей в столице Марокко Рабате. Власти и подконтрольные им средства массовой информации постарались «не заметить» эту конференцию.

– В «коридоре смерти» я провел десять лет. Самое мучительное – ожидание приведения приговора в исполнение, – заявил *AFP* бывший осужденный к высшей мере наказания Ахмед Хау. По его инициативе и прошла эта конференция, на которую съехались представители различных официальных ведомств и неправительственных организаций из стран Северной Африки и Среднего Востока.

– В отделении «Б» тюрьмы города Кенитры как раз и находится «коридор смерти». Там царит поистине жуткая тишина. При малейшем шуме сердце начинает биться, как бешеное, и ты говоришь себе: вот, наверное, и пришел твой час, – рассказывает г-н Хау.

Арестованный по политическим мотивам в Касабланке, самом крупном городе Марокко, в 1983 году, годом позже Ахмед Хау был приговорен к смертной казни. В 1994 году, в результате международных протестов, он был помилован королем Хасаном II, отцом нынешнего монарха Мухаммеда VI.

– В других отделениях тюрьмы открывание дверей камеры является символом надежды на освобождение. Но в «коридоре смерти» это совсем другой символ. Там каждое открывание дверей означает неизбежный конец и неопикуемый ужас, – говорил с трибуны конференции г-н Хау. – Таким образом, ожидание является каждодневной пыт-

кой, и в конце концов приведение приговора в исполнение воспринимается как избавление от ежедневных мучений.

В Марокко, где с 1993 года объявлен мораторий на применение смертной казни, около ста узников все еще находятся в «коридорах смерти».

На сегодняшний день ни одна из арабских стран не отменила смертную казнь, но, как выразил во время конференции надежду французский посол по правам человека Франсуа Зимерэ, Марокко может стать в этом деле первопроходцем.

Местные правозащитные организации, требующие полной отмены смертной казни, в своей борьбе опираются на положение новой Конституции, принятой в 2011 году, которое закрепляет «право на жизнь».

На конференции выступила еще одна бывшая «смертница» – Антуанетта Шашин, сорокалетняя ливанка, проведшая два года в «коридоре смерти» в бейрутской тюрьме. Она была приговорена к этой мере наказания в 1997 году за убийство.

– Самое ужасное – это ждать, – сказала она корреспонденту *AFP*. По ее словам, в Ливане женщин, приговоренных к высшей мере, не казнят, но законодательно это не закреплено.

– Несмотря на это, пребывание в «коридоре смерти» было непередаваемым мучением, пока суд под международным давлением все-таки не признал меня невиновной и полностью оправдал, – пояснила г-жа Шашин. – Неопределенность делает каждую минуту, проведенную в «коридоре смерти», невыносимой. Если бы меня казнили, то это означало бы, что суд убил невиновного человека. Вот почему я борюсь за полную отмену смертной казни. Нельзя, чтобы случайно пострадал невиновный.

Посол Франции по правам человека Франсуа Зимерэ заявил *AFP*, что он также считает, что смертную казнь необходимо полностью отменить. Даже в том случае, если на ее применение объявлен мораторий, «это означает, что люди в "коридорах смерти" подвергаются ежедневной пытке от неуверенности в том, что будет завтра».

Франция недавно объявила о начале международной кампании за полную отмену смертной казни.

По данным Международной амнистии в странах Северной Африки и Среднего Востока наиболее высокий уровень применения смертной казни, исходя из количества населения.

В такой стране, как Саудовская Аравия, в прошлом году было проведено более 70 казней, чаще всего путем отсечения головы. Изнасилование, убийство, вероотступничество, вооруженное ограбление,

незаконный оборот наркотиков – все эти преступления в Саудовском королевстве караются смертью.

Испания: кого сажают в тюрьмы?

Испания является одной из европейских стран, имеющих самое большое на континенте тюремное население. Это стало известно из отчета о Конференции министров юстиции стран – членов Совета Европы, прошедшей в Стамбуле. В Испании насчитывается 162 заключенных на 100 тысяч жителей, в Германии – 95, во Франции – 85, в Португалии – 121. Сейчас заключенных в тюрьмах Испании больше, чем было в любой другой период новейшей истории, за исключением первых лет диктатуры Франко.

В 2011 году, с началом кризиса, в стране стал наблюдаться рост насильственных преступлений: как следует из ежегодного отчета Генеральной прокуратуры, количество убийств, похищений людей и нападений по сравнению с 2010 годом увеличилось. Тюрьмы пополняют выходцы из беднейших слоев населения, из «низов». В основном они совершают преступления, так или иначе связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Представителей этой части общества можно увидеть в большом количестве в любой из провинциальных испанских тюрем. Сами тюрьмы находятся в плохом состоянии, они изношены, построены бог знает когда и забиты заключенными, каждому из которых вменяется 30, 40 или даже 50 пунктов обвинения за участие в кражах, нападениях, грабежах, контрабанде или торговле героином, кокаином, гашишем и другими наркотиками...

На тюремном жаргоне их называют гремлинами¹. Это нищие люди, без всякого будущего, которым даже их преступная деятельность не поможет выбраться из нищеты. Они «привязаны» к тюрьме – освобождаются и садятся вновь. Сестра Женестьева, 88-летняя монахиня, являющаяся членом совета визитеров тюрьмы в Барселоне вот уже 70 лет, категорична: «В тюрьмы попадают самые обездоленные». Она знает, о чем говорит.

Люди дорого платят за свои преступления: те, кого арестовывают за хранение одного килограмма кокаина, получают от 8 до 9 лет тюрьмы, а вот два крупных испанских финансиста, осужденные Верховным судом за мошенничество при продаже земли под застройку в Мадриде, в тюрь-

¹ Гремлин – мифическое существо из английского фольклора, озорной проказник, сродни домовому.

му не попали. Их фактически оправдал Конституционный суд, вынеся весьма сомнительное решение с собственной интерпретацией о сроках исковой давности. Это решение вызвало возмущение в обществе.

Богатые нередко избегают ответственности за свои экономические преступления из-за сомнительного применения закона о сроках исковой давности. Действительно, исходя из норм права, по истечении определенного промежутка времени ответственность за некоторые преступления не наступает. Количество преступлений, затрагивающих интересы многих граждан и наносящих огромный ущерб населению, растет, а виновные лица, даже если они и осуждаются, из-за норм законодательства о сроках давности, никогда не переступают порог тюрьмы.

Кризис способствует совершению всех этих экономических преступлений, а за последствия вынуждено платить население? Хорошо маскируемые мошенничества, одновременно гениальные и бесстыдные, позволяют строить финансовые пирамиды. А чтобы показать, что государство борется-таки с преступностью, особый упор делается не на борьбу с экономическими преступлениями, а на борьбу с уличной преступностью (этот способ используют правительства многих стран), в результате тюрьмы заполняются мелкими правонарушителями и несовершеннолетними, в подавляющем большинстве – выходцами из беднейших слоев.

Не вызывает сомнений тот факт, что уголовные и пенитенциарные системы европейских стран весьма снисходительны по отношению к тем, кто уклоняется от уплаты налогов или совершает другие крупные экономические преступления, то есть к представителям богатых слоев. И наоборот, эти системы все более и более агрессивны и нетерпимы по отношению к выходцам из низших социальных слоев.

В довершение ко всему сегодня в Испании правительство, сформированное Народной партией и ее союзниками, хотело бы объявить преступниками всех, кто мирно выступает против экономической системы, которая способствует их обнищанию, а заодно и нарушает их права. Это может произойти в результате ужесточения Уголовного кодекса. Если проект этих изменений будет принят, то в испанскую тюрьму мог бы попасть сам Махатма Ганди... Все это никак не будет способствовать сокращению тюремного населения. И на самом деле, как писал Хосеп Валлес, бывший ответственный сотрудник тюремной системы Каталонии, «иметь большое количество переполненных тюрем – это неправильно».

Между тем лица, совершающие экономические и финансовые преступления с помощью разработанных сложных и хитроумных юридических прикрытий, которые практически не позволяют выявлять их махинации, в отличие от большинства граждан ведут роскошную и комфортабельную жизнь. И им наплевать, что за последствия от их преступлений платят тысячи, сотни тысяч или даже миллионы граждан страны.

Существующая система ежедневно понемногу теряет от своей легитимности, а само понятие «демократия» понемногу превращается в пустой звук.

Франция: классическая музыка приносит успокоение

Лирический оркестр региона Авиньон-Прованс дал концерт классической музыки в тюрьме города Тараскона. Мелодии Стравинского, Моцарта и Бетховена зазвучали в стенах центра заключения города Тараскона. Утром на импровизированной сцене, оборудованной в тюремных мастерских, сорок музыкантов лирического оркестра региона Авиньон-Прованс в течение часа исполняли отрывки из наиболее известных классических музыкальных произведений.

А слушали эти шедевры 60 заключенных. Из официальных лиц присутствовал супрефект города Арля Пьер Каistolди. Атмосфера концерта с зачаровывающими звуками скрипок, флейт и контрабасов была почти религиозной. «Среди слушателей немало и молодежи, хотя классика для них, к сожалению, не является приоритетом, – говорит Брюно, один из офицеров, осуществляющих надзор. – Но видно, что им очень понравилось. Во всяком случае, это весьма оригинально и необычно, и многие могли воспользоваться этим случаем и послушать прекрасные мелодии».

В этом пенитенциарном учреждении часто бывают разные гости. Так, в июне заключенные имели возможность встретиться с известным матадором из города Арля Хуаном Батистой, нередко здесь бывают и футболисты из команды «Истр», которые с удовольствием обучают осужденных игре в футбол. «Тюрьма не должна быть местом, где лишь исполняется наказание, – утверждает директор этого учреждения Марк Олье. – Заключенные должны узнать для себя что-то новое, чему-то научиться полезному, а не просто отбывать наказание. Нужно, чтобы в тюрьмы для общения с нашими подопечными приходило как можно больше народа, чтобы развивался спорт, проводились различные культурные мероприятия, вот как сегодня. Все это способствует подготовке осужденных к освобождению. Мы надеемся, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе такие события, как это, будут способствовать ресоциализации заключенных».

Каждый отрывок исполняемых произведений сопровождается бурными аплодисментами, свидетельствующими, что классика не вышла из моды и нравится слушателям. Для музыкантов играть в тюрьме, конечно, непривычно, но встревоженными они не кажутся. «Это не первый наш опыт. В феврале прошлого года мы уже играли в тюрьме. А то, что это заключенные, ну и что? Мы должны играть для всех – такова наша профессия», – улыбаясь, говорит Жан-Клод, один из контрабасистов.

Ну что ж, концерт закончился. Довольны все.

Франция: полусвободный режим

Полусвободный режим – хороший инструмент, но нуждается в улучшении. Такое мнение высказал Генеральный контролер мест лишения свободы Жан-Мари Деларю. Он считает, что усовершенствование этого вида режима, являющегося одним из методов организации отбывания наказания, могло бы способствовать сокращению рецидивной преступности.

В своей статье, опубликованной в «Официальной газете», Жан-Мари Деларю напоминает, что режим полусвободы позволяет ряду осужденных покидать в определенные часы пределы тюрьмы для осуществления своей профессиональной деятельности (работы или учебы).

Осужденному может быть предоставлен такой режим либо в качестве пробационного, либо по приговору суда (если наказание не превышает два года тюремного заключения), либо по решению судьи по применению наказаний². Осужденный, которому предоставлено право покидать пенитенциарное учреждение, обязан соблюдать ряд правил, касающихся временного режима, контактов с другими лицами и т. д. В случае нарушений установленных запретов режим полусвободы может быть отменен. По состоянию на 1 января 2012 года 1857 осужденным был предоставлен этот вид режима, что составляет 3% от общего числа осужденных за общеуголовные преступления.

Режим полусвободы – «весьма полезный инструмент, который в принципе хорошо разработан и который может очень хорошо способствовать ресоциализации осужденных и профилактике рецидивов», полагает Генеральный контролер.

² Судья по применению наказаний – отличительная особенность французской системы уголовной юстиции. Судья по применению наказаний вправе активно вмешиваться в процесс отбывания наказания осужденным, в том числе и к лишению свободы. Он организует надзор за осужденными, получившими «отсрочку с испытанием», решает вопрос об изменении режима содержания осужденных к лишению свободы, о предоставлении им отпусков, условно-досрочном освобождении и т. д.

«Необходимо дать возможность таким осужденным добиться успеха, особенно если они сами имеют такое желание», но им также нужно предоставлять «необходимые материальные условия» и ряд прав, которыми они могут пользоваться, находясь на полусвободном режиме, добавляет г-н Деларю. Если исходить из хронической переполненности пенитенциарных учреждений, а также зачастую их ветхости, то «полусвобода означает для многих отсутствие постоянной скученности и наличие некоторого личного пространства».

Вместе с тем в стране не так много судей и социальных работников, чтобы они могли обеспечивать индивидуальную работу с каждым осужденным.

Генеральный контролер также выражает сожаление, что некоторые центры полусвободы располагаются далеко от мест, в которых можно найти работу, а это, в свою очередь, требует от осужденных передвижений на значительные расстояния. Одна из главных причин, по которым осужденных лишают права на полусвободный режим, отмечает г-н Деларю, состоит в том, что они не могут вовремя вернуться в пенитенциарное учреждение.

Уровень лишения осужденных права на полусвободный режим составляет 24% в одном и 15% в другом из проверенных мною центров, уточняет Генеральный контролер, добавляя, что этот уровень «можно значительно сократить, если лучше приспособить условия полусвободы к имеющимся реалиям».

По словам Жан-Мари Деларю, «если условия нахождения на полусвободном режиме улучшить, то количество лиц, которым он предоставляется, может значительно возрасти, а следовательно, и его результаты будут более значимыми».

США: смертная казнь – продолжение сегрегации

Соединенные Штаты Америки, являясь страной с самым высоким уровнем демократии, тем не менее отличаются рядом страных «рекордов». Например, в тюрьмах США находится четверть всех заключенных в мире, а по количеству приведенных в действие смертных приговоров страна уступает лишь Китаю, Ирану, Северной Корее и Йемену. С начала возобновления приведения приговоров в исполнение в 1976 году смертная казнь на сегодняшний день применяется в 34 штатах из 50 и унесла жизни 1254 человек³, большинство из кото-

рых чернокожие. Еще 3300 человек ожидают своей участи в «коридорах смерти».

Из всех этих цифр и констатаций следует один вопрос, постоянно задаваемый сторонниками полной отмены узаконенных убийств: как смертная казнь может вписываться в современную демократию? Чтобы ответить на этот вопрос, социолог Арно Гайар посетил 8 американских штатов, в которых применяется смертная казнь. По результатам своей поездки он написал книгу, которая называется «999» (издательство *Max Milo*, 2011), а затем и снял фильм «Сигнал».

Журналист Сорен Силоу задал Арно Гайару несколько вопросов.

– Почему у книги такое странное название – «999»?

– Это первые три цифры регистрационного номера, который присваивается каждому приговоренному к смертной казни во многих штатах, в частности в Техасе. Я выбрал их как символ бесчеловечности смертной казни: эти цифры как отличительная татуировка для заключенных, ожидающих своей участи иногда в течение многих лет.

– США является одной из самых развитых демократических стран в мире (наряду с Индией и Японией), в которой применяется смертная казнь. Как можно объяснить эту американскую особенность?

– Среди возможных объяснений можно привести следующее. Американское общество, построенное на повсеместно распространенном насилии, и сейчас отличается огромным количеством оружия, находящимся во владении граждан, и очень высоким уровнем преступности. США остаются страной первооткрывателей, у которых всегда был, есть и будет один девиз: «Пан или пропал». Людям присущ этот радикализм, и представление о снисхождении мало кто разделяет. Законы, как, впрочем, и вся Конституция, рассматриваются как нечто данное Богом, и закон талиона⁴, содержащийся в Ветхом Завете, по мнению многих американцев, оправдывает применение смертной казни.

К этому необходимо добавить, что США являются молодым обществом, можно сказать «подростком», которому свойственны непостоянство и некоторые чрезмерности. Суды Линча продолжались здесь вплоть до 1968 года, и смертная казнь до сих пор существует во многих штатах. Отмечается, конечно, некоторое сужение ее использования, но все-таки страна все еще не разделяет реального критического взгляда на смертную казнь.

⁴ Закон талиона, или Принцип талиона, – принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный преступлением («око за око, зуб за зуб»).

– Объясняя применение смертной казни во многих штатах, часто подчеркивают тот факт, что страна построена по принципу федерализма. А какова позиция по этому поводу федеральных властей и могут ли они сыграть какую-то роль в этом вопросе?

– И могут, и в свое время сыграли, когда Верховный суд США объявил мораторий на применение смертной казни на всей территории США в период с 1972 по 1976 год. Но, в конце концов, Верховный суд решил, что смертная казнь не противоречит Конституции. Если бы он пришел к выводу, что смертная казнь нарушает Конституцию, штаты были бы вынуждены подчиниться этому решению.

Проблема, если можно так сказать, заключается именно в демократии, которая в США простирается очень далеко: избираются все – судьи, окружные прокуроры, губернаторы. И в своих предвыборных речах они отражают страх граждан перед преступностью, которая в США является действительно первоочередной проблемой. Позиционировать себя в качестве противника смертной казни самоубийственно для политика, в том числе для политиков-демократов. Сделать то, что сделал в 1981 году Миттеран⁵, в США для политика просто невозможно.

Смертная казнь в США сохраняет свое сильное тотемное значение. В штате Юта, например, существует обычай при каждом исполнении смертного приговора чеканить монету. Существует как бы желание увековечить событие, принести коллективную жертву, и это глубоко укоренилось в культурном ландшафте.

– Как объяснить то, что Калифорния, очень либеральная во многих отношениях, продолжает оставаться одним из штатов, в которых больше всего заключенных, ожидающих своей участи в «коридорах смерти»?

– Осознание необходимости моратория на применение смертной казни существует в Калифорнии с 2006 года⁶, но не хватает политического мужества. Этот компромисс приводит к гротескной ситуации: в «коридорах смерти» своей участи ожидают более 700 человек.

– Как структурируется общественное мнение по отношению к смертной казни?

⁵ 30 сентября 1981 г. президент Франсуа Миттеран полностью отменил во Франции смертную казнь.

⁶ С 2006 г. в Калифорнии не было казней, хотя никакого моратория по этому поводу объявлено не было. По состоянию на апрель 2012 г. в Калифорнии было 725 приговоренных к смертной казни.

– Исследование, проведенное в 2006 году Институтом Гэллага, показывает, что сторонников смертной казни в США примерно 65% (кстати, наблюдается заметное снижение их числа: в 1994 году их было 80%). Сторонников смертной казни чуть больше половины среди членов Демократической партии, более 80% – среди республиканцев и две трети среди тех, кто не поддерживает ни ту ни другую партии.

Среди наиболее жестких сторонников смертной казни находятся баптисты. Джей Кросс, баптистский проповедник, на выступлениях которого я присутствовал, говорит следующее: «Если не казнить из опасения, что убьешь невинного, тогда вообще нужно выпустить из тюрем всех, потому что мы знаем, что среди заключенных есть невинно осужденные. – И далее он делает такое заключение: – Когда мы начали бомбардировки Франции, чтобы освободить Европу от нацистов, безусловно, погибли и невинные люди. Тем не менее это необходимо было делать, и мы горды тем, что мы это делали. По отношению к смертной казни то же самое!»

К чернокожим жителям смертная казнь применяется гораздо чаще, чем к белым. Сами чернокожие считают, что в США существует правосудие белых в пользу белых. Смертная казнь является продолжением расовой сегрегации, но в равной мере и экономической сегрегации, потому что услуги адвокатов стоят огромных денег, а адвокаты по назначению во многих случаях только делают вид, что защищают своих подзащитных.

– Как распределяются приговоренные к смертной казни по этническому признаку?

– Афроамериканцы составляют 12% от общего числа граждан США, но среди приговоренных к смертной казни их – 42%. Белых – 72% от общего числа жителей, а среди приговоренных к смерти их – 44%.

Дисбаланс является еще более поразительным, если учесть происхождение жертв: у чернокожего, убившего белого, гораздо больше шансов быть казненным, чем у белого, который убил чернокожего. На национальном уровне большинство жертв не являются белыми. Тем не менее 80% приговоров к смертной казни выносятся в отношении тех, кто убил именно белого. Отсюда следует, что, во-первых, смертная казнь представляет собой «инструмент», который в первую очередь служит белым, а во-вторых, что «цена» жизни зависит от цвета кожи и от финансовых возможностей.

– А как обстоят дела с жюри присяжных?

– Для процесса, который может закончиться вынесением приговора о смертной казни, вызывается 200 человек, из которых 12 отбира-

ются в состав жюри присяжных. Кандидат в состав жюри должен положительно ответить на следующий вопрос: «Сможете ли вы проголосовать в пользу предлагаемого приговора, который предусматривает смертную казнь?» Таким образом, сторонники отмены смертной казни изначально не могут быть присяжными. Профессор криминологии Университета города Хантсвилла (Техас) Дэнис Лонгмир объясняет в этой связи, что «католики и евреи, известные своей приверженностью к отмене смертной казни, не приветствуются в суде присяжных. Регулярно им предпочитают белых граждан, баптистов или евангелистов по вероисповеданию, которым их мораль не запрещает голосовать в пользу приговора о смертной казни».

В США, однако, имеет место настоящий отбор в состав жюри, иногда кандидата могут отклонить вообще без всякой мотивации. Если жертва – ребенок, то судья или прокурор, иногда даже в сговоре с адвокатом, будут отбирать только женщин, у которых есть семьи и которые могут представить себя на месте родных жертвы. Правосудие в США – это война, и эта война идет через отбор присяжных.

– Критерии, которые могут привести к вынесению приговора к смертной казни, четко определены или они могут меняться?

– Критерии эти совершенно случайные. Исследование, проведенное в Калифорнии, показывает, что лишь в 6–8% случаев, когда может быть вынесен вердикт о смертной казни, он в действительности выносится. Убийство полицейского – один из тех редких случаев, когда смертная казнь назначается всегда. Убийца ребенка или женщины, особенно если подобный случай широко освещался в средствах массовой информации, имеет гораздо больше шансов получить смертный приговор. Но каких-то четких критериев по этому поводу в законе нет. Наконец, свою роль играет и география: за одно и то же преступление можно получить 20 лет тюрьмы, пожизненное заключение или быть приговоренным к смертной казни – все зависит от конкретного округа, где рассматривается дело.

– Каковы условия содержания в «коридорах смерти»?

– Они очень отличаются от штата к штату. В Нэшвилле (штат Теннесси) они вполне приемлемые, а в Калифорнии их вообще считают «летними лагерями» для смертников. Наоборот, в штате Миссисипи – это настоящая каторга, там температура воздуха в камерах достигает 40 градусов Цельсия и отсутствует даже подобие кондиционеров. Спать невозможно, это настоящий ад, который никогда не заканчивается. Впрочем, он может и закончиться – смертью. В Техасе два раза в месяц разрешены телефонные разговоры, посещения очень редки, пита-

ние отвратительное, книги цензурируются и ограничиваются в количестве – не более четырех одновременно.

В Техасе или в Джорджии заключенные находятся в камерах 23 часа в сутки. Вернее, эти помещения там даже не называют «камерами», их называют «клетки». Когда знаешь, что в среднем заключенные ожидают приведения приговора в исполнение 12–20 лет, а «должителем» «коридора смерти» являлся заключенный, который провел в нем до казни 35 лет... Не считая того, что в тюрьмах запрещено курить, а «последняя сигарета» запрещена осужденному к смерти по закону, который гласит, что курение вредно для здоровья!

В Оклахоме один заключенный с помощью барбитуратов хотел покончить с собой в день приведения приговора в исполнение. Его отвезли в больницу, сделали промывание желудка, привезли назад в тюрьму, связали и затем казнили: все это произошло за четыре часа!

– Существует ли надежда, что когда-либо смертная казнь будет полностью отменена в США?

– Да, многое указывает на то, что страна находится на пути к отмене смертной казни, но этот процесс продлится очень долго. Если взглянуть немного назад, то видно, что с того времени как был полностью ликвидирован суд Линча, применение смертной казни из года в год снижается.

Двадцать лет назад разговоры об отмене смертной казни людьми вообще не воспринимались. С тех пор наблюдается заметный прогресс. Опрос Гэллапа показывает, что если опрашиваемому предлагают выбрать между смертной казнью и пожизненным заключением без права освобождения, 48% выбирают последнее, а смертную казнь – 47%. За последнее время еще три штата полностью отменили у себя смертную казнь – Нью-Мексико, Нью-Йорк и Иллинойс.

Китай: «перевоспитание трудом» в лагерях

В Китае право и политика находятся в тесной взаимосвязи. Право чаще всего подчинено политике, и лишь в редких случаях право дает импульс политической реформе. В 1980 году, едва закончилась так называемая «культурная революция», к власти в партии пришли новые лица, объявившие о реформах. Они захотели избавиться от своих политических врагов «легальным» способом, запустив уголовный процесс против «контрреволюционный клики», которую возглавляла вдова Мао Цзэдуна. С тех пор юридическая система строго следует в фарватере линии партии. Каждый год Верховный народный суд заявляет о

своей приверженности Коммунистической партии. Эта ситуация демонстрирует, насколько абсурдно положение закона в Китае.

Бывший начальник полиции Ван Лицзюнь, в свое время руководивший в Чунцине операцией «Антимафия», сам был осужден судом города Чэнду. С безжалостным руководителем операции «Антимафия» обошлись как с «мафиозо». Органы общественной безопасности Чэнду что хотели, то и делали во время процедуры расследования: и следствие, и предъявление обвинения, и сам суд в отношении Ван Лицзюня велись точно так же, как некогда, в период своего всевластия, поступал сам Ван по отношению к своим противникам.

Вынесенный 24 сентября приговор Ван Лицзюню, согласно которому он приговорен к 15 годам тюремного заключения, состоялся незадолго до открытия XVIII съезда Компартии Китая, на котором будет утверждено новое поколение лидеров. Этот приговор означает политическое поражение клана Бо Силая, бывшего партийным руководителем в провинции Чунцин. Поскольку даже крупные партийные деятели не застрахованы от осуждения по различным искусственным причинам, то, соответственно, верховенство закона в Китае существует лишь на бумаге. Все делается для достижения тех или иных политических целей. Это в равной степени относится как к бывшему шефу полиции Ван Лицзюню, так и к Гу Кайлай (жене Бо Силая), диссиденту Лю Сяобо, художнику Ай Вайвэю или к экологу Так Зуорену. Всех их подвергли таким же «справедливым» судебным разбирательствам.

Просто сказать, что правосудие в Китае не является ни независимым, ни справедливым, совершенно недостаточно, чтобы описать весь вред, который несет китайская политическая система. Когда дело касается какого-то значимого судебного разбирательства, все превращается в шоу. В первой инстанции процесс должен проходить публично, на сцене появляются адвокаты, которые призваны якобы защищать права обвиняемых. В зале судебного заседания кроме обвиняемого, его жены и детей все места заняты специально отобранными людьми, чтобы создать видимость открытого, прозрачного процесса. Затем эти же зрители хвалят в средствах массовой информации суд, утверждая, что он был и справедлив, и беспристрастен.

Конечно, обвиняемый имеет право подать апелляцию, если он не удовлетворен приговором, понимая при этом, что апелляция ровным счетом ничего не изменит, так как суд первой инстанции вынес именно тот приговор, который он обязан был вынести.

Ситуацию с правами человека в Китае характеризует и то, что полиция имеет право без всякого судебного решения и без всякого уголов-

ного процесса лишить любого гражданина свободы на несколько лет. Эта процедура называется «перевоспитание трудом» (или «лаогай»).

Первоначально система перевоспитания трудом была разработана в качестве административной санкции в отношении мелких правонарушителей, тех, кто не подлежал уголовному преследованию. Принимаемая легко и быстро, эта санкция изначально противоречит понятию «права человека». Ее применяют не только в отношении, например, членов «Фалуньгун» (запрещенное религиозное течение), но и против всех тех, кто упорно отстаивает свои права.

Наказание в виде «перевоспитания трудом» не является судебным решением. Интернированные лица не являются преступниками. Это наказание выносится «комитетом, утверждающим решение о перевоспитании трудом», созданном при местном органе общественной безопасности, и оформляется официальным документом, исходящим из другого комитета, который называется «комитет по руководству процессом перевоспитания трудом».

Однако наказание в виде «лаогай» иной раз оказывается куда более тяжелым, чем уголовное наказание. Решение об отправке человека в лагерь может быть принято всего лишь за три дня. Можно лишь подать заявление о пересмотре принятого решения. Других средств правовой защиты в случае направления на «перевоспитание трудом» нет. Эти «преимущества» системы «лаогай» являются способом поддержания общественного порядка. Знаменитый китайский диссидент, лауреат Нобелевской премии Мира за 2010 год, Лю Сяобо в 1996 году был приговорен к трем годам «перевоспитания трудом» за то, что осмелился высказать свои политические убеждения.

Китайская правовая система является достаточно развитой, чтобы отменить эти лагеря «перевоспитания трудом». В статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, подписанного китайским правительством, говорится: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

Статья 37 Конституции КНР предусматривает, что свобода личности граждан Китая является «неприкосновенной». «Никто из граждан не может быть подвергнут аресту, иначе как с санкции или по постановлению народной прокуратуры, или по постановлению народного суда». А в законе, принятом в 2000 году, прямо говорится, что ограничения свободы могут быть установлены только на основании закона.

Оба же текста, которые регулируют систему «лаогай», ограничивают свободу граждан и предписывают внесудебную процедуру, но законами не являются. Юристы давно пришли к единому мнению о неконституционности и незаконности системы «лаогай». В обществе все чаще и чаще высказываются мнения об упразднении системы «перевоспитания трудом». С 2008 по 2012 год, когда органами общественной безопасности Чунцина руководил Ван Лицзюнь, процедура направления в «лаогай» широко использовалась как дополнительный метод в кампании по борьбе с мафией. Причем с многочисленными злоупотреблениями. Вся жестокость этой системы ярко демонстрирует нарушения прав человека и гражданина.

Во время, когда Бо Силай и Ван Лицзюнь были при власти, объектами этих санкций стали критики политической системы, интернет-авторы различных сатирических произведений, направленных против этих чиновников, а также те, кто позволил себе публичные комментарии на сайте микроблогов Weibo по поводу проводимой государственной политики или каких-то социальных событий. По подсчетам, в период между 2009 и 2011 годами органами общественной безопасности вынесено от 5000 до 6000 решений о направлении в «лаогай» сроком на один год. А если сюда прибавить еще тех, кому дали от одного до двух лет «лаогай», то число интернированных только в Чунцине достигает 10 000 человек. Эта цифра соответствует одной пятой от общего числа тех, кто содержится в лагерях по «перевоспитанию трудом» в Китае.

Видимо, китайским адвокатам, защищающим тех, кто лишь вел крамольные речи, в некоторых случаях, используя процедуру административного обжалования принятых с рядом нарушений комитетами решений о направлении в «лаогай», удалось способствовать отмене этих решений. Хорошо, что такие случаи уже есть, но их должно быть значительно больше.

Есть надежда, что новые китайские руководители смогут положить конец системе «перевоспитания трудом» (как это было сделано в 2003 году, когда были ликвидированы центры административного заключения), с тем чтобы фундаментальные права граждан были лучше защищены.

Китай: реформирование «лаогай»

В течение 2013 года Китай намерен реформировать систему исправительно-трудовых лагерей. Этот шаг станет первым этапом политических реформ, объявленных новым китайским лидером Си Цзиньпином.

Образованные в 1957 году, «лагеря для перевоспитания посредством труда» позволяют полиции отправлять в них неугодных лиц сроком до четырех лет без всякого судебного решения. Китайские власти регулярно подвергаются жесткой критике со стороны мирового сообщества за использование этой системы с целью заставить замолчать политических оппонентов.

В КНР насчитывается примерно 350 исправительно-трудовых лагерей, в которых находится 160 000 заключенных. Эти цифры, полученные из Бюро «по перевоспитанию трудом» Минюста КНР, озвучило государственное информационное агентство «Новости Китая»⁷.

Известие о реформе этой внесудебной практики заключения в ИТЛ противоречит ранее появившимся сообщениям о том, что эта система будет окончательно упразднена. Информация об упразднении ИТЛ уже полностью удалена с интернет-сайтов средств массовой информации без объяснения причин.

«Китайское правительство начнет в этом году реформу спорной системы перевоспитания трудом. Это следует из решений Всекитайского совещания по вопросам работы органов юстиции и общественной безопасности», – сообщает информагентство «Новости Китая».

Ранее государственный телеканал *CCTV* объявил о ликвидации ИТЛ, разместив на своем сайте цитату из микроблога Мэн Цзяньчжу, недавно назначенного секретарем Политико-юридической комиссии Коммунистической партии Китая, а до этого назначения пять лет руководившего Министерством общественной безопасности КНР, которое ведает, в частности, системой исполнения наказаний.

«Использование системы перевоспитания посредством труда закончится к концу этого года, после того как это решение утвердит Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей», – заявил Мэн Цзяньчжу.

Влиятельный информационный журнал *Saixin* также озвучил эти предложения Мэн Цзяньчжу, которые он высказал во время заседания Политико-юридической комиссии, им возглавляемой.

Мэн Цзяньчжу возглавил эту влиятельную комиссию, осуществляющую контроль за деятельностью всех правоохранительных органов КНР, после прошедшего в ноябре 2012 года XVIII съезда КПК, на котором сменилось руководство Компартии Китая.

⁷ По данным различных правозащитных организаций, численность заключенных в ИТЛ превышает 260 000 человек. – *Ред.*

На отправленный в Министерство юстиции агентством *Reuters* запрос ответа о подтверждении данной информации пока не получено.

Николас Беклин, сотрудник известной неправительственной организации Human Rights Watch, базирующейся в Вашингтоне, отмечает, что простая реформа, вместо полной и окончательной ликвидации системы ИТЛ, сможет лишь немного ограничить процедурные механизмы и сделать режим в ИТЛ, «например, немного мягче, чем при административном задержании».

Г-н Беклин полагает, что власти могут позволить обвиняемым пользоваться помощью защитников, например позволить участвовать в процессе адвокатам или юридическим консультантам.

Китайская пресса в особо несправедливых случаях отправки в исправительно-трудовые лагеря публикует критические статьи о системе ИТЛ. Это было продемонстрировано, например, в случае с Рен Цзянью, который позволил себе критику правительства.

Пресса также выступила в защиту Тан Хуэй. Эту женщину отправили в исправительно-трудовой лагерь в августе 2012 года за то, что она раскритиковала решение суда и потребовала, чтобы он вынес более суровое наказание в отношении нескольких мужчин, изнасиловавших ее дочь. Под давлением общественности она вскоре была освобождена из ИТЛ.

Тунис: в «коридорах смерти»

Хамма Хаммами – левый общественно-политический деятель Туниса, руководитель Коммунистической партии рабочих Туниса. Принимал активное участие в студенческом движении. Неоднократно арестовывался, в период с 1972 по 2002 год несколько раз приговаривался к тюремному заключению. Подвергался пыткам и содержался среди лиц, приговоренных к смертной казни. Последний раз был арестован 12 января 2011 года, после того как в интервью СМИ поддержал революционные события в Тунисе. Освобожден переходным правительством через три дня в рамках амнистии политзаключенных.

Хотя в Тунисе смертная казнь не применяется с 1991 года (объявлен мораторий), тем не менее ничто не мешает судам ее назначать. Новый президент Туниса Монсеф Марзуки, избранный в результате свержения режима Бен Али, бежавшего из страны, помиловал 122 человека и заменил им смертную казнь на пожизненное лишение свободы.

Хамма Хаммами свои воспоминания, посвященные пребыванию в «коридорах смерти», написал в 2008 году. Однако, по понятным причинам, они опубликованы лишь после свержения режима Бен Али.

Мы публикуем отрывки из этих воспоминаний.

«В октябре 1974 года я впервые попал к тем, кто был приговорен к смертной казни. Меня только что приговорили к восьми с половиной годам тюрьмы за участие в деятельности запрещенной организации "Будущее Туниса". Меня определили в камеру № 9 блока Е тюрьмы, которая называлась "9 апреля". Это был так называемый "дисциплинарный блок", в котором содержались приговоренные к смертной казни, нарушители тюремного режима, гомосексуалисты и политические заключенные. Думаю, что в глазах наших тюремщиков мы все являлись "отбросами общества". Этот блок Е представлял собой длинный темный коридор, грязный и плохо проветриваемый, в котором насчитывалось 18 камер⁸.

Камеры с первой по четвертую, располагавшиеся ближе всего к входу в блок, были в основном предназначены для смертников. Их можно было отличить по зеленому комбинезону, который, постепенно выгорая, становился бледно-голубым. Кормили их неплохо, они имели право на "двойную порцию". Но находились они в полной изоляции. Мало того, смертники были прикованы к своим нарам. Цепи с них снимались только на время прогулки и для принятия пищи. И прогулки, и приемы пищи проходили под неусыпным контролем охранников.

Как я уже сказал, изоляция у смертников была абсолютная. Никаких свиданий, даже с адвокатами, им не разрешалось. Не разрешалось писать не только письма, но и различные жалобы или заявления. В общем, смертники были полностью оторваны от внешнего мира. Не знали они и дату, когда приговор будет приведен в исполнение. Их родные тоже этого не знали. О том, что их казнят, они узнавали рано утром, на заре, когда администрация включала на всю мощь радио. Еще более жестоко по отношению к родственникам то, что тела казненных им не выдавались. Смертники были лишены права на достойное погребение, хоронили их тайно, на кладбище, примыкавшем к тюрьме, в специально отведенном месте.

Хаттаб был парнишкой из Меллассина, бедного и пользующегося дурной славой квартала города Туниса. Ему только что исполнилось 18 лет. Мы дружили с ним. Он находился в камере номер 4, а я – в камере номер 18. В то время, в 1974 году, уголовная ответственность наступала в 16 лет. Хоттабу же, когда он совершил преступление – убил свою мать, – было 16 с половиной. Отца у него не было, с матерью они жили вдвоем. У нее была связь с одним мужчиной. Тогда

⁸ Тюрьма «9 апреля» была разрушена в 2006 г.; заключенных и персонал перевели в тюрьму Морнагиа.

так делать было не принято. Окружающие подсмеивались над Хаттабом, отпускали в его адрес разные шуточки.

Однажды, придя домой, он совсем потерял голову и убил свою мать, а затем сжег ее. В газетах много писали об этом случае, который просто потряс людей. Было немало тех, кто умолял президента Бургибу помиловать его. Но в глазах президента, как и в глазах судей, убийство матери было непростительно. Они считали, что это самое жуткое, что можно совершить. В общем, власти ждали, когда ему исполнится 18 лет, чтобы отправить его на виселицу.

Хаттаб знал, что в любой момент его могут казнить, и он с этим смирился. Однажды охранники вдруг занервничали, и мы все поняли, что его конец близок. Ему дали таблетки, транквилизаторы, а где-то в час или два ночи вывели в коридор и на двери его камеры нарисовали большой черный крест. Когда Хаттаб понял, что ему пришел конец, его последние слова были адресованы мне. Он закричал на весь коридор: «Прощай, Аббес!» Аббес – это имя, которое я взял, когда скрывался от властей. Этим именем меня называли и сокамерники.

17 апреля 1980 года двери камер тюрьмы оставались закрытыми до 11 часов утра, тогда как обычно они открываются в 5.30 или в 6 часов. В это время начинается прогулка. Это был четверг, день, когда можно принять душ. Атмосфера была мрачной, а наши охранники – в ярости. Им пришлось присутствовать сразу на нескольких казнях: казнили Ахмеда Эль Мергхэни и 12 других членов вооруженной группы, прибывшей из Ливии. 27 января 1980 года они атаковали город Гафса. За это Суд государственной безопасности приговорил их всех к смертной казни.

Виселицу возвели накануне, во дворе, рядом с блоком Т. В Тунисе все казни происходили в одном месте, на одной виселице и, соответственно, палач был один. Его звали Хмед, это был тщедушный циничный мужчина среднего возраста. «На гражданке» он работал контролером в автобусе. В его семье профессия палача была наследственной, переходила от отца к сыну еще со времен беев, со Средневековья.

Казалось, что казнь будет продолжаться бесконечно. Приговоренных к смерти вытаскивали по одному из их камер. А Хмед без умолку тараторил. С какой-то детской и одновременно садистской радостью он рассказывал охранникам, которые обязаны были при этом всем присутствовать, что ему вскорости должны привезти новую виселицу, прямо из Бельгии. Повесив седьмого заключенного, Хмед попросил сделать перерыв и заказал себе огромный бутерброд, чтобы восста-

новить силы. Наскоро его проглотив, он вновь принялся за “работу”. Когда мы наконец к 11 часам утра вышли из своих камер, нас сразу же отвели напрямик в душ. Проходя через раздевалку, я заметил целую кучу сложенной одежды зеленого цвета. Это была одежда тринадцати повешенных...

Осужденные к смертной казни, как правило, не являются какими-то криминальными авторитетами. По большей части это бедные, необразованные люди, выходцы из низов. Это люди, потерявшие контроль над своими мыслями и поступками, которые действовали в порыве страсти или из страха. В основном это мужчины в возрасте от 30 до 45 лет.

В тюрьму Надхор, в которой содержались осужденные за тяжкие преступления, я попал на два месяца. Среди нас было двое приговоренных к смерти – Фуэд Дебба и Ам Кхилфа. Это было в 1994 году, а им исполнилось, соответственно, 28 и 53 года. Фуэд Дебба был арестован в 1988 году, а в 1992-м – приговорен к смертной казни за мерзкое, отвратительное преступление. Ам Кхилфа когда-то работал шахтером, в 1993 году он был приговорен к смерти за преступление, совершенное под влиянием любовной страсти. Они оба находились в камерах, каждая из которых была размером 2 на 3 метра. Жили они в постоянном страхе, были полностью раздавлены и физически, и морально, не могли заснуть и все ночи напролет читали Коран. Не могу даже вообразить, что с ними теперь. Двадцать лет не иметь никаких вестей от семей, не иметь возможности послать весточку, двадцать лет ожидать исполнения приговора – наказания, которое никогда не будет исполнено.

Наше правосудие безжалостно к бедным и снисходительно к выходцам из обеспеченных семей. В начале 80-х годов прошлого века сын известного врача-кардиолога Ахмеда Кааби совершил большую ошибку и принял участие в ограблении автозаправочной станции. Закончилось все очень плохо. Заправщик умер в результате ранения пулей. Парень и его друзья, все несовершеннолетние, были арестованы. Им было предъявлено обвинение в умышленном убийстве. Если сравнивать это с “делом Хаттаба”, то их тоже должны были приговорить к смертной казни. Ну и чем все закончилось? Парламент тут же проголосовал за закон, повышающий возраст уголовной ответственности до 18 лет. Суд принял во внимание несовершеннолетие этих ребят и назначил им по 10 лет лишения свободы. Даже наши тюремные охранники, которые не были ни марксистами, ни мягкотелыми, и те были возмущены...

Режим, установленный для смертников, был абсолютно бесчеловечный, недостойный страны, которая называет себя цивилизованной. В 2002 году, во время моего последнего пребывания в тюрьме "9 апреля", там находилось примерно 45 человек, приговоренных к смертной казни. Из них лишь пятеро или четверо были в полном рассудке. Остальные, толстые или, наоборот, худые донельзя, страдали психическими заболеваниями. Лица у всех у них были деформированы тиком. Их пичкали медикаментами, в основном «артаном»⁹ или «валиумом»¹⁰. Некоторые из них уже не отличали день от ночи. Кое-кто потерял дар речи. Один из них беспрерывно повторял "доброе утро". Они жили в абсолютном незнании своей дальнейшей судьбы.

Формально смертная казнь не была запрещена, ее исполнение просто было приостановлено. Приведение приговоров в исполнение могло быть возобновлено в любой момент. И эта ситуация провоцировала среди смертников крайнее напряжение. Их наказание превратилось в пожизненную изоляцию.

В 1998–1999 годах среди них прокатилась волна протестов. Смертники просили гуманизировать условия содержания. Эти протесты длились несколько месяцев. Одни наносили себе повреждения, другие объявляли голодовки, были и попытки самоубийства. Им удалось все-таки добиться небольшого смягчения режима содержания. Так, было разрешено проживать в камерах по 3–4 человека, а ведь раньше они содержались в абсолютной изоляции. Им разрешили смотреть телевизор. Ежемесячно смертникам стали давать 25 динаров, чтобы они могли купить какую-то еду, сигареты или предметы первой необходимости в тюремном магазине. Но, как и прежде, им не разрешалось иметь никаких контактов со свободой, получать или отправлять вести родственникам. Они остались жить, погребенными заживо».

Южный Судан: ситуация в тюрьмах страны

Кеннет Каунда ожидает своей участи вместе с сотней других заключенных в «коридоре смертников», в тюрьме, расположенной в городе Джуба. Он утверждает, что находится здесь лишь потому, что именно он сообщил полиции о лежащем у обочины дороги трупе с ножом в груди.

«Вы убили или не вы, это не важно. К смертной казни все равно приговорят вас. Так сложилось в Южном Судане», – утверждает Каунда

⁹ Препарат для лечения паркинсонизма.

¹⁰ Широко используемое успокаивающее и противотревожное лекарство.

да, стоя среди своих сокамерников, которые, в свою очередь, также пытаются перекричать друг друга, рассказывая о допущенных в отношении их несправедливостях.

Действительно ли они преступники или жертвы юридической ошибки – сказать сложно. Но точно то, что большинство из обитателей «коридора смертников», как об этом говорят южносуданские и иностранные правозащитники, никогда не имели доступа к адвокату.

«Судья сказал, что это именно я убил этого человека; я ему отвечаю, представьте доказательства, но он в этом отказал», – утверждает Кеннет Каунда. Ни он, ни другие 7 человек, приговоренные к смертной казни и опрошенные корреспондентом *AFP*, ни разу не встречались с адвокатом.

В женском отделении тюрьмы Стелла Джува Феликс, обвиняемая в убийстве своего мужа, рассказывает, что ее 17 дней избивали в полиции, а вот троих других, также подозревавшихся в этом убийстве, отпустили, так как у них у всех были адвокаты. Она говорит, что для вынесения приговора о повешении судье понадобилось лишь 5 минут на размышление. Во время так называемого «процесса» ей ни разу не дали возможности произнести хоть слово.

Южносуданские и зарубежные правозащитники также сообщают об отвратительных условиях и ужасающей тесноте, в которых приходится жить заключенным.

Журналистам *AFP* удалось сфотографировать арестантов, опутанных цепями и кандалами, больных психическими заболеваниями, которых бросили в тюрьму, хотя они не совершили ни одного преступления. В холодных камерах их держат абсолютно голыми, часто полностью покрытых своими же экскрементами.

Правительственные и тюремные чиновники, рассчитывая получить международную помощь, охотно открывают двери в тюрьмы, чтобы показать, в каких невыносимых условиях находятся заключенные. Но уже в самой тюрьме охранники пытаются заставить журналистов удалить из памяти фотоаппаратов самые откровенные и неприглядные снимки.

Южный Судан в июле 2011 года, после многих десятилетий разрушительной и смертоносной гражданской войны с проарабски настроенным правительством, находящимся на севере страны, в Хартуме, провозгласил свою независимость.

Юридическая система в масштабах всего нового государства находится в жалком состоянии. До сих пор здесь сталкиваются различные правовые системы, зачастую вступающие в противоречия: законы,

унаследованные от британского колониализма, исламские нормы, местные обычаи...

Судей и адвокатов мало, да и те зачастую неопытны. Некоторые судьи, обучавшиеся исламскому праву, которое является официальным в Северном Судане, с трудом могут читать и применять положения новых законов, близких к западной правовой системе и изложенных на английском языке.

«Весьма вероятно, что многие заключенные, которые, по сути, являлись невинными, были казнены, так как в отношении их отсутствовало справедливое судебное разбирательство», – утверждает Джехан Анри из авторитетной международной организации *Human Rights Watch (HRW)*.

ООН публично осудила повешение двух приговоренных к смертной казни, состоявшееся в августе 2012 года в тюрьме города Джуба. Опрошенные корреспондентами *AFP* правительственные чиновники признались, что они не в состоянии назвать точное число казней, которые произошли в тюрьмах страны.

Талар Денг, юридический советник президента Сальва Киира, также не смог ответить, при каких условиях и когда президент сможет воспользоваться своим правом на помилование. По данным Международной амнистии, в независимом Южном Судане в 2011 году казнили по меньшей мере семерых человек.

Во время гражданской войны повстанцы, воевавшие за независимость Южного Судана, широко использовали казни в виде расстрела. По мнению Дэвида Денга, представителя Адвокатской палаты Южного Судана, бывшие лидеры повстанцев, теперь – руководители страны, как и раньше, видят в смертной казни полезный инструмент.

«По их мнению, смертная казнь по-прежнему является сдерживающим фактором в борьбе с преступностью» в стране, где в изобилии у граждан находится оружие, поясняет адвокат, но «приговорить человека, у которого нет адвоката, к смертной казни означает, что этот человек не в состоянии обеспечить себе защиту. И такое положение неприемлемо в любом обществе».

Опрошенный по поводу того, могли ли попасть на виселицу невинные, Эндрю Монидинг, заместитель директора Пенитенциарной службы, ответил лишь, что обращения приговоренных к смертной казни рассматриваются в течение 14 дней, а после этого им «не избежать своей участи».

Кеннет Каунда утверждает, что не получал никакого ответа на свое обращение, которое он отправил в 2009 году. Ветеран южносуданско-

го восстания за независимость, он тем не менее абсолютно не доверяет южносуданскому правосудию.

«Я не могу верить этой системе», – говорит он, показывая на тюрьму, в которой более 1250 заключенных, то есть в три раза больше того количества, на которое она рассчитывалась во время ее строительства в 50-е годы прошлого столетия.

45-летняя Мэри Сезерина, ноги и руки которой скованы цепями, приговоренная к смертной казни за убийство отца, описывает камеру, в которой она находится с 2005 года, как «самое дно ада».

«Страна получила независимость, но в тюрьмах так ничего и не изменилось», – говорит она и утверждает, что также не получала никакого ответа на свои отправленные ходатайства.

«Как все другие системы, наша тоже может иметь те или иные пробелы, – отвечает советник президента Талар Денг, – но в Южном Судане очень много приоритетов, которые необходимо решать». Например, здесь пока еще не обеспечиваются такие базовые права, как право на обучение или охрану здоровья. А что касается понятия «правовое государство», то это пока не более чем концепция.

Справка

Пенитенциарная система Южного Судана

Точных данных о пенитенциарной системе страны нет.

В 80 пенитенциарных учреждениях по состоянию на июнь 2011 года (данные миссии ООН) содержалось 8000 заключенных, из которых подследственные составляют 45%. Количество заключенных на 100 тысяч населения – 89 человек. Наполняемость тюрем превышает 200%. Высшая мера наказания – смертная казнь через повешение, в том числе в отношении несовершеннолетних. Условия содержания в тюрьмах катастрофические, отмечается огромная переполненность.

Совет Европы: термин «политический заключенный»

3 октября Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) дала определение термину «политический заключенный» и просит страны, входящие в Совет Европы (СЕ), в дальнейшем учитывать это определение в юридических разбирательствах.

Таким образом, как установлено СЕ, «политическим заключенным нужно считать лицо, лишённое личной свободы, если лишение свободы было применено в нарушение одного из основных прав, гарантиро-

ванных Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ) и протоколами к ней, в частности свободы мысли, совести и религии, свободы выражения мнения и информации, а также свободы собраний и объединений». Политзаключенным также является лицо, лишенное личной свободы в условиях, когда «лишение свободы было применено по явно политическим причинам без связи с каким-либо правонарушением». К политическим заключенным также относятся лица, «продолжительность заключения которых и условия заключения являются явно несоразмерными по отношению к правонарушению, в котором лицо было признано виновным или подозревается». Кроме того, политическим заключенным считается лицо, которое было лишено свободы «на дискриминационной по сравнению с другими лицами основе».

Лица, осужденные за террористическую деятельность, к политическим заключенным не относятся, «если судебное разбирательство и вынесение приговора за такие преступления были проведены в соответствии с национальным законодательством и Европейской конвенцией о правах человека».

Рим: Папа Римский о реабилитации заключенных

22 ноября в своей резиденции в Ватикане Папа принял участников 17-й Конференции руководителей пенитенциарных ведомств государств – членов Совета Европы. На этой встрече присутствовали министр юстиции итальянского правительства г-жа Паола Северино и помощник Генерального секретаря Совета Европы г-жа Габриэлла Баттани-Драгони.

Бенедикт XVI с сожалением констатировал «тенденцию к ограничению обсуждений законодательного аспекта санкций» в судебной системе и, соответственно, «минимальное внимание к вопросу исполнения наказаний в виде лишения свободы».

Однако, продолжил Папа, «правосудие» – более широкое понятие: недостаточно «простого наказания», необходимо также сделать все, «чтобы помочь человеку исправиться и способствовать его формированию».

Если этого не делать, отметил понтифик, то «правосудие не будет полным». Само понятие «перевоспитание» в системе уголовного правосудия должно рассматриваться не как нечто «второстепенное или дополнительное», а, наоборот, как «определяющая и основная характеристика» всего процесса исполнения наказания.

В этом смысле недостаточно даже «главного» элемента – «уважения человеческого достоинства и соблюдения прав человека». По мнению Бенедикта XVI, необходимы «конкретные меры», которые бы

способствовали «перевоспитанию осужденного». И такое перевоспитание необходимо как ради соблюдения собственного достоинства конкретного осужденного, так и для его успешной реинтеграции в общество.

В противном случае, предупредил Бенедикт XVI, тюремное заключение может стать «антипедагогическим» и, более того, способствовать «усилению тенденции к совершению повторного преступления, а сам индивид будет представлять все большую угрозу обществу».

Папа пояснил, что речь идет не только о том, чтобы «направить дополнительные финансовые ресурсы, с тем чтобы сделать окружающую среду в тюрьмах более достойной» и «обеспечить более эффективные способы обучения заключенных».

На самом деле эта концепция правосудия призывает к «изменению менталитета», поскольку речь идет об интеграции понятия «права человека применительно к заключенным» в понятие «эффективное осуществление уголовного правосудия».

Изменение менталитета, подчеркнул Бенедикт XVI, помимо самих законодателей, касается всех: и в первую очередь, безусловно, руководителей пенитенциарных ведомств, поскольку именно они со всеми присущими им «мягкосердечием, способностью и вниманием» воплощают в жизнь все те «стратегии перевоспитания», касающиеся заключенных, что зафиксированы на бумаге.

Изменение менталитета касается и самих заключенных, в противном случае их реабилитация не может быть эффективной. Со стороны заключенных, отметил Папа, также «должно существовать соответствующее желание учиться полезному во время нахождения в местах заключения».

Папа призвал не ждать, а действовать: недостаточно, сказал он, «ожидать и надеяться» на позитивный ответ со стороны заключенных, необходимо их «убеждать и побуждать», заставлять «побороть лень» и «разорвать порочный круг».

В своей речи Бенедикт XVI высоко оценил работу тюремного персонала, которая, по его словам, «далека от того, чтобы называться легкой».

Он подчеркнул высокую важность исполняемых ими обязанностей по отношению к лицам, которые находятся под угрозой «потерять смысл жизни» и утратить понятие «ценность человеческого достоинства», что, в свою очередь, приводит к «унынию и отчаянию».

Бенедикт XVI считает, что пенитенциарная администрация должна проявлять «глубокое уважение к лицам», содержащимся в тюрьмах, и исполнять обязанности «по реабилитации заключенных».

Папа предложил «содействие в проповедовании Евангелия и духовного образования в различных формах», что «может разбудить в душах заключенных стремление и к нормальной жизни, и к благородству».

Завершая свою речь, он подчеркнул, что важно быть «уверенным в возможности обновления» и тогда тюрьма сможет выполнить свои функции по ресоциализации и «дать возможность заключенному искупить свои грехи».

Год назад Бенедикт XVI посетил итальянскую тюрьму Ребиббиа, где заявил, что «папская семья», в которой четверо верующих мирян, очень озабочена ситуацией, в которой находятся заключенные, и что у них есть «друзья во многих тюрьмах». «Мы получаем от них пожертвования и, со своей стороны, мы жертвуем в их пользу. Таким образом, это все очень позитивно складывается для моей семьи¹¹», – сказал Папа.

Великобритания: пора решать, голосовать ли заключенным

Подошел к концу срок, установленный Великобританией Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), в течение которого Соединенное королевство должно было решить проблему доступа осужденных к избирательным урнам. Мотивируя независимостью своего парламента в принятии решений, Лондон ранее наотрез отказывался следовать требованиям Европы.

Эта история длится в течение уже семи лет. Между ЕСПЧ и Лондоном не стихает пожар противоречий по этому поводу. И кажется что этот пожар не только не стихает, но все больше разгорается. В центре разногласий – право осужденных на участие в выборах, что прямо запрещено британским Законом от 1983 года «О представительстве народа». Однако в 2005 году ЕСПЧ вынес решение, из которого следует, что Лондон, систематически запрещая всем категориям осужденных в праве голосовать, вне зависимости от длительности назначенного тюремного заключения и самого характера преступления, тем самым нарушает Европейскую конвенцию по правам человека. Это решение ЕСПЧ впоследствии было подтверждено рядом аналогичных решений: в апреле 2010 года – в отношении Австрии, в 2011 году – вновь в отношении Великобритании, наконец, в мае 2012 года – в отношении Италии.

Тем не менее за семь лет Лондон так и не выполнил решение ЕСПЧ. В 2009 году Комитет министров Совета Европы высказал по этому по-

¹¹ Четыре сестры Бенедикта XVI занимаются благотворительностью в тюрьмах.

воду свое недовольство, однако Великобритания стояла на своем: в феврале 2011 года палата общин проголосовала за подтверждение запрета предоставления осужденным права участвовать в голосовании. На этот раз, однако, британское недоверие к ЕСПЧ, с точки зрения суда, может перейти на новый уровень. В то время как ЕСПЧ дал Великобритании срок применить в стране до 23 ноября это решение суда, правительство Дэвида Кэмерона под давлением ультраконсервативной, страдающей еврофобией части партии консерваторов, планирует в ближайшие месяцы представить в парламент свой законопроект. У депутатов есть три возможности: вновь подтвердить запрет на участие в выборах осужденных, разрешить принимать участие в голосовании осужденным на срок не более 6 месяцев тюремного заключения или дать такое право осужденным на срок не более четырех лет тюремного заключения.

Правительство, делая вид, что собирается внедрить в жизнь решение ЕСПЧ, фактически оставляет мало шансов предоставить заключенным право на голосование. Британский парламент, большинство в котором принадлежит консерваторам, проголосует против. И в этом никто не сомневается. Максимум, на что могут согласиться парламентарии, – это предоставить право голоса тем, кто осужден на срок не более шести месяцев тюремного заключения, тогда как ЕСПЧ требует, чтобы право голоса получили все осужденные на срок не более четырех лет. Постановления ЕСПЧ по этому поводу ясны: национальные системы правосудия стран – членов Совета Европы должны предоставлять осужденным право участвовать в голосовании. «Полный, автоматический и неизбирательный» запрет на реализацию права осужденных участвовать в голосовании является нарушением прав человека.

Для Лондона пересмотр вступившего в силу закона, принятого много лет назад, является неприемлемым. «Меня просто бесит сама ситуация, что мы обязаны предоставить право голосовать хоть кому-нибудь из заключенных», – с раздражением заявил премьер-министр Дэвид Кэмерон в феврале 2011 года после второго решения, принятого ЕСПЧ в отношении Великобритании. В октябре 2012 года глава британского кабинета дополнительно заявил: «Должно быть ясно всему миру, пока у власти это правительство, осужденные права голоса не получат».

22 ноября британский министр юстиции Крис Грейлинг, ранее заявивший, что «лично он против предоставления осужденным права голосовать», выступая перед обеими палатами, подтвердил независимость парламента. «Я со всей серьезностью отношусь к обязательству обеспечения верховенства закона, – заявил он. – Парламент должен

оставаться независимым, и "Акт о правах человека"¹² признает этот факт». Правда, перед этим он все же отметил, что отказ применить решение ЕСПЧ «не останется без политических последствий».

По мнению Пола Флинна, депутата от левого крыла лейбористов, которое процитировала газета *The Guardian*, отказ следовать решению ЕСПЧ по такому «пустяковому» поводу будет означать открытое приглашение другим странам к жестокому обращению с заключенными. Другие депутаты, в том числе представляющие «правых», призвали правительство к компромиссу, аргументируя свою позицию тем, что, в случае отказа следовать решению ЕСПЧ доверие к понятию «права человека» в Европе, которые постепенно развивались после окончания Второй мировой войны, будет подорвано. Но во время предыдущих сессий парламента консерваторы почти не выражали беспокойства по этому поводу.

«По моему мнению, Великобритания нарушает права человека, – заявил телерадиовещательной корпорации *BBC* Нильс Муйжниекс, комиссар по правам человека Совета Европы. – Во время своего председательства в Совете Европы (в начале 2012 года) Великобритания высказала очень твердую позицию против повторных рассмотрений (касающихся вопросов, по которым ЕСПЧ уже вынес свое решение) аналогичных дел в суде. В настоящее время 2500 британских осужденных ожидают решений ЕСПЧ по искам, касающимся реализации их права голосовать. Я надеюсь, что Великобритания в ближайшее время последует советам, которым уже последовали другие члены Совета Европы».

Справка

Как голосуют осужденные в Европе

В **Германии, Норвегии и Португалии** лишь лица, осужденные за преступления против государства или демократического порядка, теряют право участвовать в выборах.

Во **Франции** лица, осужденные к тюремному заключению на срок не свыше 5 лет, имеют право участвовать в выборах. Лица, осужденные более чем к пяти годам тюремного заключения, имеют право голосовать после отбытия ими не менее половины назначенного судом

¹² Human Rights Act – декрет, принятый британским парламентом, вносящий в законодательство положения Европейской конвенции по правам человека.

срока лишения свободы. Полностью лишены права голосовать лица, осужденные за коррупцию, хищения бюджетных средств и угрозы в адрес лиц, осуществляющих публичные функции.

В Италии и в Греции право осужденных голосовать зависит от тяжести совершенного преступления. Осужденные к пожизненному лишению свободы теряют это право автоматически.

США: заключенные участвуют в родео¹³

В штате Луизиана заключенные участвуют в большом родео, привлекающем толпы зрителей. Это интересный способ заработать средства для тюрьмы, а также своеобразная возможность развлечься и для самих заключенных, многие из которых приговорены к пожизненному лишению свободы.

В центре арены четверо мужчин вдыхают запах навоза, смешанный с запахом карамельного попкорна, который едят зрители, устроившиеся на трибунах. Усевшись на пластиковые стулья, положив руки на покерный столик, прочно погрузив ноги в грязь, которой заполнена арена, они ожидают выхода быка. А вот и разъяренный бык. Выигрывает тот, кто убежит со своего стула последним. Это один из этапов соревнования родео. И называется он – «покер заключенного».

Различить участников трудно: они все одеты в черные шлемы и защитные жилеты поверх полосатой униформы. Вот этот, которого зовут Малыш Тимми, молча молится. А у этого прозвище – Джаггернаут, он надеется, что поврежденная лодыжка не очень помешает, если ему придется спастись бегством от разъяренного быка. Рядом с ним сидит Тайгер, который хочет подтвердить свое звание чемпиона. Ну а последний – Бакет Хед – просто хочет, чтобы его семья им гордилась. И конечно, все четверо мечтают получить приз – 250 долларов и чемпионский пояс. Но самое главное, чего хотят эти четверо парней, – заслужить уважение со стороны собравшихся 11 тысяч зрителей, пришедших посмотреть на это тюремное родео, имеющее длительную историю.

«О нас много чего рассказывают. Вообще, на нас смотрят как на животных... Но, когда я на арене, я вовсе не какой-то там демон с ножом, я ощущаю себя самим собой», – объясняет Тодд Плезанс по прозвищу Тайгер.

¹³ Родео – традиционный вид спорта в Северной Америке, исторически сложившийся в среде мексиканских и американских ковбоев; считается самым опасным видом спорта.

Когда-то тюремный центр штата Луизиана был плантацией, на которой работали рабы, в основном вывезенные из Анголы. По названию этой страны стали именовать и плантацию. А потом «Анголой» стали, соответственно, называть и расположенную на бывших плантациях тюрьму. Сейчас это самое большое пенитенциарное учреждение с высокой степенью безопасности в США. Заключенные работают на полях за два цента в час (1 цент равен 31 коп. – *Ред.*). В «Анголе» есть и «коридор смерти». А вообще в тюрьме сегодня содержится 6200 преступников, многие из которых осуждены за убийства, вооруженные ограбления и изнасилования. Кстати, насильники не имеют права участвовать в родео.

Благодаря продаже билетов на соревнования, которые проводятся два раза в год, пожертвованиям и продаже поделок, изготавливаемых заключенными, администрации тюрьмы удастся финансировать реабилитационные программы. «Все это позволяет налогоплательщикам четко видеть, на что тратятся их деньги и как благодаря этим деньгам заключенные-мужчины могут изменить свою жизнь, – поясняет директор тюрьмы Бурл Кейн. – Большинство учреждений довольствуется тем, что они надежно запирают своих подопечных и хорошо их кормят. У нас здесь другие амбиции: дать этим людям надежду, которую они потеряли. В частности, такую надежду дает и участие в родео».

Сохранять надежду в тюрьме «Ангола» не так просто. К 80% заключенных, говорит директор, никто никогда не приходит на свидания. 95% из сидящих здесь здесь же и умирают. Но два раза в год, в апреле и октябре, они могут стать героями «самого сумасшедшего на юге страны спектакля». Для 33-летнего Трэвиса Джонсона по прозвищу Бакет Хед, который в апреле выиграл «покер заключенного», все это вопрос воли. «Это по-настоящему крутые парни, – говорит Джонсон о своих соперниках, – но победителя выберет бык». Тот, кто выиграет «покер заключенного», сможет через неделю принять участие в финальных соревнованиях.

Многие зрители признаются, что испытывают симпатию к этим мужчинам. Впрочем, они ничего не знают об их преступлениях. Тимоти Гет по прозвищу Малыш Тимми и Кейзи Векс по прозвищу Джаггернаут были осуждены за вооруженное ограбление, а Джонсон и Плезанс – за убийство. 51-летний Терри Джонсон, бывший воспитатель, откровенно говорит: «Здесь больше шансов выиграть, потому что соперники – не профессионалы. Нужно быть действительно сумасшедшим, чтобы сидеть и ждать, когда бык тебя опрокинет наземь».

Пока Малыш Тимми, Джаггернаут, Тайгер и Бакет Хед ожидают своей очереди, на арене четверо других заключенных усаживаются за покерный столик. Гигантский черный бык вылетает из загона, как бомба, и несется прямо на них, разметая в стороны, как карточный домик, и мужчин, и стол, и стулья. «Вам понравилось?!» – кричит зрителям в микрофон ведущий. Толпа отвечает оглушительным «Да!». Вновь расставляются стол и стулья. 39-летнему Виксу выпадает сидеть спиной к быку – это самое опасное место.

«Здесь не нужны особых талантов, нужно просто везение, – говорит Плезанс. – Нужно только надеяться, что бык выбьет со стула не меня, а других». Плезанс, которому сейчас 38 лет, прибыл в «Анголу» в 2000 году. Здесь он трудится скотником и участвует практически во всех родео с самого начала своего срока заключения. Участвовать в этих соревнованиях имеют право только те, у кого безупречное поведение.

Канада: тюрьмы закрывают доступ к обучению

В тюрьмах все меньше и меньше уделяется внимания обучению. Федеральное сокращение бюджета ставит под угрозу соглашение, по которому учебное заведение Мари-Викторен обеспечивает в тюрьмах обучение на уровне колледжа.

Соответствующие курсы уже закрыты в двух тюрьмах федерально подчинения, расположенных в провинции Квебек: в пенитенциарном учреждении Леклерк, расположенном в городе Лавале, и в женской тюрьме города Жюльетт. В первом случае решение принято на уровне правительства консерваторов, во втором – из-за отсутствия необходимого количества слушательниц-заключенных. Программы, по которым обучались заключенные, не будут возобновлены. Они не будут и перенесены в другие пенитенциарные учреждения.

В колледже Мари-Викторен говорят, что в настоящее время они ведут переговоры с тюремными властями, чтобы спасти свою программу обучения, которая находится под угрозой закрытия и в других учреждениях. «В общем, мы ведем переговоры», – говорит официальный представитель колледжа Натали Бомгартнер. Она не отрицает тот факт, что еще одна мужская тюрьма может лишиться своей программы обучения. «Мы пересматриваем соглашение», – вздыхает г-жа Бомгартнер.

Представители колледжа не хотят подробнее обсуждать сложившуюся ситуацию, чтобы не мешать ведущимся переговорам, но подчеркивают, что все эти изменения произошли в результате принятого в мае прошлого года федерального бюджета. Действительно, по этому

бюджету Федеральное министерство общественной безопасности лишилось 179 млн долларов, из которых почти половина (85,5 млн) приходилась на исправительную систему.

На основании соглашения, заключенного между федеральным центром и провинцией, вот уже 40 лет как учебное заведение Мари-Викторен обеспечивает обучение заключенных на уровне колледжа в федеральных пенитенциарных учреждениях. Предлагаемые в настоящее время курсы позволяют получить диплом об окончании колледжа по классу гуманитарных наук (без математики), технический диплом по информатике и аттестат специалиста по компьютеризации малого бизнеса. Исправительная служба Канады подтверждает, что образование на уровне колледжа можно получить сейчас лишь в четырех федеральных пенитенциарных учреждениях провинции Квебек.

Для Кристиана Браена, который обучал заключенных в рамках программы колледжа Мари-Викторен, упразднение этих образовательных программ означает «ошибку». «Я знаю многих, кто у нас учился и благодаря этому смог получить работу после выхода на свободу. Учеба действительно помогла им изменить свою жизнь», – говорит этот преподаватель.

Поль Беланже, профессор Монреальского университета, считает удаление из тюрем образовательных программ «драматическим». «Это тем более странно, что в соседней стране – США – именно сейчас в самом консервативном штате Техасе пришли к выводу, что образование в тюрьмах является лучшим способом снижения рецидивной преступности», – отмечает он.

По мнению Жан-Пьера Симоно, исполнительного директора кафедры ЮНЕСКО Монреальского университета, школьные образовательные программы способствуют социальной реинтеграции заключенного к концу его срока наказания и являются «просто необходимыми». «В Канаде, и в Квебеке в частности, подавляющее большинство заключенных – 15–20 тыс. человек – освобождаются в течение четырех лет. Совершенно очевидно, что необходимо что-то делать, чтобы обеспечить безопасность граждан, и именно поэтому с самого начала срока отбывания наказания необходимо проводить программы, способствующие ресоциализации», – подчеркивает он.

Г-н Симоно сомневается, что правительству Харпера¹⁴ удастся хорошо сэкономить, упразднив в тюрьмах образовательные программы,

ведь 95% тюремного бюджета приходится на обеспечение безопасности и лишь 5% – на управление и различные программы. «Обеспечивать в тюрьме функционирование программ стоит совсем недорого», – утверждает он. Содержать заключенного в камере 24 часа в сутки из 24 365 дней в году, никуда его не выводя, полагает г-н Симоно, стоит гораздо дороже.

А вот криминолог Жан-Клод Бернхайм совершенно не удивлен отменой в тюрьмах учебы по программе колледжа. «В течение последних лет эти программы и так постепенно сокращали. И это неудивительно, поскольку у власти находятся консерваторы, – говорит он, напоминая, что программы университетского образования появились в канадских тюрьмах в 90-е годы прошлого века. – По моему мнению, нынешнее правительство хотело бы установить в пенитенциарных учреждениях «американский стиль». Это когда в одной тюрьме находится 2–3 тыс. заключенных».

Г-н Бернхайм считает, что целью правительства вовсе не является экономия денежных средств. Просто у него такая идеология. «Цель совершенно ясна. Это предвыборная кампания. Просто людям говорят: "Вы бедны, и вы вынуждены залезать в долги, чтобы ваши дети могли учиться. Будьте уверены, мы не позволим заключенным бесплатно получать образование"», – отмечает криминолог. Он удивляется: если так уж нужно экономить, то почему не предложить получение дистанционного образования с помощью Интернета? «Интернет запрещен в наших пенитенциарных учреждениях, но вот в Израиле, например, заключенные, включая палестинских террористов, имеют к нему доступ и ничего страшного не происходит», – говорит г-н Бернхайм.

Составил и перевел Юрий Александров

Дмитрий Рыкунов

Непутевка в жизнь

Если сейчас кто-нибудь спросит меня, как жили дети-сироты в мое время, – ответчу однозначно – хорошо. Как они живут сейчас – не знаю. Нет возможности сравнивать. Я расскажу о другом.

Август 1978 года. Детский дом встретил меня запахом свежей краски и извести. Детей только на днях привезли из пионерских лагерей, где они провели лето. Меня же только-только перевели сюда из дошкольного детского дома, где еще оставалась моя младшая сестра. Я пока не знаю, что меня здесь ждет, и потому не боюсь.

В группе первого класса я оказался самым маленьким и хилым. По нашим внутренним законам новичку приходилось проходить испытание. Сначала он дрался с самым слабым в группе, и, если побеждал, ему приходилось драться по нарастающей. До тех пор пока он не оказывался побежденным. Жестоко. Но воспитатели закрывали на это глаза, потому что такая система помогала им поддерживать дисциплину.

Драться мне приходилось часто. Но... одно дело – драться, а другое – когда тебя бьют. Бьют кучей, жестоко, не давая возможности не то что ответить на удар, а даже подняться с пола. Били меня чаще, чем я дрался. Били старшеклассники, били воспитатели, бил даже сам директор детского дома. Били за все. За побеги особенно.

Первый раз я сбежал из детского дома через неделю после приезда. В нашей группе был пацан, который остался в первом классе на второй год. Звали его Быков Саня. Фамилии своей Саня соответствовал полностью, потому что был не по годам высок и крепок. Мы называли его Быком.

С Быком я сошелся сразу, несмотря на то что мы были полными противоположностями. А может быть, именно поэтому. В драке Бык меня, естественно, побил, однако неприязни между нами не возникло. Что поделать: закон есть закон. Именно Саня и предложил мне сбежать.

Уже тогда, в свои семь лет, я внутренне противился тому, что кто-то навязывает мне свою точку зрения, указывает, что и когда мне делать. Я согласился на предложение Быка. За неделю пребывания в детском доме я настолько устал от драк и побоев, что согласился бы с кем угодно. В побеге в тот раз мы с Саней пробыли ровно сутки.

Договорившись с вечера, утром на завтрак мы с Быком взяли с собой из столовой по большому куску хлеба. И, когда весь детский дом шел в школу, которая находилась буквально в ста метрах, мы просто прошли мимо дверей школы. Весь день мы просидели на сопке в кустах. И только под вечер спустились и пошли в город. Есть хотелось сильно, хлеб мы съели еще днем. Куда идти и что делать, мы не знали. Как-то не задумывались об этом. Мы оказались в Центральном парке культуры, где в то время стоял заезжий зоопарк. Днем раньше нас водили туда на экскурсию, и я обратил внимание, что у ворот работали ларьки, где продавали сладости и газировку. Почему-то мы решили, что там сможем разжиться съестным. Не разжились.

Когда мы в сумерках бродили около ларьков, нас спугнул сторож зоопарка, мы побоялись, что он нас поймает, и убежали. Но недалеко.

Спали мы голодные, на голой земле, в какой-то яме почти под вольером какого-то зверя. Когда убегали от сторожа, я потерял один ботинок. Второй пришлось выкинуть. Поэтому ночью во сне у меня мерзли ноги, и я просыпался, будил Быка, забирал у него ботинки и засыпал опять. Потом замерзли ноги у него, и все повторялось в обратном порядке.

Проснулись мы, когда вовсю уже светило солнце. Вылезли из ямы и...

– Вот они!

Три старшеклассника и воспитательница – поисковая группа. По наши души.

Втюхались.

Фойе детского дома гудит. Общая линейка – построен весь детский дом. Ждут побегушников. То бишь нас. Входим. В фойе повисает тишина. Все смотрят на нас осуждающе. Все! С этой минуты мы – изгои, парии, отверженные. В том смысле, что побить нас – святое дело. А вот поговорить, поздороваться, одарить – себе дороже: сам битым будешь.

Почему-то мы с Быком себя виноватыми не чувствуем.

Сначала нас заводят в кабинет директора.

– Та-а-ак!

Протяжно, значительно. Дядька высокий, благообразный, борода клинышком.

– Ну, с Быковым ясно все. Не в первый раз. Но ты-то, Рыкунов, ты-то куда бежишь? Неделю всего у нас, а уже отличился. От кого и куда бежишь, хотелось бы мне услышать.

Опускаю голову и молчу. Сказать нечего.

– Молчишь, Рыкунов?

Подождал ответа. Не дождался.

– Ладно, идите. Вера Ивановна вас ждет. Вы, небось, и не ели со вчерашнего дня? По-хорошему мне бы вас в наказание и сегодня не кормить. Ну да ладно. Идите в столовую. А потом Вера Ивановна сама с вами побеседует.

Вера Ивановна, воспитательница нашей группы, с нами побеседовала... Сначала шнуром от утюга, а потом еще часа два-три мы с Быком простояли на коленях по обе стороны стула Веры Ивановны, положив руки ладонями вверх на сиденье. А Вера Ивановна сидела на этом стуле. Вернее, на наших ладонях. А сидеть там было чему – килограмм сто – сто двадцать живого веса... А потом... А потом была «беседа» со старшаками – старшекласниками.

В девять часов вечера весь детский дом поднялся на третий этаж, где располагались спальни. А когда воспитатели после отбоя ушли, меня с Быковым позвали в туалет. Я понял сразу – будут бить. Наверное, очень больно.

Когда утром Вера Ивановна спросила, откуда у меня под глазом синяк, я сказал, что пошел ночью в умывальник попить воды, поскольку знулся, упал и ударился о раковину. Прослыть «сучом» – даже хуже, чем быть побегушником. Побегушника хоть могут простить, суча – никогда.

Так я стал постигать азы тех неписаных законов, по которым мне придется жить большую часть моей непутевой жизни.

Еще через неделю я курил в затяжку, пробовал алкоголь и наркотики. Хорошего в этом мало, и хвастаться такими вещами просто глупо. Однако тогда мне, семилетнему пацану, казалось, что я расту в своих глазах и мой авторитет в глазах равных тоже растет. А может, и в глазах тех, кто постарше.

Я помню, что в нашей школе продавали сушеную коноплю, шарогу или шалу, как мы ее называли. Пятьдесят копеек за папиросу. С каким апломбом я подходил к торговцу, покупал папиросу шалы, а то и не одну, и шел на угол школы, где на переменах собирались старшаки. Как поворачивались ко мне лица всех, кто находился тогда на углу школы, когда я, прикурив папиросу, выпускал первую струю синего

пахучего дыма! Как жадно нюхали они воздух, в котором витал специфический запах! И звучало почти неслышное, но ощущаемое почти физически: «Дай курнуть».

Откуда брал я деньги на анашу? Впоследствии, когда мои побеги из детдома стали более продолжительными и, если можно так выразиться, более результативными, я никогда не страдал отсутствием денег. А на первых порах я деньги просто отбирал. Впрочем, как и другие детдомовские пацаны.

Наш детский дом учился в школе, где учились и дети из семей – весь район. То есть школа была смешанная, и детей из семей там было больше, чем нас, детдомовских. Тем не менее «держал» школу детский дом. И как только звенел звонок, половина детдомовских пацанов шла в буфет, где «домашняки», как мы их называли, покупали себе завтрак. Другая же половина наших шерстила по коридорам в поисках тех, кто боялся идти в буфет или по другим причинам старался скрыть наличие денег. Процедура отъема была проста: мы просто подходили и, ни о чем не спрашивая, лезли в карманы. Все, что было там, отбиралось. Если возникало сопротивление, оно подавлялось жестко и бескомпромиссно. Это касалось всех вплоть до десятиклассников. И не дай боже кому-нибудь поднять руку на детдомовца! Наказание следовало незамедлительно. Эту руку просто ломали. У себя в детском доме мы могли и подраться между собой, и избить кого-то из своих, но все менялось, когда мы оказывались вне стен детдома, и никому никогда не позволялось тронуть пальцем, оскорбить или даже просто косо посмотреть на кого-то из нас. Такое положение сложилось не только в школе, но и во всем городе. И это неоднократно помогало мне в моих скитаниях во время очередного побега. Потому что на первых порах мне приходилось добывать деньги таким же способом. Но так продолжалось, может быть, чуть больше полугода.

Потом я нашел более легкий способ добычи денег, да и одежды тоже.

Как-то в начале весны 1979 года (я был в очередном побеге) я вылез из подвала, где ночевал, и зашел в подъезд погреться возле батареи. Проходя мимо какой-то квартиры я случайно сдвинул коврик, который лежал у дверей. Я увидел шнурок... потянул за него... и вытянул ключ. Испугавшись, что меня увидят, я сунул ключ обратно. Но потом, прижавшись к теплой батарее, я подумал, что бояться-то нечего. Девять часов утра, взрослые на работе, дети в школе. Если меня кто и увидит, то только случайно. Мне же очень хочется кушать. В общем, залез я в ту квартиру.

С тех пор, сбегая из детдома, я почти никогда не знал нужды ни в деньгах, ни в одежде, ни в еде. Переодевался в чистую одежду каждый день, что выгодно отличало меня от других беспризорников. Каждый день я обворовывал квартир пять-шесть, а если был, скажем так, в ударе, то и вдвое больше. Входя в подъезд пятиэтажки, я проверял под каждым ковриком и всегда находил минимум три-четыре ключа.

Одновременно я завел знакомства с бывшими зэками. Рядом с детским домом находилось общежитие с комендатурой, там жили те, кто только что вышел из зоны или был приговорен к работам на стройках народного хозяйства – так называемая «химия». Мы, детдомовские пацаны, ходили к этой общаге за бычками. Во время одного из таких походов я и познакомился с обитателями общаги.

Я шел, глядя в землю в поисках бычков побольше, когда сверху послышалось:

– Эй, пацан!

Я поднял голову. В одном окне я увидел коротко остриженного мужика, высунувшегося по пояс из окна. Руки у него были синие от наколок.

– Ты че ищешь?

– Бычки собираю, мужик. Курить хочу.

– А ты откуда, из маленького дурдома?

Первоначальное безразличие мужика начало сменяться интересом.

Надо сказать, что наш детский дом все называли либо «Дэддик», либо «дэдэ», либо «маленький дурдом». Соответственно, общагу «химиков» называли большим дурдомом. Поэтому вопрос мужика меня не удивил и не оскорбил. Я ответил утвердительно.

– Подожди.

Мужик скрылся в глубине комнаты, а когда вновь высунулся, в руке у него была пачка сигарет.

– Держи, пацан. Хотя... – он задумался на секунду, – знаешь что, давай поднимайся ко мне. На вахте мусору скажешь, что ко мне.

Он назвал мне номер комнаты и свое имя.

Когда на вахте милиционер меня не пропустил, я вернулся под окна, покричал и, когда мужик выглянул, сказал, что мент меня не пускает.

– Иди на вахту и жди меня, я сейчас спущусь.

Когда я снова вошел в общежитие, то увидел такую картину: вахтенный мент, побледневший, сидит, вжавшись в стул, а над ним нависает мой знакомец, а рядом с ним – еще двое, ему под стать.

– Ты че, кокарда, пацана ко мне не пускаешь?

Он не кричал. Да это и не нужно было. Его физиономия вкупе с синими руками в наколках не оставляли сомнений в том, что за словом он в карман не полезет – нету там слов. – Ты че, кнопки попутал? Ко мне сын в гости пришел, а ты не пускаешь!

– Да я ж не знал, что сын, – оправдывался мент. Было ясно, что он не верит в наше родство, но подумал, что спорить – себе дороже.

За давностью лет я даже не помню, как звали того мужика. Да это и не важно. Важнее, что, пока я находился в общаге, я чувствовал себя ЧЕЛОВЕКОМ. Столько внимания к себе, настолько серьезного отношения к моим словам, такого участия, понимания до знакомства с этим человеком никогда не знал и не видел. И это участие не было показным, поддельным. Оно было настоящее.

В тот раз пробыл в общаге «химиков» часа четыре. Меня расспрашивали о матери, о том, как я попал в детдом и как мне там живется. И я рассказывал. Пока я сидел в той комнате и рассказывал, там побывала, наверное, вся общага. И эти взрослые мужики, почти все в наколках, не по одному сроку отсидевшие, слушали меня с интересом, внимательно, сопровождая мои слова короткими репликами вроде: «Вот суки!», «Молодец, пацан!», «Это по-нашенски!».

Впоследствии во время коротких возвращений в детдом между побегами я часто ходил в общагу. И уже не только к своему знакомцу: меня там знали все, и все были рады меня видеть. Там я углубил свои познания в экзовских законах. Там, слушая рассказы о зоновской жизни, я и решил, что хочу жить такой же, лагерной, все устои презирающей, жизнью. Я заболел лагерной романтикой.

Примерно в конце 1979 – начале 1980 года я познакомился с людьми более серьезными, чем «химики». Сейчас, оглядываясь назад и проклиная свою неудавшуюся жизнь, я не могу, да и не имею морального права сказать о тех людях что-то плохое, хотя именно они завершили то, что началось случайно и бессистемно, и это, по сути, явилось для меня «путевкой в жизнь», то есть билетом в одну сторону, без надежды на возвращение. Не могу, потому что о друзьях просто невозможно говорить плохо. А именно друзьями они мне и стали, несмотря на огромную разницу в возрасте. Только с ними я чувствовал себя человеком. Только от них я видел то внимание, которое требуется ребенку от взрослых. Только они учили меня жизни. Учили всерьез, вдумчиво, с полной отдачей. И пусть они учили меня не той жизни, которой живет все общество, а той, которой жили они сами. И сравнивая их со школьными учителями и воспитателями из детдома, я отдавал предпочтение именно им. Они никогда не отмахивались от меня, какой бы

глупый вопрос я ни задал. Потому что от их вроде бы грубого «Пойдем хавать, пацан» веяло теплом и семейным уютом куда больше, чем от казенного воспитательского «Дети, все на обед»...

Зима 1979 года. Очередной побег из детского дома. Мне приходится быть уже очень осторожным: буквально за год я стал известен всей милиции города. Меня ловят и привозят в детский дом каждые две-три недели. Привозят всегда в новой одежде и с большими по тем временам суммами денег. Деньги, естественно, отбирают у меня воспитатели и старшеки, кто успеет быстрее. Меня воспитывают и те и другие посредством кулаков и каких-нибудь подручных средств, а через неделю, а то и меньше, я вновь ухожу в бега. И... город трещит от квартирных краж.

...Жрать хочется невероятно, и я, решив, что выжидал уже достаточно долго, вылезая из подвала и не мудрствуя лукаво вхожу в средний подъезд того же дома, в подвале которого ночевал. Поднимаюсь до пятого этажа, попутно проверяя все коврики. Четыре ключа с подъезда – нормально. Будет мало, пробью следующий подъезд. Но сейчас важнее пожрать. Однако в квартирах на пятом и четвертом этаже съестного не оказалось. Сырые продукты в холодильниках были, но я же не сыроед. Зато денег нашел. Уже что-то. Две оставшиеся квартиры – на втором этаже.

Последняя. Открываю, вхожу и сразу – на кухню. Заглядываю в холодильник, и – о чудо! – большая кастрюля! Достая. М-м-м – борщ. Домашний, наваристый, со шкварками... Вкуснотища!

По-хозяйски, не таясь (кого бояться-то?), беру тарелку побольше, поварешку, нарезаю хлеб. Сажусь лицом к двери. Все! Завтрак.

Дверь кухни открыта, поэтому, пока ем, оцениваю благосостояние хозяев. С левой стороны по коридору две двери – ванная и туалет. По правой стороне еще две двери – какие-то комнаты. Напротив кухни еще одна дверь. То есть квартира трехкомнатная. Уже нормально. Одна из дверей по правую сторону стеклянная. Остальные – цельные, деревянные. Все закрыты. Хозяйева аккуратисты. На полу в коридоре вместо обычного половичка – хороший, еще не старый ковер. Ну, значит, удачно зашел в гости.

Когда открылась дверь напротив кухни (это оказалась спальня), я сначала и не понял, что произошло. В следующий миг моя рука с ложкой застыла на полпути ко рту. Я боялся не то что шевельнуться или вздохнуть, я думать боялся. Да и как не испугаться, если ты уверен, что

в квартире никого нет, и вдруг из спальни... Как это из «Мойдодыра»: «Вдруг из маминой из спальни...»

Не, Самуил Яковлевич тут отдыхает, это вам не Мойдодыр. Это куда страшнее...

Огромный мужик (тогда он мне показался именно огромным), весь синий от наколок, в семейных, до колен трусах, стоял и тер спросонья глаза. (Некому ему было, как гоголевскому Вию, сказать: «Поднимите мне веки».) Протерев глаза, он кивнул мне (спросонья же человек!), сделал два шага к туалету, взялся одной рукой за ручку двери, другую поднял к выключателю и... видимо, проснулся. Повернулся, прошел оставшиеся два-три шага до кухни.

– Ты че здесь делаешь?

Вопрос вроде бы простой, но как выразить на бумаге ту гамму чувств – недоумение, удивление, злость и веселье одновременно, – которые овладели им, я не знаю.

– Ку-ку-шаю...

Ответ тоже не из сложных, но представьте мое состояние!

Как я оказался под столом, я так и не понял. Щека и ухо горели, и вылезать из-под стола не хотелось совершенно.

– Вылазь!

Голос вроде спокойный, без злости. Однако мне кажется, что более уютного, теплого и, главное, безопасного места, чем под столом, нет на всей земле.

– Да ладно, пацан, вылазь, не тресну больше.

Он спокойно, без резких движений, видимо, чтобы не напугать, отодвигает стул и садится.

Делать нечего. Вылезаю.

– Садись, ешь.

Он берет с холодильника папиросу, спички, закуривает.

– Давай-давай, хавай.

Это – уже видя мою нерешительность.

Жизнь научила: дают – бери, бьют – беги. Да и детдомовская философия не располагает к излишней скромности. Поэтому сажусь и доедаю борщ.

Пока я доедал борщ и пил чай, который, кстати, налил мне он сам, он умылся и оделся.

– Ну что, домовенок, теперь рассказывай, кто ты такой и откуда взялся? – Он с интересом рассматривал меня и, увидев в моем нагрудном кармане пачку «Плиски», добавил: – Да ты закуривай, не бойся.

Сам зажег спичку, дал мне прикурить.

Отмалчиваться или врать смысла не было.

– Из детского дома я. Димкой зовут.

– Это который наверху? Трехэтажное здание из красного кирпича? – уточнил он вроде даже как удивленно.

– Ага.

– Вот те на! Моя же Натаха в вашей школе работает. Может, знаешь ее? Да и Настюха, дочка, в той же школе учится. Твоих годов девка.

Ни его жену, ни дочку я не знал по самой простой причине – школу я посещал совсем нечасто. Поэтому, естественно, разговор снова вернулся к моей персоне. Я не скрывал от него ничего. Да и что скрывать: если отведет в милицию, там и так обо мне всё знают. Однако рассказ мой не занял много времени, и я, уже осмелев и не боясь подвоха с его стороны, сам начал задавать ему вопросы. На мою откровенность он отвечал откровенностью, и я узнал, что имя его Андрей (он категорически запретил мне называть его «дядя Андрей»), что он буквально три недели назад освобожден из зоны («откинулся», как он сказал), где отсидел три или четыре года, что сидел он за квартирные кражи.

Проговорили мы долго, и он, глянув на часы (время подходило к двенадцати), спохватился:

– Так, ладно, пацан, пока базар закончим. Сейчас дочка из школы придет. Ты пока вали отсюда. – Он на секунду задумался. – Деньги-то есть?

Я на всякий случай помотал головой.

– Подожди, я сейчас.

Вернулся минуты через три.

– На, тебе пока хватит. – И протянул мне несколько купюр. – Короче, так, Димка, сейчас вали. Погуляй денек. Но к пяти часам чтоб был здесь. Понял? Запомни, не придешь – твоя беда. Сам найду...

Уходя от Андрея я не думал, что вернусь туда. Скорее наоборот, я был уверен, что никогда больше его не увижу. Но, прошастав полдня по городу, я около четырех зашел в «Блинную», взял тройную порции блинов с медом, устроился за столиком в углу и, поедая блины, подумал, что наверняка ничего не потеряю, если все-таки еще раз схожу к Андрею. Логика у меня была простая: если он хотел бы сдать меня ментам, то сделал бы это еще утром; во-вторых, он все-таки уголовник, поэтому вряд ли мне грозит, что он сдаст меня; в-третьих, мне с ним просто-напросто интересно.

Я чуть-чуть опоздал. Было около шести вечера, когда я позвонил в дверь. Открыла мне девочка лет восьми-девяти.

– Ты Дима? – сказала она полувопросительно, полуутвердительно. Улыбнулась и, не дожидаясь моего ответа, открыла шире дверь и посторонилась. – Ты проходи.

Я до сих пор не знаю, рассказал ли Андрей жене и дочери о том, что я пытался обокрасть их квартиру. Но если даже и рассказал, на их отношение ко мне это не повлияло. Меня встретили улыбками. В процессе знакомства и дальнейшего разговора прозвучало несколько фраз, из которых вроде бы следовало, что рассказал, но напрямую никто ничего не произнес. Я пробыл у них часа два, и все это время я чувствовал внимание этой семьи, как будто я сам был ее членом. Меня расспрашивали о жизни, со мной шутили, смеялись над моими шутками, а если разговаривали серьезно, то так, будто мое мнение было для них очень важно...

Потом все сели пить чай. Попив чаю, Андрей поднялся из-за стола.

– Ну ладно, девчонки, – обратился он к жене и дочке, – вы тут прибирайтесь, а мы с Димкой съездим кое-куда.

– Ночевать дома будете?

Тетя Наташа, как я ее называл, спрашивала так, будто не сомневалась в том, что отныне я останусь жить у них.

– Не знаю, Наташ. Там видно будет. Если что, я позвоню.

Андрей подтолкнул меня к двери:

– Ну что, поехали.

Выйдя на улицу, Андрей остановил такси:

– До Хёмы, командир.

Хёмой в городе называли район Кинотехникума. Ехать туда было минут десять-пятнадцать.

Я не спрашивал, куда и зачем мы едем. Сам Андрей тоже ничего не говорил. И только когда он расплатился с шофером и мы вылезли из машины, он, мельком глянув на меня, сказал:

– Поканали. Братва, по ходу, уже на малине.

Кто такие братва, я уже знал. А что значит «малина» – нет. Но расспрашивать не стал. Идти пришлось недалеко. Пройдя от остановки метров триста до магазина «Спутник», Андрей свернул к малосемейке. На первом этаже мы прошли в конец коридора. Из-за одной двери доносились мужские голоса и музыка.

Когда мы вошли, кто-то убавил звук на магнитофоне.

– О, Береза нарисовался. Здорово, братуха!

Человек шесть мужиков в возрасте от тридцати до сорока. Руки у всех в наколках. На столе закуска, несколько бутылок водки. Пустых нет – только начала.

– Здорово, братва!

Андрей здороваётся со всеми за руку.

Тут кто-то замечает меня.

– Береза, ты че пацана приволок?

Андрей оглядывается на меня.

– Гаврош это (беспризорник). Расскажу – не поверите. А поверите – засмеете.

Андрей машет мне рукой:

– Иди сюда, Димка.

Когда Береза рассказал об обстоятельствах нашего знакомства, у меня заложило уши от гомерического хохота присутствующих. Отсмеявшись, один из них спросил:

– Слышь, Береза, это все понятно, но сюда-то ты зачем его притаранил?

Андрей оглядел сидевших за столом, налил себе водки, выпил и только потом, глядя тому в глаза, ответил:

– Боцман, я не буду задавать тебе вопросы, кто ты есть по жизни и чем ты живешь. Я знаю это. И скентовался с тобой именно поэтому. Так почему же я должен оттолкнуть от себя такого же крадуна, как ты, я и все здесь находящиеся? Почему? Только потому, что он еще пацан? Но я посоветую тебе, Игорь, пообщаться с ним, и, я уверен, ты, – Береза оглянулся на остальных, – да и все, кто здесь есть, оценят мое решение.

Он замолчал, взял бутылку водки и разлил по стаканам, не обойдя и меня.

Тот, кому адресовались слова Березы, взял стакан, посмотрел через него на свет.

– Андрюха, я прохватил с тобой уже не один срок и знаю тебя давно. Сомнения в твоих словах и поступках нет. Но мне все равно непонятно, пацан-то здесь зачем? Ну, крадет он, ну и что? Ты детский сад открыть, что ли, хочешь? – Боцман ухмыльнулся. – Для малолетних преступников? Или, может, давай сейчас соберем на эту хату всех крадунов города. Вот мусорам лафа подвалит – заходи, бери...

– Да ладно тебе, Боцман. Ты че, в натуре, как на допросе? Ну, привел Береза пацана. И че? Тебе что, холодно или горячо? Или тебе навязывают что-то? – Говоривший недоуменно смотрел на Боцмана. – Или здесь сейчас вопросы серьезные решаются? Ведь просто сидим, отдыхаем. Ну и пацан пусть посидит. Лишнего он не съест и не выпьет.

Да и идти ему некуда. Ты же слышал. Береза говорил: детдомовский, да и в бегах. Пусть сидит, не гнать же его.

– Погоди, Сява, – перебил его Береза, – я понял, что Боцман имел в виду. Непонятно ему? Ну так я сейчас поясню. – Береза посмотрел на Боцмана: – Слышь, Игореня, мне помнится, как лично ты на каком-то сходняке в лагере посетовал, что молодняк нынешний уже не тот. Мол, перестали уважать старых крадунов, живут не по понятиям. Было такое? – Боцман кивнул, и Береза продолжил: – Ну так я хочу натаскать пацана. Ты посмотри на него. Уже сейчас видно – лагерь он стороной не обойдет. А поспрашивай его, он в свои восемь лет знает по жизни больше иных двадцатилетних. Вот и пускай он будет именно тем, кто будет уважать стариков, кто будет знать понятия и жить по ним. А глядя на него, может, и другие начнут меняться...

Ту ночь я ночевал на «малине». Правда, я совершенно не помню, как лег спать, потому что напился до полной потери памяти. И с тех пор я почти все свое время проводил на Хёме в этой компании. И даже когда я не был в бегах, я часто приезжал туда, встречался с Боцманом, Сявой, Березой и другими, имена которых не помню за давностью лет, и мы проводили время, разрабатывая планы квартирных краж по «наколкам», или в серьезных разговорах с кем-нибудь из «бродяг», которые учили меня навыкам профессии и понятиям по жизни.

Боцман. Которому вначале была не ясна причина моего присутствия в их кодле, после объяснений Березы принял меня как равного и вносил свою лепту в мое воспитание и обучение.

Забегая немного вперед, скажу, что, после того как меня из детского дома отправили в спецшколу для трудновоспитуемых подростков («короедку»), я потерял связь с кодлой, в чем нет ничего удивительного: каждый из них рано или поздно отправился в свою очередную ходку.

Однако именно о судьбе Игоря Боцмана и Андрея Березы мне стало известно, уже и не помню, из каких источников. Их обоих расстреляли. По решению суда. То есть законно. Березу Андрея расстреляли в 83-м или 84-м году, за что – не знаю. Боцману приговор привели в исполнение в 82-м году за убийство двух милиционеров, о чем я знал, так как все это произошло еще до моей отправки на короедку...

Как-то (это было в году 80-м или 81-м) мы втроем – я, Береза и Сява – сидели на «малине». Было около одиннадцати часов утра. Остальные были кто где: кто «на деле», кто дома. Мы сидели и просто разговаривали, когда в коридоре раздались быстрые шаги и в комнату почти вбежал Боцман.

– Ну все, братва, п...ц мне! – с порога выпалил он.

Мы непонимающе посмотрели на него.

Боцман прошел комнату, достал из стола бутылку водки, стаканы, поставил все на стол, налил.

– Давай вмажем, а то колдо..ит, как бобика, – проговорил он. – Потом приколю, что к чему, да отваливать надо.

Мы выпили, и Боцман рассказал, что он давно уже посматривал за одной хатой, где, по его мнению, были и золото, и меха, и деньги. И вот сегодня наконец он выпас, что хозяева отвалили и появилась возможность «поднять» хату. Что он и сделал. «Фомичом» отжал замок и зашел в квартиру. К счастью, язычок замка не погнулся, и Боцман закрылся изнутри и стал шерстить хату. Там действительно было что взять. Он собрал уже баулы и приготовил их к выносу, когда в дверь неожиданно позвонили. Глянув в глазок, он увидел двух ментов. По-надеявшись на случай, открывать дверь не стал – дома будто бы никого нету. Однако менты, позвонив минут пять, стали кричать через дверь, что знают – в квартире находится посторонний, соседи, мол, видели, как он ломал замок и входил в квартиру, и вызвали милицию. Менты советовали выйти и сдаться, пообещав оформить явку с повинной. Сдаваться Боцману не хотелось. Да и прикуп был более чем богатый: кроме трех баулов с мехами и другими вещами он взял полный стакан золота в изделиях и чуть более пяти тысяч деньгами (кто помнит 70–80-е годы, знает, какие большие это были деньги). Поэтому он решил прорываться на ура, припугнув мусоров ножом. Прорваться не удалось, потому что менты ножа не испугались и бросились крутить Боцмана. В общем, Игорь даже и не понял, как, отбиваясь, завалил одного мента. После этого, решил Боцман, терять уже было нечего, и он успокоил и второго. Бросив баулы, забрав только рыжье и деньги, он свалил.

Когда Игорь кончил говорить, Береза лишь крякнул от досады. Сява, растерянно покрутив головой, произнес:

– Да, братан, наворотил ты делов. Валишь тебе из города надо, пока мусора кислород не перекрыли. Это же «зеленка» (расстрел) голимая. За мокруху да еще цветных (милиционеров) никакой скошухи не будет.

– Да врубаюсь я, пацаны, врубаюсь. Потому и говорю, что п...ц мне. Ты, Береза, потом Калину просвети, «куда меня кукушка позвала» (почему я в бега подался). Пусть он не кубатурит, лавешки мне сейчас нужнее, потому я на котел ничего не даю. Лады?

– Ладно, Игореня, все Калине передам. А ты давай, кота за яйца не тяни, отваливай. А то, в натуре, мусора кислород перекроют. Сейчас в городе такое начнется, муха не проскочит. – Береза похлопал себя по

карманам. – На, кстати, еще «бумаги» (денег), тебе, в натуре, сейчас нужнее.

Он достал из карманов все, что у него было. Вытащил также деньги из стола и все отдал Боцману.

Собирался тот недолго и уже буквально минут через десять ушел.

Больше Игоря Боцмана я не видел никогда.

Однако дня через три-четыре после описываемых событий меня в очередной раз повязали, потому что я был в бегах. И когда меня привезли в горотдел, где я обычно дожидался, пока за мной приедут из детского дома, у входа на доске «Их разыскивает милиция» я увидел фоторобот Боцмана. И ошибиться было невозможно.

А пока шел 79-й год, и ничего не предвещало описанных мной событий. Я систематически сбегал из детского дома, крал и постигал основы арестантской жизни в разговорах с Сявой, Березой и Боцманом. В это время меня познакомили со смотрящим за город, Сашей Калиной, то есть меня, можно так сказать, официально ввели в уголовный мир, где я смог понять, как и на какие цели собирается так называемый общак.

Я сам почти с каждой кражи отдавал какую-то часть на «общее» нашей кодлы. Находясь рядом с Калиной, я узнал, как в общак города стекаются огромные по тем временам суммы денег, меха, золото, добытые кражами или гоп-стопом.

Я не могу оценить в настоящее время, какие и как собираются в городах общаки и куда они идут. Но в те времена «воровская идея» работала реально, и я видел, как из общака брались деньги, на которые закупались продукты, сигареты, махорка и другие необходимые вещи и все это везли в лагеря. Я сам неоднократно принимал участие в таких поездках. И меня, восьми-девятилетнего пацана, знала вся «босота» не только нашего города, но и других городов края, и я тоже знал многих старых уркаганов, которые достойно прошли тот жизненный путь, который они выбрали сами или им уготовила судьба. И пусть это был путь отрицания законов и общественных устоев, но я до сих пор уверен, что те люди, ушедшие уже в небытие, все равно достойны уважения и памяти тех, кто их помнит. И совсем не потому, что о мертвых «или хорошо, или ничего». Просто потому, что они достойно прожили СВОЮ жизнь.

Я не собираюсь агитировать нынешнюю молодежь, живущую в лагерях нашей необъятной родины, поменять свой образ жизни по об-

разцу 70–80-х годов. Я сказал выше: в те времена «воровская идея» работала реально. Но... в то время. Не сейчас, не сегодня.

Сегодня я отрицаю «воровское». Отрицаю потому, что эта идея потеряла актуальность и давно уже искажена теми, кто жил воровским только ради своей выгоды, своих меркантильных целей. Более того, говоря откровенно, в 90-е годы прошлого века эта идея была изгажена и затоптана именно теми, кто был призван ее защищать, ею жить, – теми, кто сам был коронован «вором в законе». Я это видел.

Но я отвлекся.

Однажды во время очередного побега из детского дома я приехал на Хёму, но, к своему разочарованию, не нашел никого на «малине». Поэтому мне пришлось ночевать в каком-то подвале и на голодный желудок. Утром, выйдя из подвала, я решил «поднять» одну-две хаты, чтобы на «малину» прийти уже не с пустыми руками. Зайдя в подъезд ближайшего дома, я, как обычно, проверил коврики около всех квартир и начиная с пятого этажа стал было спускаться, заходя в те квартиры, ключ от которых нашел. На третьем этаже я открыл квартиру, в которой брать было совершенно нечего... Но выйдя оттуда, я почему-то не вернул ключ на место. Меня будто подтолкнул кто-то попробовать открыть этим ключом соседнюю квартиру. Я попробовал... И замок открылся.

Когда я вошел в эту хату, я понял, что в ней давно уже никого не было: на полу и мебели лежал порядочный слой пыли. В отключенном холодильнике продуктов не было. Для успокоения совести я все же решил пробить квартиру полностью. И когда я случайно сдвинул в серванте стопку книг, у меня задрожали руки и ноги: я увидел за книгами несколько пачек денег. По виду их было много. Я взял их трясущимися руками и на подгибающихся ногах прошел к креслу и рухнул в него как подкошенный. Чуть успокоившись, я пересчитал, вернее, попытался пересчитать деньги: они были в банковских упаковках, и, не разрывая упаковки, я на вид по достоинству купюр определил, что денег было около двух с половиной тысяч (конец 70-х!).

Из этого дома я ушел, даже не проверив квартиры на втором и первом этажах. Я просто положил ключи на место и ушел.

Кто помнит те годы, когда средняя семья жила порой на сто двадцать рублей в месяц, тот знает, какие это были большие деньги. Я от радости забыл про все и про всех. Я помню, как, выйдя на автобусную остановку, я от избытка чувств достал пачку трехрублевок, порвал банковскую ленту и подбросил всю пачку вверх. Деньги разлетелись по

всей остановке. А я стоял и смотрел, как взрослые дяди и тети бегают за летающими купюрами или, ползая на коленях по тротуару, подбирают новенькие трешки, и... смеялся. Стоял. Смотрел. И смеялся...

Взяли меня в тот раз буквально через день-два, когда я не успел израсходовать даже пятисот рублей. И, как я понял, искали меня целенаправленно и именно из-за этой хаты. Дело в том, что либо в тот же день, либо на следующий вернулись хозяева. Они были в рейсе на рыбообрабатывающем судне. И вот после четырех месяцев путины они вернулись. Естественно, они заявили в милицию. Дальше было уже дело техники.

Но по-настоящему меня огорошили, когда привезли на эту хату на следственный эксперимент, чтобы я показал, как туда проник, что делал и в каком порядке.

Я показал. Но, когда я рассказал, что от волнения сел вот в это кресло и посидел в нем перед тем, как уйти, хозяин квартиры, высокий молодой парень, переглянувшись с женой, подошел к креслу и поднял сиденье. Лица ментов вытянулись от удивления. Мне стало интересно, я подошел поближе посмотреть, что их там так удивило. Кресло было раздвижное, хозяин сделал в нем небольшой ящичек... который был уложен пачками денег. Их было много.

– И сколько здесь? – чуть не заикаясь, спросил один из ментов.

– Сорок восемь или сорок девять тысяч. Мы с женой копили на машину себе и моим родителям. Да еще родителям жены хотели дом или квартиру купить. С этого рейса, по нашим подсчетам, уже хватает...

Когда меня везли обратно в горотдел, менты, можно сказать, пожалели меня.

– Да, Димка, хоть ты и откупился на этой хате на две штуки, но прикинь, как ты лоханулся, не пробив хату полностью. Пятьдесят кусков!!! – Мент от возбуждения тряс головой и махал руками. – Я таких денег со своей зарплатой за всю жизнь не соберу. А ты там лоханулся. В следующий раз не теряй разума. Нашел деньги, ищи дальше. Видал, как бывает...

Из детского дома в тот раз я сбежал буквально часа через два-три после того, как меня туда привезли. Правда, за эти часы я успел отхватить по роже не меньше пяти раз. Но, как только у меня появилась возможность, я «встал на хода».

Приехав на Хёму, я застал на «малине» Андрея Березу и Валеру Балыча.

– Здорово были! – поздоровался я, зайдя в комнату. – А где все? Я два дня назад приходил, вообще никого не было. Пришлось в подвале

ночевать. – Я сел на кровать. – Сейчас еще кое-что приколю. Вообще зехер вышел.

Пока я рассказывал про эти пятьдесят тысяч, в комнате собрались почти все. Когда я окончил, воцарилась тишина. Потом ко мне подошел Балыч, присел рядом на корточки и спросил:

– Пацан. А где эта хата?

Я хотел ответить, но меня перебил Береза:

– Да ладно, Валера, не грузись сам и пацана не грузи. Нету там походу этих бабок. Пацан напугал хозяев, и они скорее всего уже перепрытали эти деньги или вообще в сберкассу отнесли. От греха подальше. – Береза посмотрел на меня: – Ну а с тобой, Димка, мне хотелось бы поговорить. Я тут Боцману пояснял, что привел тебя по жизни поднатаскать. Вот и повод нашелся. Пацан ты не глупый, несмотря на свой нежный возраст, так что садись похавай, если голоден, а потом побазарим. Братва тоже послушает, может, кто захочет словечко замолвить...

Так серьезно Береза со мной еще ни разу не говорил. Прошло уже более тридцати лет, а я будто сейчас вижу серые глаза Андрея Березы, слышу его неторопливую речь, часто сопровождаемую жестикуляцией (старая зковская привычка, которой с давних пор подвержен и я). Так началось мое обучение.

Посадив меня на стул и сев напротив, Береза приступил:

– Смотри пацан, в свои восемь-девять лет ты уже должен понимать, что такое государство и как оно устроено. – Дождавшись моего кивка, Андрей продолжил: – Так вот, говоря о преступном мире, ты должен понять, что, по существу, это государство в государстве. Со своей схемой построения, иерархией, казной и всем остальным, что присуще государству. Я не беру сейчас мелкие нестыковки и нюансы. Я говорю сейчас в общем и целом. Вот из этого пока и будем исходить. Годится?

Я снова кивнул, и он продолжал:

– Если исходить из схемы построения государства в том смысле, что государством кто-то управляет. В нашем случае это генеральный секретарь Леня Брежнев. Преступным миром тоже управляют. Им управляют воры. Леня Брежнев правит один. Но у него есть Центральный комитет и всякие министры. Преступным же миром правит не один вор, а сходняк воров. Есть у них, конечно, один самый авторитетный Вор, к которому все прислушиваются, но в отличие от Лени Брежнева он не правит один. Просто имеет на сходняке решающее слово.

– Ты че, Береза, в натуре, как на политзанятиях? – перебил Березу Сява. – Ты че пацану голову забиваешь? Объясни ему попроще как-нибудь. Попонятней. Я понимаю, у тебя в БУРах и на крытой время

девать некуда было, вот ты и «Капитал» Карла Маркса, и все сколько ни на есть томов Ульянова-Ленина пропахал. То есть политически ты подкован. Но пацан-то малой совсем. Ему бы как-нибудь попроще, подходчивей все объяснить. Если ты уж взялся рассказывать, отчего в хлебе дырочки и чем их замазывать, то расскажи так, чтобы человек понял.

– В общем-то да, что-то понесло меня не в ту степь, – согласился Береза, – сейчас попробую по-другому. Короче так, Димка, весь преступный мир делится по мастям. Мастей всего четыре, как в картах. За четвертую масть тебе знать пока ни к чему, не нужно. А остальные три масти это – Воры, Бродяги и Мужики. При написании всегда выделяя эти слова с большой буквы. Это основа, фундамент, да и, грубо говоря, все построение преступного мира. Назвать их всех одним словом – это братва. Вот все сейчас здесь присутствующие – это братва. Среди нас есть и Мужики, и Бродяги. Воров только нету. Почему происходит такое разделение на масти? Все зависит, пацан, от того, как и чем ты живешь, от образа жизни. Если ты не работаешь на государство, а только крадешь, значит, ты крадун. И если ты достойно себя покажешь и не изменишь образа жизни, то тебя могут назвать Вором. Мужик по масти – это тот, кто и крадет, и поработать ему не запахло. На таких лагеря держатся. Это основа преступного мира. Никогда, Димка, не пренебрегай Мужиком. Мужики в свою очередь тоже разделяются. На просто Мужика и на Воровского Мужика. Воровской Мужик – это тот, кто и работает, но и в лагере ведет бродяжий образ жизни, боля душой за Воровское, за Людское. Бывали часто случаи, когда и Бродяги в лагере были, но Воры крепили лагерь за того вот Воровского Мужика. Ну а Бродяги, Димка, – Андрей на минуту задумался, – это тоже образ жизни. Но только конкретно лагерный, когда человек в лагере жизнь нашу строит, страдает за это в БУРах и изоляторах. Тебе, наверное, сейчас это не очень понятно. Но если запомнишь сейчас, что я рассказал, то потом, когда будешь топтать зону, во всем разберешься очень быстро.

Как ни странно, но в тот день на «малине» не было даже обычной попойки, хотя к концу дня там собралась почти вся кодла, что бывало нечасто. Мы все: я, Береза, Боцман, Сява, Балыч, Свисток, Картоха, Рябой и Игровой – сидели долго. Допоздна. И даже прихватили часть ночи. И все это время они, каждый по очереди и в меру своего умения говорить, рассказывали и объясняли мне все, что касается преступного мира. Что это вообще такое, как он устроен и чем он живет. Я многое узнал в тот день: кто такие Воры в законе и что такое Воровское,

кто такие Бродяги и что значит Людское, что такое Общак и как и для каких целей он собирается, как живут лагеря, многое-многое другое.

А под конец Береза сказал:

– Вот видишь, Димка, все вроде и просто, в то же время сложно. Для тебя сейчас не все понятно, поэтому задавай вопросы, не стесняйся, интересуйся. За спрос в рожу не бьют. А если ты из сегодняшнего разговора вынесешь хоть что-то полезное и оно, даст бог, пригодится тебе в жизни, то наши старания не прошли даром. Но закончить эту бадагю мне хочется тем, из-за чего я и начал весь этот разговор. Ты на той хате поднял две штуки. Что сказать? Молодец! Но... – Андрей сделал паузу, – ты был бы вдвойне молодцом, если бы часть этих денег попала бы в котел города. На нужды братвы. Но ты и сам не попользовался, и людям не дал. Скажу честно, если бы так поступил кто-нибудь из тех, кто сейчас находится здесь, кроме тебя, с него был бы спрос по всей строгости. Ты – другое дело. Пока. Так что, пацан, учись жить...

Ребенок – это губка, которая впитывает знания как воду. И только от окружающих зависит, какие знания будут вложены в голову ребенка и какие духовные ценности – в его душу. Мне попалось такое окружение. И вот такие знания, такие духовные ценности были вложены мне в голову и душу. Кого в этом винить? Да и нужно ли кого-нибудь винить?

Я прожил с этими знаниями и ценностями большую часть своей жизни. Я получил то, что хотел. То, чем меня сначала заразили «химики» из большого дурдома, а потом дополнили и развили своим воспитанием Андрей Береза и его друзья. Их я с полным правом и основанием считал тогда и сейчас считаю своими Друзьями. Других друзей у меня больше никогда не было. И сейчас нет. Потому что, прожив жизнь так, как меня научили, я сам стал свидетелем того, как эти устои арестантской жизни, эти понятия и законы перевираются и искажаются, а идея умирает от того, что ею не живут даже те, в честь кого она была когда-то названа.

Мне не обидно, что переосмысление пришло ко мне так поздно. Да и переосмысление ли это? Не так важно. Важнее то, что я прожил свою жизнь так, как прожил. Что сначала мне попались люди, призванные государством воспитать меня, но которым я был просто-напросто безразличен или являлся обузой. Факт. Что они не смогли или не захотели вложить в меня те нормы морали и этики, которые знали сами и которыми жило все общество.

А потом мне повстречались те, кто нашел силы и время не оставлять меня без внимания и научить тому, что знали и умели сами.

Так кто же виноват в том, что я стал тем, кем стал, а не тем, кем было нужно?

Но я, пожалуй, снова отвлекся.

В самом начале я сказал, что не знаю, как сейчас живут дети-сироты, но в мое время жили хорошо. Сказал и стал описывать. Как меня били воспитатели и старшекласники, как я сбегал, врал. Но по этим ли критериям надо судить «хорошо» или «плохо»?

Можно ли сказать, что вам живется плохо, если вас кормят четыре раза в день, при этом вам хватает и мяса, и колбасы, и сыра, и сладостей? Вряд ли.

В том детском доме, в котором воспитывался я, кормили именно так. При этом могу добавить, что на любой праздник, на который положено дарить подарки, мы, детдомовцы, получали даже не по одному, а по пять-шесть подарков. На Новый год особенно. Это были подарки от самого детского дома, от горono (городской отдел народного образования), от горисполкома (сейчас это мэрия), а также от трех-четырёх предприятий, которые шефствовали над детским домом.

Я знаю, что в нынешнее время не каждая семья может позволить себе отправить ребенка на лето в лагерь отдыха. Про детские дома не знаю. Но в те времена нас каждое лето отправляли в пионерские лагеря. Мы могли пробыть одну смену в одном лагере, вторую – в другом, а третью – еще в одном. А могли все три смены пробыть безвыездно в одном лагере. Плюс к этому на наш детский дом ежегодно выделялись две-три путевки во всесоюзные пионерские лагеря «Артек» и «Орленок». Все это я рассказал, чтобы мои утверждения о нашей хорошей жизни не показались голословными.

Между тем время шло, я по-прежнему бегал и крал. Так продолжалось весь 80-й и 81-й год. Пока в конце 81-го года после моего очередного побега воспитательница нашей группы не сказала, что по мне тюрьма плачет и я, скорее всего, буду отправлен в спецшколу.

Я испугался и снова сбежал. Только в этот раз не остался в своем городе.

В нашем городе кроме детского дома была еще школа-интернат. Я часто там бывал и знал многих пацанов. Но самые лучшие отношения у меня сложились с Андрюхой Бяшей, с которым мы неоднократно вместе бичевали. В интернате Бяша находился в детдомовской группе, а это означало, что родители у него есть, но лишены родительских прав.

Тем не менее Бяшу на праздники или на каникулы часто отпускали домой.

В тот раз я приехал в интернат просто так, от скуки. Мне хотелось взять с собой кого-нибудь из пацанов и погулять по городу или сходить в кино. Первым мне встретился Бяша.

– Опа! Здорово, Андрюха!

Я протянул ему руку:

– Здорово, Димон. Че делаешь, куда собрался?

– Да я на бичу снова. Вот думаю, куда из города стартануть. А то мне воспетка в дэдике пообещала, что на короедку.

– Во, б...! – удивился Бяша.

Но глаза его загорелись.

– А может, давай я тоже свинчу из инкубатора, а? Тогда вместе с города свалим.

– А куда подадимся? – спросил я.

– «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз!» – пропел Бяша и тут же предложил: – Может, в Артем рванем, к моим?

– А че, можно и в Артем, – согласился я. – Разницы нету. Главное, отсюда.

На том мы и порешили.

Бедному собраться – только подпоясаться. Бяша и не собирался. Мы просто сразу ушли из интерната. Ехать в Артем решили завтра. А сегодня надо было найти хоть немного денег. На дорогу. Мы с Бяшей вместе поехали на Хёму, где Сява дал мне немного денег. Там же мы и заночевали.

Березы на «малине» не было, он уехал куда-то по делам. А Игорь Боцман на то время был уже в бегах и в розыске. Поэтому я попрощался только с теми, кого смог увидеть. И попросил Сяву рассказать Березе, что я свалил из города, потому что меня собираются упаковать на короедку.

– Ну что ж, удачи тебе, пацан. Держи хвост пистолетом, а нос по ветру, – напутствовал меня Сява. – И запомни: не верь, не бойся, не проси...

Добираться до Артема мы с Бяшей решили автостопом. Так безопасней. Пока шли к трассе из города, Андрей успел мне рассказать кое-что об Артеме и о том районе, где живут его родители. А когда мы вышли на трассу... мы потеряли друг друга.

Шофер сказал, что едет только до Душкино и может взять только одного. Мы решили, что поедет Бяша и будет ждать меня в Душкино. Но, когда часа через два-три я добрался до Душкина, Бяши там не ока-

залось. Я не знаю, куда он делся: то ли менты повязали, то ли сам решил отвалить. Я решил, что Бяше попалась машина, идущая до Артема и он решил сразу ехать туда, рассудив, что я доберусь сам. На мое счастье, машина, на которой я добирался до Душкина, шла как раз через Артем, и я попросил водителя подбросить меня туда.

До Артема в район «птичника» мы доехали только часам к двенадцати ночи. Пока ехали, я рассказал водиле о себе и своих злоключениях. В те годы люди были как-то добрее и душевнее, поэтому водила не только не стал сдавать меня ментам. Когда мы подъехали к «птичнику», было уже темно и водила спросил:

– Ну что, здесь разберешься, а? Найдешь корешка своего и где переночевать?

– Думаю, найду, – ответил я, – но если что, то не впервой, переночую на улице. Не холодно ведь.

– Ладно, Димка, вот тебе еще чирик, пригодится на новом месте. – И дал мне десять рублей. – Удачи тебе...

Машина уехала. А я остался. Один. Ночью. В незнакомом месте. Детство от взрослой жизни выгодно отличается тем, что ты не думаешь о том, что будет завтра, потом. Живешь сиюминутным. Сегодня. Сейчас. Вот и я, как принято говорить, не парился. Я просто пошел к ближайшим домам – переночую в каком-нибудь подвале, а утром разыщу Бяшу. Я был сыт – водила накормил, сигареты на ночь были, деньги на завтра тоже. Что еще нужно?

Меня разбудили голоса. Я спал в самом темном углу подвала на верхних трубах, где было теплее, и потому меня видно не было, а я просматривал весь подвал. Это были пацаны, человек шесть. Все в школьной форме, с портфелями. Сачкуют от школы. Сидят на трубах, курят, рассказывают анекдоты, смеются.

Я сам люблю анекдоты и знаю их очень много. А тут услышал какой-то новый и не выдержал, рассмеялся. В полный голос. Естественно, они испугались. Но, когда я прыгнул с труб и они увидели, что это такой же, как они сами, пацан, успокоились. Один только спросил:

– Ты кто?

– Здорово, пацаны, – поздоровался я. – Меня Димом зовут.

Я подошел к ним, пожал протянутые руки, со всеми познакомился. Когда с формальностями было покончено, я спросил:

– Пацаны, а вы, случаем, Андрюху Бяшу не знаете?

Оказалось, знают. Только давно не видели. С тех пор как увезли его в интернат. И никто даже не знал, куда именно.

Я рассказал им, что Бяша в интернате был в Находке, что сам я оттуда же, только из детского дома, и что мы оба вчера сбежали, решили ехать сюда, к родителям Бяши, но по дороге потерялись. Когда я закончил, все помолчали, потом один сказал:

– Слышь, Димка, ты ведь ночью приехал? Может, и Бяша поздно приехал да сразу домой пошел? В общем, ты бы подождал. Если он приехал, то днем обязательно нарисуетса.

Другой спросил:

– А если его нету, куда ты, Димон, пойдешь?

– Да я, пацаны, как-то не думал еще об этом.

Они переглянулись, потом он предложил:

– А че, оставайся тогда здесь.

– Ну-у-у, не знаю, – протянул задумчиво я.

– Димон, – наперебой загалдели пацаны, – ты сам прикинь, какая тут житуха. Вот смотри, «птичник» стоит на отшибе от всего Артема. Здесь рядом только Артеи-ГРЭС. И только в ГРЭСе есть менты. А у нас здесь хоть и опорный пункт, но на весь «птичник» всего один участковый, и тот хромоногий. А больше здесь ментов и не водится. Опорник открывается только по вечерам, когда участковый раздает повязки дээндэшникам. А дээндэшники все местные.

Меня такой расклад устраивал, и я недолго думая согласился. Но, признаться честно, выбора у меня не было. Куда податься? Кругом все незнакомо. А тут хоть шапочные, но знакомства. Сами ведь предлагают остаться, обещают носить пожрать, когда родаков не будет. В общем, я остался на «птичнике».

И не пожалел об этом своем решении. Я прожил на «птичнике» полгода. Это был самый большой отрезок времени, когда меня не ловили.

Буквально за месяц-другой меня уже знал весь «птичник». Все знали, что я детдомовец, что я в бегах, и никогда никто не делал попыток поймать меня и сдать в милицию. Наоборот, за полгода я пожил почти в каждой семье, где были дети. Родители сами звали меня пожить у них. Я соглашался. А когда мне надоедало, я просто переставал приходить ночевать. Без всяких объяснений. И, прожив в подвале неделю-другую, принимал приглашение другой семьи. При этом, уйдя из очередной семьи, я потом мог спокойно прийти к ним в гости, чтобы помыться и поесть.

Больше всего мне запомнилась семья, состоявшая из одних девчонок. Запомнилась и полюбилась. Отца у них не было, и мать одна растила трех дочерей. Я до сих пор их вспоминаю. Есть в русском языке выражение «кататься как сыр в масле». В этой семье я и был таким

сыром. Такое трудно рассказать. Понять это можно, только когда почувствуешь. Да и как можно словами выразить ту глубину любви и безграничного тепла, что мне дарились?

Признаюсь честно, за давностью лет я уже не помню, как кого звали, но мне бы очень хотелось даже сейчас, когда минуло уже тридцать лет, сказать им простое человеческое спасибо.

Обшустрившись на «птичнике», я стал раз-два в неделю выезжать в Артем. Как бы мне хорошо ни жилось на «птичнике», но деньги мне нужны были в любом случае. Гадить же в месте, где живу, я не мог. Рука бы не поднялась обокрасть кого-нибудь из тех, кто меня принимал таким, какой я есть.

Но зато Артем я прошерстил изрядно.

В одну из поездок я познакомился с пацанами, часто сбегавшими из дома. Каждый раз, приезжая в Артем, я разыскивал кого-нибудь из них, и они советовали, где и какую хату можно «поднять». Давали «наколку». Как правило, это были квартиры знакомых их родителей. Мне было без разницы, какую хату вставлять, лишь бы там было что взять. Я поднимал «хату», делился «прикупом» с тем, кто дал «наколку», и уезжал на «птичник».

Так продолжалось до тех пор, пока я не вставил хату начальника уголовного розыска города Артема. Мне не сказали, чья это квартира. Да меня это и не интересовало. Мне сказали, что хата богатая, я и залез. Залез через балкон, выставив балконную дверь. А потом уехал, увозя с собой более полутора тысяч рублей.

На другой день менты приехали на «птичник» конкретно за мной. Случайно ли, нет, но в городе менты нашли того, кто дал мне «наколку» на хату начальника угро. Тот рассказал все – кто я, откуда и где обитаю. Это было лето 1982 года.

Когда меня привезли в детский дом, директор не мудрствуя лукаво во избежание моих дальнейших рывков к свободе просто закрыл меня в карцер. Это была комнатка буквально три на три метра, без окон, без мебели. Нас там было четверо: я, Ванька Железняк, Романченко Олег и Пономарев Андрей. Нас кормили, как обычно, четыре раза в день. Днем выводили два-три раза в туалет. А вечером выдавали матрасы.

В карцере мы просидели месяц.

А в августе нас отправили в детский приемник-распределитель для отправки на короедку. И уже в середине августа за мной закрылась та дверь, за порог которой я переступил только через три года.

Можно не рассказывать о жизни и быте короедки слишком много. Просто потому, что я не видел тогда, да не вижу и сейчас особой раз-

ницы с детским домом. Основным отличием было то, что в короедке мы гораздо меньше времени проводили на улице. А уж о выходе за пределы короедки нечего было и мечтать.

На лето нас вывозили в трудовой лагерь, где мы работали на полях колхоза «Коммунар». Пололи огурцы, картошку, свеклу, а потом собирали их. Весь остальной год мы проводили в стенах школы.

Не скажу, что на короедке мне было плохо. Совсем нет. Меня защищало то, что я был детдомовцем. Но сам я никогда не пытался прикрываться статусом сироты. Место под солнцем мне тоже приходилось выгрызть зубами. Из-за того, что я сирота, мне приходилось драться гораздо меньше, чем в детском доме. Было также меньше поползновений набить мне рожу. Но казусы все-таки случались.

Тем не менее я выжил. Однако сейчас я понимаю, как это страшно, когда в замкнутом пространстве вместе собираются около двухсот пацанов, привыкших жить только уличными законами, законами джунглей, по которым выживает сильнейший.

На короедке именно так и жили. И пусть меня это не коснулось, но я до сих пор помню, как кого-то выбрасывали в тумбочке из окна. На асфальт. Как кто-то сильнее заставлял более слабого отдавать колбасу или другие вкусности. Это называлось «зашестерить». Я помню эти драки: беспричинные, внезапно возникающие, жестокие...

С возрастом я вообще заметил, что дети в сравнении со взрослыми более жестоки.

Но время идет, и вот долгожданное:

– Рыкунов, Железняк, Пономарев и Романченко, собирайтесь, за вами приехали.

1985 год. Три года канули в никуда. Что вынес я с короедки, кроме огромной любви к литературе и математике? Чему я научился, кроме умения писать стихи? Ни-че-му!

Нет, конечно: я и до этого знал, что красть нехорошо, что это преступление. Также я знал, что в среде себе подобных место под солнцем можно отвоевывать только с помощью зубов. Но достаточно ли этого при условии, что три года тебя пытались воспитывать в условиях куда более строгих, чем обычно?

Когда мы приехали в детский дом, нас встречали... как героев.

Можно ли забыть, как вокруг тебя собирается огромная толпа пацанов и девчонок и каждый пацан норовит пожать тебе руку, а девчонки щебечут и постреливают глазками... Дух захватывает.

Но я не зря задавался вопросом, что я вынес из короедки и чему она меня научила...

Я посчитал, что три года без возможности выхода за пределы определенной территории – это слишком много. А значит, я должен сам компенсировать упущенные годы. И стал упиваться свободой.

Перво-наперво я съездил на Хёму. Однако в комнате, где раньше собиралась кодла Березы, жила уже какая-то семья, и никто не знал, куда делись прежние жильцы.

Так я остался без друзей.

Но детство на то и детство. Я не расстроился. Все свое время я проводил либо гуляя по городу, либо в порту лазил по старым кораблям. О школе я даже не вспоминал. За четыре месяца я едва ли четыре раза посетил уроки. В детский дом я приходил только ночевать.

В то же время я не забывал навыков крадуна и по мере нужды в деньгах вставлял одну-две хаты.

Мудрый царь Соломон сказал когда-то: «Все проходит. И это пройдет».

Моя свобода закончилась самым неожиданным для меня образом.

– Ну все, приехали. Вылезай. – Пожилой мент расстегнул наручники на моих запястьях и открыл дверь машины. – Пошли. Ждут тебя.

Взяли меня на проходной, когда я выходил с территории порта. За что взяли, я не знал. Но, судя по тому, что на моих руках сразу защелкнули наручники, я подумал, что это из-за квартирных краж, и решил, что буду идти в отказ. Однако меня удивило, что меня отвезли не в горотдел. Пока ехали, менты обсуждали какой-то случай с избиением и изнасилованием, я особо не прислушивался, не зная за собой вину в делах подобного рода.

И вот я стою в кабинете директора детдома, а за спиной – два мента перекрывают мне путь к двери.

– Ну что, Рыкунов, доигрался, допрыгался?

Валентина Ивановна, новая директриса, даже не смотрит на меня. Ей, видимо, и так все ясно. Она просто выполняет формальности.

– Ну, давай рассказывай.

– Ничего не видел, ничего не знаю!

Я пытаюсь выиграть время, надеясь, что кто-нибудь проговорится, на какой хате я спалился.

– О чем рассказывать-то?

– Дима, – Валентина Ивановна наконец-то поднимает на меня глаза, – давай ты не будешь отпираться. Мальчик нам все уже рассказал. И как ты его бил, и что ты с ним после сделал. Я просто хочу услышать это от тебя.

Я непонимающе смотрю на нее. Я ведь уверен, что ни по одной из хат у меня нет ни одного свидетеля. Так о ком и о чем она говорит?

– Ну, что молчишь? Стыдно, наверное?

Валентина Ивановна раскрывает одну из папок, лежащих перед ней, и я вижу, что это мое личное дело.

– Да, Дима, от кого-кого, но от тебя я совсем такого не ожидала. Могу понять, что учиться ты не хочешь. Могу, хоть и с большой натяжкой, понять твои кражи...

И вот тут до меня доходит. Я вспоминаю разговор ментов в машине и как они при этом посматривали на меня. Вспоминаю предыдущую фразу Валентины Ивановны. Внутри все холодеет. Обидно было не само обвинение, а то, что оно необоснованное.

Сначала я подумал, что это какой-то розыгрыш, шутка. Но по мере дальнейшего разговора я понял, что шутками тут и не пахнет. Все находящиеся в кабинете почему-то уверены были в том, что какого-то мальчика избил, а потом изнасиловал я. Они не верили, что весь день я провел в порту. Их совсем не интересовало, что мои слова могут подтвердить как минимум три человека. В порту я заходил на один из пароходов, где меня накормили и где я провел большую часть дня, разговаривая с вахтенным матросом, поварихой и капитаном. Они не верили. Или не хотели верить.

По первости я пытался доказать свою невиновность спокойно. Потом я начал злиться на то, что меня просто не слушают или не верят мне. В конце концов я сорвался до такой степени, что пытался доказать свою невиновность нецензурной бранью и ею же выразил свое отношение ко всему происходящему, чем, естественно, только усугубил свое положение и окончательно убедил находящихся в кабинете, что именно я и сделал то, в чем меня обвиняли.

Конец этому положила Валентина Ивановна:

– Ну все, Дима, хватит. Мы устали уже слушать тебя. – Она закрыла папку с моим личным делом, прихлопнула рукой и отодвинула на край стола. – Вот, товарищи, его личное дело. Забирайте вместе с ним и для начала везите его во Владивосток, в приемник-распределитель. До суда мы постараемся не доводить, ребенок все-таки. Но вот в спецучилище будем его оформлять.

Я был невиновен в том, в чем меня обвиняли. И знал это. Поэтому при словах «ребенок все-таки» во мне заклокотала такая злость и обида, что я не сдержался и рванул к столу, схватив стоящий на нем графин с водой. Я хотел бросить его в директрису. Но у меня как-то сорвалась рука, и, вместо того чтобы бросить графин, я со всего размаха

ударил им о край стола. Стекло брызгами разлетелось по комнате, а у меня в руках осталось горлышко графина – классическая «розочка». Оба мента бросились на меня, но, развернувшись к ним, я истерично заорал:

– Ну, суки е...ные, давайте, берите, если сможете!..

Картина маслом: четырнадцатилетний пацан, худющий, метр с кепкой ростом, с «розочкой» в дрожащих руках, весь в слезах, а напротив – два здоровенных мужика в ментовской форме. Кино...

В общем, результат был плачевный: у одного мента порванная от кисти до локтя рука, а у меня на запястьях защелкнуты наручники.

Мне было больно и обидно.

В детский приемник-распределитель меня повезли в тот же день вместе с Железняком Ванькой. Его, кстати, как я узнал позже, обвинили в том же, в чем и меня. И, как я понимаю сейчас, это обвинение было просто поводом, чтобы отправить нас обоих в спецучилище.

В распределителе в тот раз я пробыл месяц. Потом за мной приехала воспитательница из детского дома и забрала меня. Ванька остался там.

В поезде я спросил воспитательницу, почему меня забрали, а Ваню оставили. Она ответила, что Ваня остался ждать отправки в спецучилище, так как на него уже оформили документы. С моими документами возникли какие-то проблемы, поэтому меня возвращают в детский дом для исправления ошибок. Потом я последую за Ваней.

Новостью для меня это не было. Дело в том, что за день-два до этого в распределитель позвонили из детского дома и сказали подготовить Ваню к отправке в спецучилище, а меня – в детский дом. Когда нам с Ваней об этом сказали, мы с ним уединились, насколько это было возможно, и почти полдня проговорили, разрабатывая план, как устроить Ваньке побег из приемника на случай, если меня заберут раньше, чем его.

План заключался в том, что я должен был убежать либо из поезда, либо из детского дома – как получится, – возвратиться во Владивосток и, по возможности, ближе к утру проникнуть на территорию приемника, облить его бензином, который должен был взять из машин, стоявших возле, и поджечь. Здание распределителя было старым и полностью деревянным, и мы надеялись, что мне хватит литра бензина, чтобы оно загорелось как следует. Нам нужно было создать хотя бы видимость пожара, чтобы менты были вынуждены вывести детей во двор, где в суматохе Ванька попытается сбежать.

Но, как говорят, мы предполагаем, а Бог располагает. Я не смог поджечь приемник и даже попасть во двор.

Из поезда сбежать у меня не получилось. Я сбежал уже из детского дома. Это было 27 февраля 1987 года. А уже 28 февраля я был во Владивостоке и примерно полшестого утра подходил к приемнику-распределителю. Забор там был около трех метров высотой, и мне потребовалось какое-то время, пока я нашел доску, приставил к забору и взобрался наверх. Но, когда я уже собрался прыгать вниз, я увидел там огромного пса. Мне он показался страшнее собаки Баскервилей.

...Я стоял в здании вокзала, греясь у батареи. Мысль, что я не сумел организовать Ваньке побег, жгла и мучила меня. Но больше всего меня мучил вопрос, куда податься и что делать.

Оставаться во Владивостоке мне не хотелось, так как с этим городом у меня были связаны не слишком приятные воспоминания; примерно году в 78–80-м я уже приезжал в этот город, и моя тогдашняя эпопея кончилась тем, что я бензином обжег себе лицо и попал в больницу. О самой больнице, кстати, у меня сохранились самые приятные воспоминания. Но сейчас-то я в больницу не собирался. А куда-то деваться было нужно.

И тут мне в голову пришла простая и гениальная мысль: а что, если мне перестать забивать себе голову всякой хренотенью и просто рвануть в Артем на «птичник». Тем более что на короедке я познакомился с несколькими пацанами из этого города. Так что если даже на «птичнике» меня забыли, то в самом Артеме мне будет где перекантоваться. Я сел в ближайшую электричку до Артема...

И вот я снова на «птичнике».

Казалось, за прошедшие четыре года здесь не изменилось ничего, только рядом со школой построили новенький кирпичный клуб. А так все те же пятнадцать пятиэтажек, старенькая школа и потемневший от времени, дождя и ветра, почти вросший в землю небольшой магазин. И все это стоит особняком, на сопочке, как будто отдельно от всего города.

Кто-то из прохожих сказал мне, что в школе идет матч, то ли баскетбольный, то ли волейбольный. Поэтому я не удивлялся, что, несмотря на шесть часов вечера, на улице нет ни пацанов, ни девчонок. Я пошел к школе ждать окончания игры.

Когда дверь школы открылась и они толпой повалили на улицу, я стоял сбоку на крыльце. Вот пошел Игорь Солдат. Вон из дверей вываливается Олег Кашевар. А это идет Юра Кисель. Все повзрослевшие, но почти не изменившиеся. Я стоял и пока никого не окликал.

Каково же было мое удивление, когда окликнули меня самого. Когда раздался возглас: «Димон! Рыкунчик!» – я от неожиданности не сообразил, что это зовут меня. А обернувшись на крик, обалдел еще больше. Передо мной стояли Андрей Пермин и Андрей Евдокин. С обоими сидел на короедке. Но никак не мог подумать, что встречу их на «птичнике».

Когда первая радость встречи улеглась, мы пошли домой к Пермину, родители которого переехали на «птичник», пока он сидел на «короедке». Сидели мы долго, вспоминали жизнь на короедке, пацанов, оставшихся там. Потом Пермин спросил:

– Ну а ты, Димон? Что и как? Каким ветром к нам занесло?

– Да вот, пацаны, как-то не сложилось у меня. На бичу я. Мусоров за собой я не привел, но искать меня, по ходу, будут. А потому нужно мне где-то перегаситься.

И я рассказал Пермину с Евдокиным все, что со мной произошло. Когда я закончил, Пермин предложил:

– А че, Димка, поживи пока у меня. Тут, кстати, родаки на месяц отваливают. Живи, не пропадем.

– Да я, Андрюха, в общем-то и собирался здесь на «птичнике» перекантоваться первое время. Знакомые здесь есть. Я ведь тут в восемьдесят первом бичевал два года. Должны помнить...

– Эй, народ, – перебил меня Евдокин, молчавший до этого, – а я как? Вы тут че-то решаете, а меня и не спросите. А может, лучше будет, если ты, Димон, у меня в Суражевке перегасишься, а?

– А че, Рыкунчик, – Евдоха-то по сути говорит, – подумав, сказал Пермин. – Сам прикинь, «птичник» уже не тот, что был в восемьдесят первом. Здесь сейчас и опорный пункт сделали новый, в клубе. Да и легавых уже не один участковый, а целая зондеркоманда. Короче. Палево. А Суражевка – поселок, чуть ли не деревня. Уж там-то точно мусоров нету.

Почти не раздумывая, я согласился. Основную роль тут сыграло то, что на «птичнике» появились менты. Слишком многое я перенес от ментов в свои четырнадцать лет. Пусть даже в этом рассказе я не упоминал, сколько раз я был бит, и жестоко, людьми в милицейской, мышиного цвета форме. Это не моя большая фантазия и не попытки оправдать мое отрицательное отношение к профессии «милиционер». Это реальность. Меня, несовершеннолетнего пацана, и в мои восемь-девять лет, и в мои четырнадцать лет неоднократно избивали люди в погонах. Люди, призванные защищать таких, как я...

В общем, я согласился с предложением Евдокина.

Я давно уже верю, что жизнь циклична и каждый отдельно взятый цикл в судьбе того или иного человека повторяется хотя бы однажды.

Моя жизнь в Суражевске почти один в один повторяла тот период, когда я ночевал на «птичнике» в 81-м. Разница была лишь в том, что я стал старше, а соответственно, изменилось мое восприятие жизни и отношение к ней.

В Суражевке я прожил два месяца. Взяли меня 30 апреля 1986 года.

Я часто выезжал из Суражевки в Артем. Как ни сладко мне жилось, но деньги мне были нужны в любом случае. И я ездил в Артем, где с помощью знакомых пацанов получал «наколки» на богатые хаты и грабил их. Все пацаны в Суражевке знали об этом и часто разживались у меня деньгами.

Однажды я зашел в гости к Евдокину. Я хотел помыться и поесть. Дома у Евдокина сидел Костя Изюм. Они на кухне обсуждали Киселя.

– Здорово, пацаны!

Я прошел на кухню и пожал протянутые руки.

– Че сидим? О чем базар?

– Да вот прикинь-ка, Рыкунчик, Кисель-то сухой оказался. – Изюм от злости аж заикался. – Сдал, козел, нас за то, что мы с пацанами столовую в школе вставили. Ко мне уже мусора приезжали, забрали все, что я приволок. Да еще мамке штраф за меня выписали. Да и к другим пацанам, кто столовую бомбил, тоже приезжали. Короче, п...ц. А мы еще ему, козлу, сгущенки с тушонкой дали. Прикинь!

Костя кипел от возмущения.

– Андрюха, дай пожрать. – Я сел за стол. – А вы че, не знаете, как с сучами по жизни поступать положено?

Ответил мне Евдокин. Налив еще борща, он сел за стол.

– Да знать-то мы знаем, Димон. Да только как нам его наказать, если поймать не можем. Прячется где-то. Даже в школу не появляется.

– Появится. Куда он денется? – ответил я.

До сих пор не знаю, какой черт дернул меня за язык:

– Может, давайте я его накажу?

– Как? – в один голос спросили Евдокин с Изюмом.

– Да как-как, вставлю его хату, и все. Дома у него я бывал, знаю, что где лежит. Ключи от хаты мать постоянно под ковриком оставляет. Делов-то!

Не зря меня учили: не гадь там, где живешь.

Было примерно часов десять утра, когда я зашел в подъезд дома, где на пятом этаже жил Кисель. Поднимаясь по лестнице, я по при-

вычке проверял под всеми приквартирными ковриками. На втором этаже мне навстречу попала молодая женщина в халате. Наверное, ходила в гости к соседям сверху, решил я. Пока дошел до квартиры Киселя, я нашел два ключа.

В хате Киселя я сразу проверил все места, где, по его словам, мать прятала деньги. Взял все, что нашел, и зашел в комнату Киселя и забрал копилку, в которой было рублей десять-двенадцать одними десятикопеечными монетами. И только потом, уже в порядке наказания, сломал магнитофон Киселя, порезал подушки на кровати, порезал кресло и разбросал вещи.

Потом зашел в те две квартиры, ключи от которых нашел раньше. В одной мне не попалось ничего, а во второй я буквально сразу нашел сто двадцать рублей. Больше ничего искать не стал, и так хватало.

Помню, когда я выходил из подъезда, на лавочке увидел ту женщину, которая повстречалась мне на лестнице. Я как-то не обратил внимания на нее. А жаль.

Я сидел на матрасе и пересчитывал деньги, когда ко мне зашел Евдокин:

– Здорово, Димон. Пойдем ко мне, пожрешь хоть. – Тут он увидел деньги. – Опа! Где ж ты так откупился?

– Это, Андрюха, с Киселевой хаты. Да еще пару хат там поднял. Я сейчас подобью, сколько тут, и подойду к тебе. Лады? Ты пока иди, разогрей чего-нибудь.

Евдокин ушел. Я пересчитал деньги, рассовал их по карманам и собрался идти. Правый карман оттягивали десятикопеечные монеты, это было неудобно, но грело душу. С легким сердцем я вышел на улицу.

– Вор! Вор! Стой!

Двор был безлюден, и этот истошный крик, отражаясь от стен, усиливался раза в два-три.

Не понимая, кто и кому это кричит, я оглянулся – и бросился бежать. Потому что увидел ту самую молодую женщину. Она бежала за мной, крича и размахивая руками, а полы ее халата распахивались на бегу, открывая красивые ноги.

Но почему-то мне было не до красот. Я бежал, надеясь на то, что я, пацан, смогу быстро оторваться от погони. Однако, пробежав какое-то расстояние и поняв, что крик этой заполошной не стихает, я оглянулся. И удивился. Она меня догоняла. Спортсменка, чтоб ее. Я сунул руку в карман, вытащил пригоршню монет. Снова оглянулся, она была метрах в пяти от меня. И наотмашь бросил всю пригоршню ей в лицо. Слава богу, это хоть немного, но задержало ее. Так повторялось раза

три, пока карман у меня не опустел. Зато она все-таки остановилась, и убегая я еще долго слышал ее визгливый голос.

Все случилось так быстро, что я, не очухавшись, на автопилоте направился в сторону фермы. Впрочем, выбора у меня не было, Суражевка была маленьким поселком, спрятаться там было негде. Я решил пока отсидеться на ферме, на сеновале.

Весь тот день я провел у слухового окна на сеновале, зарывшись в сено и время от времени выглядывая в окошко. Я вообще ожидал, что мужики соберут на меня облаву, и мне надо быть готовым к любым неожиданностям. Но время шло, никакой облавы не было, и я начал успокаиваться. А уже ближе к вечеру, выглянув в очередной раз в окошко, я увидел, что к ферме идут Евдокин и Изюм. Я свистнул и, когда они подняли головы, помахал им рукой.

– Ну, Димон, ты кипиш навел!

С этими словами они поднялись по лестнице.

– Весь поселок на ушах стоит. Если бы Светка тебя поймала, тебя бы порвали.

– Пожрать-то хоть принесли? – спросил я, пропустив их слова мимо ушей.

Пока я жевал хлеб с маслом, Изюм как-то нерешительно обратился ко мне:

– Слышь, Дима, я что хотел сказать... – и посмотрел на Евдокина, как будто ища у него поддержки. – То, что ты Киселя бомбанул, это ништяк. Так ему, козлу, и надо. Но тут такое дело, ты, кроме Киселевской, еще и в Светкину хату зарулил. А она сейчас одна с дитем сидит. Родила всего пару месяцев назад. А ты у нее последние бабки наблындил.

Он выжидающе посмотрел на меня.

– И что?

Мой вопрос был риторический, я уже понимал, к чему он клонит.

– Ну че-че, Димон, – вмешался Евдокин, – так-то я, допустим, понимаю, что ты живешь краденым, и в другое время ни за что не попросил тебя делать возврат. Но ты сам прикинь, Светка живет одна, без мужика. Без этих денег, что ты у нее взял, она с ребенком месяц не вытянет.

На меня Евдокин не смотрел.

Я до сих пор не знаю, хотели ли Евдокин с Изюмом меня обмануть и просто забрать эти сто двадцать рублей себе. Не знаю, потому что ребенка в квартире Светки я не видел. Возможно, она его занесла соседям, чтобы самой спокойно подышать воздухом. Кроме этого, Евдокин с Изюмом знали, что, попроси они у меня денег, я бы дал из без проблем. В общем, как бы там ни было...

– Да, ладно, пацаны, я понимаю... – Я вытащил все деньги, отсчитал сто двадцать рублей и протянул их Евдокину: – На, отдай Светке.

– А ты как дальше? – спросил Евдокин, беря деньги. – Тебе ведь теперь отрываться отсюда надо.

– Сегодня здесь, на сеновале, переночую, а завтра с утра отвалю.

– И куда?

– Не знаю, пацаны. Не думал еще. Потом уже посмотрю куда.

Изюм с Евдокиным ушли.

Всю ту ночь я не спал. Я чувствовал себя брошенным и одиноким. Я думал о том, что жизнь почему-то слишком уж несправедлива ко мне. Не может быть справедливости в том, что мать бросает четырехлетнего пацана с годовалой сестрой на руках и уезжает неизвестно куда. Не может быть справедливости в том, чтобы потом этому пацану всю жизнь приходилось бежать. Бежать. Как загнанному волку. Бежать в никуда, в воздух, в пустоту. Не может быть справедливости в том, что ему, убегающему, порой приходится совершать поступки, противоречащие общепринятой морали, потому что ему хочется есть. А его за эти поступки наказывают. И не может быть справедливости в том, что наказывают его именно те люди, которые призваны оградить этого пацана от дурного влияния и научить его жить так, как живут все, а значит, дать ему ту заботу и внимание, которые он мог бы получить и должен был получить, но не получил. Люди, которые в силу своей профессии должны были бы понимать, что бежит пацан именно от невнимания, от непонимания, от их безразличия. А вместо этого эти люди его наказывают. И приходится ему бежать снова и снова.

А утром, когда звезды только-только начали бледнеть, я шел уже по дороге, ведущей на «птичник».

Я уверен, что большинство значимых событий нашей жизни определяют случайности. И мой арест, а вернее задержание, тоже был случайностью. Хотя назвать это случайностью тоже язык не поворачивается.

Мы с Игорем Солдатом стояли у входа в клуб и рассматривали афишу, на которой было написано о бесплатном концерте в честь 1 Мая. Неожиданно Игорь сорвался и бросился бежать. Мне бы последовать его примеру, но все произошло настолько неожиданно, что я в первое мгновение не понял, что произошло. В следующий миг кто-то схватил меня за руку, а над ухом раздалось гнусавое:

– Ну, наконец-то, хоть одного поймал.

Я оглянулся на голос, и перед моими глазами всем своим блеском засияла милицмейская кокарда, прицепленная на милицмейскую же фу-

ражку, которая как-то нелепо, торчком-бочком, покоилась на лохматой и давно не мытой голове. Сама же голова состояла из узкого лобика, маленьких и сердитых, спрятанных под бровями, утопленных глубоко в глазницы глазок, массивного шнобеля с торчащими из ноздрей седоватыми волосками, узких, зло сомкнутых губ и скошенного, безвольного подбородка. Верхнюю губу обрамляли длинные, свисающие а-ля донской казак усы. В общем, типичный представитель «хомо милиционерус» – милиционер разумный. И, скорее всего, определение «разумный» принадлежало ему только потому, что «это» могло разговаривать.

Вырваться я не пытался. Чувствовал, что карательный инстинкт у него основной.

– Пошли, – потянул он меня за руку.

В дежурной части опорного пункта сидели двое ментов. Мой конвоир был третьим. Он подтолкнул меня в глубь комнаты:

– Садись вон на стул и рассказывай.

– А че рассказывать? – стал я врубать дурака.

– Все рассказывай, малец. Все. Как вы чуть весь клуб не взорвали своими взрывпакетами, сколько вас было, кто был, из чего делали взрывпакет, где что брали. В общем, все.

– Дяденька, да я ничего не делал, – начал я канючить, – я вообще сюда только что пришел. Хотел узнать, что у вас в клубе идет.

– А сам откуда? Что-то я тебя не припомню, – спросил тот, что сидел за столом. По всей видимости, старший.

– С Артем-ГРЭСа я.

– Так, – старший придвинул к себе лист бумаги, взял ручку, – ну, рассказывай, как твоя фамилия, имя и отчество, где именно живешь, кто родители?

– Андреев Вова я.

Я уже неоднократно пользовался этим методом, и частенько у меня получалось избежать задержания, назвав совершенно чужие данные.

– Постой, постой, – вмешался третий мент, молчавший до этого, – я, кажется, знаю твою мать. Она у тебя не на вокзале работает?

Это был шанс, и я утвердительно кивнул головой.

– А ты не сбежал из дома, а? А то ишь куда тебя занесло из ГРЭСА, да еще так поздно? – спросил старший.

– Да не, – Одет я был чисто, что придавало правдивости моим словам. – Меня мать отпустила кино в клубе посмотреть.

– Телефон дома есть? – спросил тот, который якобы знал мою мать.

Я отрицательно покачал головой.

– Ну, ладно, сейчас хоть на вокзал позвоним, и если все подтвердится, то пойдешь кино смотреть. Как раз через десять минут сеанс начинается.

Он снял трубку телефона, покрутил диск, набирая номер. Когда на том конце ответили, он сказал:

– Здравствуйте, барышня. Это вас из милиции беспокоят. У нас такой вопрос. Работает ли у вас некая Андреева и если работает, то есть ли у нее сын? – Он послушал ответ, потом продолжил: – А вы, случайно, не знаете, не сбежал ли сын из дома?

Когда он, дослушав ответ, положил трубку телефона, то сначала с интересом посмотрел на меня, а потом обратился к другим ментам:

– Если полугодовалый ребенок умеет ходить, то...

Договорить он не успел.

– Здравствуй, дядь Сереж!

В кабинет влетела девчонка примерно моих лет.

– А мы с девчонками в кино пришли. – Она осмотрела комнату, и ее взгляд остановился на мне. – Димка, это ты?

И тут я ее узнал, это была самая младшая сестра из той семьи, где я жил в 81-м году, состоявший из одних девчонок.

Картина Репина «Приплыли»...

– Здравствуй, стрекоза, – поздоровался с девчонкой старший и продолжил, обращаясь уже к своим: – Вот и я говорю, у Андреевой, конечно, есть сын. Но убежать из дому он не мог. Ему от роду полгода. – Мент повернулся в мою сторону. – А тут выясняется, что Вова – вовсе и не Вова, а совсем даже Дима. Вот так-то! – Он снова повернулся к девчонке: – Лен, ну хоть ты нам расскажи, что ты знаешь об этом мальчике.

Она уже сидела рядом со мной.

– Он жил у нас лет пять назад. Он детдомовский...

– Так-так, – перебил Лену старший, – подожди минуточку.

Он встал и вышел из комнаты. А когда вернулся, у него в руках был какой-то листок бумаги с наклеенной в уголке фотографией. Он подошел ко мне и сравнил фото с моим лицом.

– Ну вот, Дмитрий Михайлович Рыкунов, а я-то думаю, чего это лицо твое такое знакомое? А ты, оказывается, не так прост. Вон, два месяца уже в розыске числишься. Через месяц во всесоюзный уже объявили бы. И чего ж это я раньше ориентировку не посмотрел? – посетовал он.

Запираться уже не имело смысла, и я рассказал им почти все. Почти, но не все. Меня в тот же вечер отвезли в Артем в горотдел. А уж там операм не составило труда расколоть меня по полной, по всем моим

кражам. Их, даже к моему собственному удивлению, оказалось больше 30 эпизодов.

Дальше все было просто. Следствие длилось четыре месяца, которые я провел в следственном изоляторе Владивостока. Итог был хоть и ожидаемый, но слишком суровый.

«Именем Российской Советской Социалистической Республики признать Рыкунова Дмитрия Михайловича, 1971 года рождения... виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью третьей статьи сто сорок четвертой Уголовного кодекса РСФСР, часть.... И назначить ему оказание по части третьей статьи сто сорок четвертой Уголовного кодекса РСФСР в размере трех лет лишения свободы, по части третьей... На основании статьи сто сороковой УК РСФСР по совокупности преступлений путем поглощения более строгим наказанием более мягкого наказания окончательно определить к отбытию три года лишения свободы с отбыванием срока в воспитательно-трудовой колонии общего режима. Срок наказания исчислять с...»

Так кончилось мое детство.

Прообраз службы пробации

Пока в высоких инстанциях решается вопрос о создании в России службы пробации, в Красноярском крае не стали тянуть и организовали собственную Службу социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Ежегодно из исправительных учреждений Красноярского края выходят на свободу более десяти тысяч человек. Около 500 из них нуждаются в помощи в трудовом и бытовом устройстве после освобождения, из них около 200 экс-заключенных не имеют определенного места жительства.

Помогая бывшим заключенным преодолеть трудности, новая организация помогает властям бороться с рецидивом. По прогнозам специалистов ГУ ФСИН, реализация проекта по созданию Службы социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, позволит снизить уровень рецидивной преступности в Красноярском крае в среднем на 8–10%. Сегодня эта Служба работает в Советском районе г. Красноярска, но уже скоро охватит еще ряд районов города. А в перспективе ее деятельность должна быть распространена на весь Красноярский край.

Инициаторами ее создания стали краевые ведомства ФСИН, МВД, ФСКН, Агентство труда и занятости Красноярского края, Министерство социальной политики края и Сибирский федеральный университет, которые подписали соглашение о сотрудничестве в организации работы новой Службы. За два месяца работы за помощью в нее уже обратились 129 человек, из которых лишь двое пока не трудоустроены, но вопрос с ними решается и, как уверен директор Михаил Леонович Ламминпия, в ближайшие дни решится положительно.

По своему статусу эта организация является неправительственной (НПО). Вместе с тем она получает значительную помощь, в том числе финансовую, не только от ряда бизнес-структур и фондов, заинтере-

сованных в том, чтобы в городе совершалось меньше преступлений, но и от государственных структур.

На сегодняшний день в штат службы входят четыре человека: директор, сотрудник, отвечающий за трудоустройство бывших осужденных, и два социальных работника. При этом все специалисты являются пенсионерами уголовно-исполнительной системы Красноярского края, имеют большой опыт и навыки работы с такой категорией граждан. Несколько десятков человек работают в качестве волонтеров.

Привлекаются к работе с клиентами службы и студенты Сибирского федерального университета, будущие юристы и социальные работники. Под руководством заведующего кафедрой уголовного процесса юридического института ФУ Александра Назарова студенты магистратуры три дня в неделю оказывают квалифицированную бесплатную правовую помощь обратившимся бывшим осужденным, их родным и близким.

Сотрудники службы призваны контролировать процесс адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и оказывать им помощь в решении любых возникающих проблем при оформлении документов, при устройстве на работу и т. п. В структуре службы организовано «Специализированное кадровое агентство», специалисты которого занимаются трудоустройством бывших осужденных. Например, не так давно из бывших осужденных была сформирована бригада – 11 человек – для выполнения работ по лесоочистке просек под строительство воздушных линий электропередач. Средняя заработная плата одного рабочего на этом участке составляет 40 тысяч рублей в месяц, что совсем немало даже по северным меркам. Также в перспективе планируется трудоустроить бывших осужденных на работах по благоустройству улиц города Красноярска.

По словам начальника ГУ ФСИН России по Красноярскому краю Владимира Константиновича Шаешникова, на специализированное кадровое агентство, являющееся составной частью Службы, которое будет трудоустраивать исключительно бывших осужденных, возлагаются большие надежды.

– Из наших учреждений в кадровое агентство будут поступать данные о специальностях и квалификации освобождаемых, их характеристики, благодаря чему появится возможность заранее договориться об их трудоустройстве с потенциальными работодателями. В отличие от обычного трудоустройства работодателя уже не будет так пугать известие о криминальном прошлом работника, что сегодня является и причиной отказа принять на работу, и увольнения, даже если удалось устроиться, – рассказывает Владимир Константинович.

– Не секрет, что к бывшим осужденным в нашем благополучном обществе относятся с недоверием, – говорит директор Службы Михаил Леонович Ламминпя. – Считают, раз сидел, значит, на воле уже жить, как все, не сможет. Но мало кто обращает внимание на тот факт, что общество само отталкивает этих людей, делая их изгоями, не давая возможности исправиться, реабилитировать себя в глазах близких, друзей, знакомых, не давая возможности трудоустроиться (за редким исключением) и честным путем получать положенное вознаграждение за свой труд. Наша Служба как раз и создана для ослабления, а по возможности, и устранения такого отношения общества к бывшим заключенным.

Работа Службы с каждым из клиентов начинается еще в период отбывания им срока наказания – как правило, незадолго до даты освобождения. По желанию осужденного сотрудники Службы, а также представители Сибирской ассоциации тюремных служащих и студенты-волонтеры СФУ встретятся с родственниками (если человек указал их в анкете для представителей службы в качестве принимающей стороны после освобождения), чтобы подготовить их к продолжению взаимоотношений с бывшим осужденным. Встретятся они и с бывшими работодателями (если в той же анкете осужденный дал информацию о том, где он работал до осуждения), чтобы выяснить, насколько реально будет после окончания срока устроиться на прежнее место работы. И с самим освобождающимся – для личной беседы и поддержки, определения планов на будущее, ответов на все интересующие его вопросы и помощи советом или предложением.

После освобождения человек может самостоятельно обратиться в Службу социального сопровождения с возникшими у него проблемами и получить консультацию или помощь, в том числе и в трудоустройстве. В данном направлении Служба тесно взаимодействует с агентством труда и занятости населения Красноярского края и Центром занятости населения города Красноярска. В помещении Службы установлен электронный терминал с банком вакансий профессий не только по самому Красноярску, но и по всем регионам края. Обновление банка вакансий происходит ежедневно.

Взаимодействие с Министерством социальной политики Красноярского края дает Службе возможность подавать ходатайства о зачислении клиентов, не имеющих жилья, в Красноярский, Канский, Ачинский и Минусинский Центры социальной адаптации, а также ходатайствовать перед службой социальной защиты населения Красноярска о выделении материальной помощи наиболее нуждающимся клиентам.

Безусловно, в работе сотрудников Службы имеются свои трудности.

– Самое главное, – говорит директор Михаил Леонович Ламминия, – преодолеть то недоверие, которое, чего греха таить, имеется у осужденных, особенно когда они узнают, что наши штатные сотрудники – это пенсионеры УИС. Кроме того, у нас ведь нет никаких властных полномочий, мы – общественная организация, поэтому действовать можем только методом убеждения. Но знаете, пока все идет хорошо.

Особенно интересен опыт работы так называемых «равных консультантов». Кто это такие? Все очень просто: это лица, ранее отбывавшие наказания в местах лишения свободы и имеющие личный успешный опыт социальной реабилитации после освобождения. Ведь успешные бывшие заключенные – живой пример возможности наладить нормальную жизнь после освобождения, и именно они, как никто другой, способны дать дельные советы по достижению этой желанной для многих освобождающихся цели.

– Мы посещаем исправительные колонии, беседуем с теми, кто вот-вот должен освободиться, – рассказывают Вероника Щеглова и Александр Пекарский, ранее сами отбывавшие лишение свободы, а ныне успешно вписавшиеся в общество, – помогаем и советом, и помощью в поисках жилья и работы.

Являясь членами Сибирской ассоциации тюремных служителей, объединяющей в своих рядах представителей различных религиозных конфессий, Вероника и Александр на пожертвования прихожан сумели снять три квартиры, в которых могут временно, до того как найдут постоянное жилье, пожить освободившиеся осужденные.

Понятное дело, что «равным консультантам» легче найти общий язык с осужденными, ведь заключенные испытывают некоторое недоверие как к госорганам вообще, так и к сотрудникам пенитенциарной системы в частности. Поэтому работа «равных консультантов» так важна.

– Бывшие заключенные, которым удалось успешно reintegrироваться в общество, являются для осужденных живым примером того, что и после «отсидки» можно наладить нормальную жизнь. И конечно, к ним и их советам прислушиваются, – отмечает куратор Службы социального сопровождения со стороны ГУ ФСИН Андрей Колеватов.

Во всех исправительных колониях вывешена информация об этой организации. И обратиться сюда может каждый, даже если он и не является жителем города Красноярск.

Судя по тому, что показывают первые результаты, этот проект имеет хорошие перспективы.

Александр Сидоров

Вологодский конвой

Бренд, от которого дурно пахнет

У каждого города своя слава. А чем славится Вологда? В феврале 2009 года губернатор Вологодской области Вячеслав Позгалев, давая интервью «Российской газете», затронул эту тему. Состоялся любопытный диалог:

«– Я как-то выступаю на питерском радио, задаю вопрос: чем еще в царские времена, кроме вологодского масла и кружев, была известна Вологодская область? Одна женщина звонит: вологодским конвоем, который шутить не любит: шаг вправо, шаг влево – расстрел. И это действительно так.

– Может, это спорная слава?..

– Почему? Давайте поразмышляем. Кроме Ленина, на Вологодчине сидели все... Городок небольшой, все на виду, и поэтому традиции правоохранительные заложены очень давно. Это может быть еще одним нашим брендом».

Увы, сомнительная известность «вологодского конвоя» давно уже из мира арестантского выплеснулась на широкие просторы России. А после «Архипелага ГУЛАГ» с легкой руки Александра Солженицына весть о жестоких, безжалостных вологжанках – «цепных псах» сталинских лагерей и тюрем – распространилась по всему миру. Солженицын писал: *«Вы узнаете, что ночью ехали через Ярославль, и, значит, первая пересылка на пути – Вологодская. И обязательно найдутся в купе знатоки, кто мрачно просмакует мрачную присказку: "вОлОгОдский кОнвОй шутить не любит!"».*

Тему вологодского конвоя не обошел стороной и другой нобелевский лауреат – Иосиф Бродский – например, в стихотворении «Колесник умер...»:

А безвестный Гефест
глядит, как прошел окрест
снежную гладь канвой
вологодский конвой...

Михаил Танич, прошедший послевоенный ГУЛАГ, тоже поминает вологжан в песне для группы «Лесоповал»:

Конвои вологодские, в малиновых погонах,
Бросали мерзлый хлебушек а как для нелюдей.
А было нас по сорок в тех буденновских вагонах,
Рассчитанных на восемь лошадей.

Сурового, мрачного конвойника обозначали коротко – «*вологодский*». Как у Высоцкого в «Побеге на рывок»:

Был побег на рывок –
Глупый, дерзкий, дневной:
Вологодского с ног –
И вперед головой...

В этих цитатах, конечно, нет описаний лютости, злобы конвоиров. Они представлены скорее как обязательная деталь лагерного бытия, антуража. Авторы заведомо убеждены, что читатель понимает, о чем идет речь. Суровость и безжалостность присущи образу вологодского конвоя имманентно, неотъемлемы от него.

Но почему такая не слишком лестная характеристика закрепились за уроженцами именно Вологодчины? Чем они заслужили подобное отношение к себе? И действительно ли заслужили? Может, все это лишь злые наветы?

Во всем этом мы и попробуем разобраться.

Стражники-вологжане и нигилист-магнетизер

Француз Жак Росси, который отбыл в ГУЛАГе более 20 лет, пишет о вологодском конвое в своем двухтомном «Справочнике по ГУЛАГу»: *«Поговорка восходит к середине 20-х гг., когда заключенных возили на с.-в. России (Соловки) и от Вологды их сопровождал новый конвой (соловецкий), отличавшийся грубостью и легко применявший оружие»*. Но это констатация факта, а не объяснение жестокости.

Варлам Шаламов (коренной вологжанин) относит начало «родословной» вологодского конвоя не к советскому периоду, а к дореволюционному. В романе «Четвертая Вологда» Варлам Тихонович пишет:

«Царское правительство вербовало из вологодских рекрутов самую надежную тюремную стражу, конвойные полки и часовых на тюремные башни.

Подобно тому, как профессия дворника закреплена в Москве за татарами, подобно тому, как калужане – землекопы, а ярославцы – торгошники, конвойная служба от века и века в руках вологжан. Свое место в царской империи вологжане заняли, охраняя тюремные замки и защелкивая тюремные замки».

Географ, этнограф Владимир Евдокимов вторит Шаламову: *«Это как водится на Руси – всякий край особенный. Рязань – косопуза, нижегородцы – водохлебы, пермяки – солены уши, вятские – ребята хватские, вологодский конвой шутить не любит...»*¹.

Однако в отличие от Росси Шаламов относит появление поговорки еще к временам Российской империи: *«Выражение – "вологодский конвой шутить не любит" – вошло в историю революционного движения, укрепилось в тюремной традиции и после революции дошло до наших дней, вписав надлежащие сведения в охрану концлагерей двадцатых, тридцатых, сороковых годов»*. В качестве аргумента, который подтверждает дореволюционное происхождение «вологодского конвоя», писатель сообщает: *«Я был поражен, читая в "Былом" протоколы "дела Нечаева" – подготовку его уникального побега из Шлиссельбурга. Вся охрана Шлиссельбурга – а ее судили за подготовку побега Нечаева – состояла из вологжан»*².

Правда, история с Нечаевым кладет «пятно» на репутацию безжалостной «вологодской стражи». Сергей Нечаев был одним из руководителей революционной организации «Народная расправа», которая действовала в Москве и Санкт-Петербурге. «Действовала» – сильно сказано: анархисты-«нигилисты» ограничивались подпольными сходками, где произносились пылкие речи, и жиденько распространяли прокламации. Лишь однажды студенты заигрались. Сергей Нечаев

¹ Евдокимов В.И. Подмосковная Балашиха. Опыт образно-географического анализа. – <http://geo.1september.ru/2002/22/4.htm>

² «Былое» – первый ежемесячный журнал по истории освободительного движения в России. Первые номера вышли в 1904 г. в Лондоне и Париже, затем журнал выходил в Петербурге (1906–1907 гг.), после десятого выпуска был запрещен. Позднее издание возобновлялось, в том числе в Советской России. Прекратил существование в 1926 г.

с четырьмя товарищами 21 ноября 1869 года убил студента Ивана Иванова (который выступил против самодурства «вождя»), обвинив его в предательстве. Нечаев бежал в Швейцарию, но был выдан царскому правительству и заключен в Александровский рavelин Петропавловской крепости.

Вот здесь и начинается самое любопытное. В январе 1873 года Нечаева приговаривают к 20 годам каторжных работ, которые заменяются вечным заточением. Узника содержат в одиночной камере Секретного дома Александровского рavelина. И что же? Нечаеву в конце 1870-х годов удается... склонить на свою сторону значительную часть тюремной стражи, связаться из самой страшной тюрьмы империи с новой революционной организацией «Народная воля» и начать подготовку к побегу! Осуществить это намерение помешало прямое предательство со стороны другого арестанта Александровского рavelина – поляка Льва Мирского. Мирский был студентом петербургской Медико-хирургической академии и участвовал в революционном движении. В марте 1879 года он совершил покушение на шефа жандармов генерала Александра Романовича Дрентельна (генерал в 1863 году командовал войсками, которые подавляли польский мятеж). Мирский стрелял в карету шефа жандармов, но промахнулся и был позднее задержан. Его приговорили к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Однако Александр II и каторгу переменял на вечное заключение в Петропавловской крепости. При этом на помиловании Мирского государь написал пренебрежительно: «Действовал под влиянием баб и литераторов».

Именно Мирский, с которым Нечаев поделился своим секретом, и выдал затем своего собрата с потрохами. Он донес коменданту Петропавловской крепости о распропагандированной Нечаевым страже и его планах побега из Секретного дома с помощью «развращенных» им охранников. Впрочем, и до этого в руки жандармов при арестах членов «Народной воли» попадали шифрованные письма Нечаева (под шифром подразумевается изменение фамилий, местности и проч.), но стражи порядка не обратили на них особого внимания.

Однако не будем отвлекаться на разорившегося польского дворянина, который выторговал себе свободу предательством. Речь о другом – о потрясающем даре Сергея Нечаева воздействовать на окружающих. Чтобы понять силу его магнетизма, умения подчинять людей и манипулировать ими, обратимся к фактам. Кого именно околдовал, заставил себе служить, распропагандировал Нечаев? Историк Феликс Лурье в биографической книге о знаменитом нигилисте подчеркивает:

«Смотрителями равелина подбирались люди, беспредельно преданные престолу, ограниченные, жестокие, слепо исполнявшие инструкции, от которых не отступали ни при каких обстоятельствах». И вот эти суровые стражники в конце концов стали гонцами Нечаева, которые не только исполняли роль почтовых голубей, таская письма из равелина народолюбцам и обратно, но и готовы были содействовать побегу государственного преступника! Правда, судили пламенного революционера как обычного уголовника, однако обычных преступников в Секретный дом не сажали. На момент прибытия Нечаева здесь содержался лишь один узник (брошенный в камеру без суда до особого личного распоряжения императора). Это был поручик Михаил Бейдеман, бежавший за границу и задержанный по возвращении с обрывками сочиненного им «манифеста», где утверждалось, что Александр II царствует незаконно и «народ русский будет управлять сам собою, чиновники и всякая канцелярская челядь изгонится». В конце концов Бейдеман в крепости сошел с ума, так и не раскаявшись в содеянном.

Но вернемся к Нечаеву. Его влияние на тюремную стражу приобрело невероятные масштабы. После доноса Мирского произошло событие небывалое: в декабре 1881 года были арестованы 68 (!!!) жандармов, которые несли службу в Алексеевском равелине. Когда об этом узнал Александр III (вступивший на престол после гибели отца, убитого террористами), он написал на докладной записке: *«Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор».* Суд признал виновными 44 человека: 19 жандармов – в государственной измене, 24 – в несоблюдении особых обязанностей караульной службы. Имя узника на процессе не звучало, он обозначался как «арестант № 5».

Вот как раз все эти жандармы, по утверждению Варлама Шаламова, были набраны в Вологде. К сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть это не могу: не знаком с документами по делу столь подробно. Замечу лишь, что в рассказе Варлама Тихоновича довольно много неточностей и явных ошибок. Одна из нелепостей, которая сразу бросается в глаза – Сергей Нечаев содержался не в Шлиссельбургской крепости, а в Петропавловской. Впрочем, несмотря на это, стражники, охранявшие Нечаева, действительно могли быть вологжанами. Как подчеркивает Шаламов, протоколы их допросов печатались в журнале «Былое», и писателя из Вологды мог поразить этот факт.

В то же самое время необходимо заметить, что нечаевское влияние на стражников имеет не только мистическое, но и психологически-бытовое объяснение. На это указывал и Шаламов:

«Шлиссельбург знал голодовки, протесты, самосожжения, самоповешения на простынях, на белье. Здесь обливали себя керосином и сжигались, умирая от ожогов, срывали погоны с тюремных генералов.

Нечаев поступил иначе. Он ударил кулаком в лицо шефа жандармов генерала Потапова. Ударив, разбил тому нос в кровь. И – не был расстрелян, избит или задушен.

Угрозы расправиться с Потаповым сопровождали этот поступок.

Случай, небывалый случай, подвергся бурному обсуждению в общезнании конвоиров.

Никто не мог дать сколько-нибудь разумного объяснения. Ждали смерти Нечаева – Нечаев продолжал жить.

– Это, наверное, брат или родственник царя, – вот единственное объяснение, которое нашел конвой.

– А если так, действительно так, – говорили конвоиры, – нам нужно держаться осторожно. Завтра он выйдет на волю и нам отомстит. Сорвет нас в порошок.

Нечаев, гений всяческой мистификации, конспирации, не мог не почувствовать, что солдаты его боятся. Он сам стал играть в брата царя. Через полгода солдаты носили его письма на волю».

Случай с генералом Александром Потаповым действительно имел место. Правда, Нечаев не бил его кулаком в нос, а отвесил главе III отделения увесистую пощечину. Бывший народоволец Лев Тихомиров, узнавший об инциденте из записок Нечаева, пересказывал историю так: *«Когда Потапов стал грозить Нечаеву телесным наказанием как каторжнику, тогда он в ответ на эти угрозы заклеил Потапова пощечиной в присутствии коменданта генерала Корсакова, офицеров, жандармов и рядовых; от плюхи по лицу Потапова потекла кровь из носа и изо рта»*. Военный министр Алексей Куропаткин со слов министра внутренних дел Вячеслава фон Плеве (во времена нечаевского заточения служившего прокурором Петербургской судебной палаты) передает еще более любопытные подробности: *«...Плеве рассказал, что в это время Потапов начал уже быть не в своем уме. Он однажды вошел к Нечаеву в камеру и получил от него пощечину. Что же он сделал? Упал на колени перед Нечаевым и благодарил за науку... Такой факт приподнял Нечаева на огромную высоту»*. Правда, Нечаева за эту выходку заковали в кандалы, но вскоре цепи с него сняли.

Согласитесь: на вологодских стражников демонстрация подобного «могущества» таинственного сидельца должна была произвести большое впечатление... Сравнивая со сталинским ГУЛАГом: представьте, что какой-нибудь вшивый «контрик» влепил оплеуху Лаврентию Пав-

ловичу Берии! А тот ползал бы в ногах у «врага народа»... Вы можете вообразить, как после такого представления к арестанту стал бы относиться вологодский конвой? Логичный вывод: если он бьет Берию и его не расстреливают на месте – кто же за этим «политиком» может стоять?! Только Сталин, отец наш родной...

Так случилось и с Нечаевым. Он стал выдавать себя за «особу, приближенную к государю-императору». Нигилист намекал страже на то, что брошен в крепость за верность наследнику престола (будущему императору Александру III), который стремится к реформам и хочет облегчить участь простого народа. Вот как пишет тот же Тихомиров: *«Пользуясь исключительностью своего положения, наводившею солдат на мысль, что перед ними находится какой-то очень важный человек, Нечаев намекал на своих товарищей, на свои связи, говорил о царе, о дворе, намекал на то, что наследник за него... Когда с него сняли цепи, Нечаев умел это представить в виде результата хлопот высокопоставленных покровителей, начинающих брать силу при дворе... Конечно, Нечаев не говорил прямо, но тем сильнее работало воображение солдат, ловко настроенное его таинственными намеками».* Давил, разумеется, и на «страдания за народ». Народоволец Виктор Данилов передает слова одного из охранников: *«Выходило так, что Нечаев в нашем представлении был не ниже Иисуса Христа. Я потом говорил товарищам-солдатам, что ваш Иисус Христос, вот в камере № 5 сидит человек, он нам добра хочет. Он то же, что Иисус Христос».*

Так еще в смутные царские времена была подмочена репутация вологодской стражи.

У тюремщиков – свои шуточки

Правда, в 1910 году Вологда и ее тюремщики слегка подправили, как нынче выражаются, свой «имидж». Это случилось в Вологодском каторжном центре. Необходимое пояснение. После так называемой «революции 1905 года», когда по России в ответ на «Кровавое воскресенье» (расстрел мирного шествия рабочих, которых священник Гапон повел к Зимнему дворцу) по стране прокатилась волна бунтов и вооруженных мятежей, последовал ряд изменений в тюремной системе империи. Так, некоторые тюремные замки были преобразованы в каторжные центры (тюрьмы центрального подчинения) – Шлиссельбургский, Вологодский, Московский, Владимирский, Зерентуйский и т.д. Хотя особо тяжелыми условиями прославился Орловский централ, Вологда тоже сумела отличиться и прогреметь на всю Россию. Что же именно случилось в Вологодском каторжном центре 19 ноября 1910 года?

Здесь была устроена массовая порка политкаторжан! Поводом послужил отказ узников от приема пищи, приготовленной из протухшей рыбы. В похлебке плавали черви, что побудило арестантов к объявлению голодовки и обратиться к тюремной администрации с выражением протеста (вспоминается незабвенный «Броненосец Потемкин»). Опровергая более позднюю поговорку об отсутствии юмора у вологодского конвоя, начальник тюрьмы иронично заметил в ответ на претензии сидельцев: «Ведь и рыба, в сущности, червь. Жрите, что дают». Арестанты тюремного юмора не оценили. Началась «буза» со стуком кружками в двери, революционными призывами и прочими милыми шалостями.

Пришлось пускать в дело розги. Политкаторжан секли по одному в холодном карцере. Всего таким образом обслужили 72 человека. Весть о «торжественной порке» просочилась на волю и была разнесена по городам и весям революционной прессой. Владимир Ильич Ленин в статье «Начало демонстраций» негодовал: *«В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их героическую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов».*

Так что вологжане-церберы снова оказались «в авторитете».

И все же вызывает большие сомнения утверждение Варлама Шаламова о том, что выражение «вологодский конвой шутить не любит» вошло в историю революционного движения еще в царское время. Ни одного упоминания об этом до нас не дошло. Вполне возможно, что стражников охотно набирали из Вологды. Но вот в тюремный дореволюционный фольклор они не вошли. По крайней мере, нет в народно-арестантском творчестве той поры ни одного упоминания о «вологодском конвое», равно как и о «вологодской страже». Зато позднее у Иосифа Бродского в «Речи о пролитом молоке» встречаем такие строки:

Ощущаю легкий пожар в затылке.
Вспоминаю выпитые бутылки,
вологодскую стражу, Кресты, Бутырки...

Случайно ли поэт упомянул вместо конвоя стражу? Возможно, ему было известно о традициях тюремной службы вологжан больше, чем нам? Вопрос остается открытым.

Жертвы пьяного зачатия?

Однако мы так и не приблизились к разгадке конвойной топонимики. Почему все-таки именно вологодский конвой запечатлен сначала

в арестантском, а затем и в общероссийском фольклоре? Факт этот неоспорим. Вологодский журналист и писатель Вадим Дементьев вспоминает: *«Виктор Петрович Астафьев мне как-то с хитринкой говорил, что когда он переезжал в конце 60-х годов из Сибири в Вологду, то о новых своих местах знал лишь присказку: "Вологодский конвой стреляет без предупреждения! Шаг вправо, шаг влево — считается побег". Не знаю, почему моих земляков по всей стране записали в стражников. Их было у российских острогов не больше, чем тех же красноярских земляков Астафьева».*

Сам уголовно-арестантский люд предлагает довольно простое объяснение. Так, в романе Владимира Высоцкого и Леонида Мончинского передан любопытный диалог двух эзков:

«— Ишь ты! — Никанор Евстафьевич указал на ровный строй солдат. — Конвой-то бравенький, но все — недоростки. Жорка, откуда такие взялись, не знаешь?

— Вологодские, говорят.

— Ого. С имя не договоришься. Злючий там народ, от пьяниц рождается».

При всей грубой примитивности такого толкования оно не совсем уж беспочвенно. Вологодчина славится неумеренным пьянством. Издавна существует в русском народе поговорка «Пропили воеводы Вологду». Восходит она к временам польско-литовского нашествия на Русь (XVII век), когда в сентябре 1612 года оккупанты внезапным штурмом взяли Вологду и жестоко расправились с ее жителями. Позднее епископ вологодский Сильвестр (которого поляки держали четверо суток в плену и несколько раз выводили на казнь, но все же помиловали) сообщал князю Дмитрию Пожарскому и его соратникам:

«В нынешнем году, сентября в 22 день, с понедельника на вторник, на останошном часу ночи, грех ради наших и всего православного христианства, раззорители истинная наша православный веры и креста Христова ругатели, польские и литовские люди и черкасы и казаки и русские воры³, пришли на Вологду безвестно изгоном, и город Вологду взяли, и людей всяких посекали, и церкви Божия опоругали, и город и посады выжгли до основания... Воеводским нерадением и оплошством от города отъезжих караулов и сторожей на башнях и на остроге и на городской стене головы и сотников с стрельцами и у снаряду пушкарей и затинщиков не было; а были у ворот на карауле не многие люди и те не слышали, как литовские люди в город вошли, а

³ Ворами в то время называли изменников и предателей.

большие ворота были незамкнуты... А все, господа, делалось хмелем: пропили город Вологду воеводы».

Правда, уже помянутый выше вологжанин Вадим Дементьев в очерке «Вологда разгульная» пытается оправдать земляков: «Ну, во-первых, не воеводы, а один воевода Иван Одоевский. Во-вторых, город остался без ратных людей, посланных в Москву по призыву Пожарского и Минина. В-третьих, никто не ожидал нападения, оно произошло глубокой ночью, защищать город было некому».

Но вот дикую страсть к безудержным запоям – этого писатель не отрицает, рассказывает даже с гордостью:

«– Сколько там, говоришь, наши предки пили? – переспрашивает один другого. – Ну, день-два... А погуляй-ка несколько лет! В 1917 году в Вологде вышла книга под названием “Лежский фронт”, как веселился три года подряд Грязовецкий уезд. Столько в драках ребят перебили, на войне таких потерь у лежских не было».

Мало или много пили горожане? Что и с кем сравнивать?.. Вологодский священник отец Сергей (Непеин)... подсчитал: «Казенных винных лавок в Вологде одиннадцать и пять частных. Годовой расход вина по городу равняется 40–50 тысяч ведер. Попробуйте сами выпить ведро! А богатыри-вологжане не в один дых, но за год все-таки его опорожняли (водка тогда выпускалась 50-градусной). В городе как раз насчитывалось 50 тысяч жителей».

Это – первое десятилетие XX века. А далее гордость растет чудовищными темпами: «Еще один краевед, уже в советское время, воспел ЛВЗ⁴, который вырос из Казенного винного склада на Зеленом Лугу. Запущен он был в 1901 году одновременно с Великоустюжским ЛВЗ. Мощность первого – 360 000 декалитров, второго – 160 000 декалитров. Декалитр – это десять литров. Читайте! Краевед... показал рекордные темпы производства: от 383 162 декалитров в 1927 году до 2-х миллионов декалитров в 1967 году (40 миллионов поллитровок, не шутка!). В 5 раз возросла и производительность труда, в 57 раз расширился асортимент. Стахановскими темпами работали».

Далее Дементьев с ностальгическими нотками вспоминает о том, как пили вологжане, как вологодский губернатор Николай Подгорнов (1991–1996), будучи еще речным капитаном, упился вместе с командой и утопил баржу с водкой среди Кубенского озера, с тех пор это место – самое любимое у местных дайверов... Затем идет перечисление вологодских писателей – любителей неумеренной выпивки. Среди них –

⁴ Ликеро-водочный завод.

Николай Рубцов, Виктор Коротаяев, Александр Романов, Василий Оботуров, Владимир Шириков, Александр Грязев, Василий Белов...

«Застольные два десятилетия, которые мы пережили при Брежнев, стали единственной народной отрадой за весь XX век – времени бесконечных войн, революций, голода, репрессий, тяжелейшего труда, – тоскует о счастливом прошлом автор “Вологды разгульной”. – На вологодских предприятиях, в каждой уважающей себя конторе завелись в те годы комнаты отдыха, зальцы для приемов. Из них регулярно неслись тосты и здравицы в честь индустрии и сельского хозяйства, расцвета культуры и науки. В одном порыве раздавался грохот отставляемых стульев и звон рюмок и бокалов... Гуляли в поездах и на теплоходах, на речных берегах и на дачах, в новых благоустроенных квартирах и в дешевых ресторанах, в газетных редакциях и в мартиновских цехах, в профкомах и парткомах... Кругом лилось и пенилось, цвело и пахло.»

Неудивительно радостное восклицание Дементьева: «Какой же вологжанин не любит быстрых загулов!» Зато поражает неожиданный вывод в конце очерка: *«Вологодское пьянство, надо прямо сказать, – злой вымысел. Как и вологодский конвой»*. Логично, что тут скажешь...

Погнали наши городских...

Однако же, несмотря на всю иронию по поводу «злого вымысла», приходится согласиться с тем, что дело вовсе не в каком-то особом пристрастии к пьянству со стороны вологжан. Право же, алкогольными загулами и непотребством в России вряд ли возможно кого-нибудь удивить. Все Зауралье вплоть до Дальнего Востока с долгими зимами, с холодами за -40 и до -65°C , с полярными ночами и бескрайними безлюдными просторами тайги да тундры – куда более располагает к обильным возлияниям «огненной воды» во всех ее видах (от самогона и водки до чистого медицинского спирта), нежели любая вологодская глубинка. Да и в европейской части России Вологда – далеко не самая пьющая «губерния». Некоторые города Золотого кольца производят куда более яркое впечатление на туристов – особенно Ярославль и Владимир. Помню, еще в пору моего советского детства и юности родители, возвращаясь из путешествий на теплоходе по Волге, были потрясены чудовищным количеством вусмерть пьяных мужичков, которые валялись на улицах с раннего утра... То же самое отмечал и мой отец, возвращаясь из Владимирской области, где навещал своих дальних родственников. А отца удивить этим было ох как трудно...

Вологда как раз отличалась в лучшую сторону. Она считалась даже в некотором смысле интеллигентным городом. Интересны размышления Варлама Шаламова в «Четвертой Вологде»:

«...Вологда обращена духовно, а зачастую и физически, материально – к Западу, к обеим столицам – Петербургу и Москве – и тому, что стоит за этими столицами, Европе, Миру с большой буквы.

Эту третью Вологду в ее живом, реальном виде составляли всегда ссыльные... Именно ссыльные вносили в климат Вологды категорию будущего времени... Это будущее России в Вологде было уже настоящим в философских спорах кружков, диспутах, лекциях.

Вот эта устремленность на Запад и создает третью Вологду – Вологду ссыльных – бывших, сущих и будущих.

...Вологда была легкой ссылкой... В этой легкости – ссылка могла быть прервана в любой момент по заявлению ссыльного, да еще близость к столицам – ночь до Москвы, ночь до Питера, – создавалось для либеральных высших чиновников статистическое оправдание... Вологду не сравнивайте с Сибирью. Вологда – это Москва и Петербург».

Вологжане с гордостью напоминают, что именно их город Иоанн Грозный хотел сделать столицей России. Если бы только в Софийском кафедральном соборе на ногу самодержца не свалился кирпич, выпавший из ноги ангела в росписи церковного потолка. Не судьба...

Стало быть, не генетические последствия повального пьянства повлияли на вологодских конвоиров? Пожалуй, что не они. Или скажем так: это явно не основной аргумент. А что же тогда? Для начала заметим: многие исследователи и мемуаристы указывают на то, что стражники, конвоиры набирались не столько из самого города, сколько из глухих деревень. Бывший гулаговский сиделец, ростовский писатель Владимир Потапов поясняет в автобиографическом романе «Песня странника»: «... в лесной вологодской глубинке набирали парней с окаяющим говором для службы во внутренних войсках, оттуда конвоиры были самые лучшие, самые надежные». Ту же мысль встречаем и у Шаламова: «Вологда – это деревенское стяжательство и верная служба режиму». Именно – деревенское. В романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» писатель приводит расширенное художественное обоснование этого тезиса:

«– Я все хочу спросить у ты, сержант, – заговорил присевший возле печки на корточки Шорохов, незаметно проникший в тесный блиндаж со своим телефоном. – Давно хочу спросить, – многозначительно продолжал он. – Отчего это говорят: вологодский конвой шутить не любит?!

Финифатьев долго не отвечал, вроде бы и не слышал Шорохова. Всем как-то неловко сделалось – очень уж не к месту и не к делу был вопрос Шорохова.

– Битый ты мужик Шорохов, и мудер, а дурак! – печально выдохнул Финифатьев.

– Ты не виляй, не виляй!

– Како вилянье, когда таких, как ты, сторожишь? Мужик наш вологодский, да и всякий мужик, хлебушко и прокорм от веку в земле потом добывает. И не может он терпеть всякую вшивоту, хлеб трудовой крадущую...»

То есть на передний край выступает то, что Шаламов определил как «деревенское стяжательство», а вернее сказать – особый уклад крестьянской жизни. У деревенского мужика чувство собственности, особенно до начала коллективизации, было развито намного сильнее, нежели у городского пролетария, служащего, интеллигента. На селе быт всегда оставался более патриархальным, покушение на личное хозяйство или на общинную собственность издревле считалось страшным преступлением. Так, конокрадов не просто убивали, а забивали долго, мучительно истязая. Большевицкая теория «социально близких» власти уголовников крестьянину была столь же чужда, как крокодилу – комбикорм. Другими словами, одной из важных причин того, что вологодский конвой набирался в основном из деревенских парней, следует считать патриархальное чувство собственности и острое неприятие тех, кто на эту собственность покушается.

Кстати, именно на севере хозяйская, деловая хватка у селян была особо развита. Как отмечает Василий Оботуров в очерке «Земля дедов и отцов», *«северный крестьянин был заинтересован в результатах своего труда, – он не знал крепостной зависимости... Свободный труд воспитывал в человеке достоинство и уважение к себе. Не потому ли Иван Пушкарев, составивший “Описание Вологодской губернии”, пишет, что некоторые волости отличаются “благосостоянием крестьян и отличною постройкою”*». Вологодский крестьянин отличался зажиточностью: по деревням стояли просторные добротные избы-пятистенки — с летними горницами, нередко в два этажа. Отметим народное зодчество с тонким изяществом резьбы; одежда, скатерти, половики, полотенца славились особой красотой (вспомним знаменитые кружева).

В то же время Вологодский край считался изрядной глушью – в основном леса и болота. В первой половине XIX века пашня и сенокосы здесь занимали лишь одну тридцатую часть площади, остальное –

леса и болота. Прибавим суровость климата и бедность почв – и станет более понятно, в каких условиях формировался характер здешних селян. Пожалуй, именно патриархальность во всех смыслах является стержнем этого характера, мировосприятия.

Любопытно заметки пользователя Живого Журнала под ником *trigg*. Они так и называются – «Вологодский конвой шутить не любит»:

«Еще при царях отбирали в охрану эзков Петропавловской крепости только парней из глухих вологодских деревень. Они считались самыми исполнительными и безжалостными. Точно так же прославился вологодский конвой своей жестокостью и в годы сталинских репрессий, да и после вологодская пересылка отличалась своей традицией...

А отличались тем вологодские парни потому, что на Вологодчине домостроевские устои патриархальной семьи были наиболее крепки, строги и устойчивы, более всех других губерний Российской империи. Мужик, воспитанный в патриархальной вологодской семье, слушался всякого начальника беспрекословно и буквально. Еще в конце 70-х шастал я по вологодским лесам в лесоустроительной партии... В вологодских деревнях, куда мы заходили затариться продуктами, табаком и водкой (которой, кстати, как правило, не было в деревнях, и приходилось, как местным мужикам, затариваться тройным одеколоном), еще были живы старики, последние из могижан, хранившие традиции патриархальной семьи. А если кто не знает, то в патриархальной вологодской семье послушание главе семьи должно быть безоговорочным и беспрекословным. Именно в таком духе воспитывались все дети. Естественно, что вырастали образцовые подчиненные для всякого начальника. Традиционный вологодский мужик тех времен – это образцовый конвойный, исполнительный и бездушный. Конечно, не только вологодский, но и костромской, и самарский, и смоленский, и черниговский, и сибирский, и далее по списку. В конечном счете не в географии дело, а в воспитании. Просто на Вологодчине традиции патриархального воспитания были крепки и продержались дольше всего на территории России».

Думается, однако, что дело не столько в стойкости патриархальных традиций (возможно, и так, но утверждение спорное), сколько еще и в географическом расположении Вологды. С одной стороны, в царской России выбор вологжан для тюремной стражи Петропавловской крепости объяснялся близостью глухого крестьянского края к имперской столице – Санкт-Петербургу. То есть надежные, исполнительные деревенские парни тут же, под рукой, далеко ходить не надо. А в 20-е годы речь шла уже не о близости к Питеру, а об удобном перевалоч-

ном пункте по пути к Соловецким островам – единственному в ту пору советскому концентрационному лагерю. Это отмечает и Варлам Шаламов в своем антиромане «Вишера»: *«В 1929 году в Советском Союзе был только один лагерь — СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения»*. Как уже отмечалось, именно в пересыльной Вологде конвой менялся на «соловецкий». Как пишет тот же Шаламов: *«Соседи мои хвалили вагонных конвоиров. Это хороший конвой, московский. Вот примет лагерный, тот будет похуже»*.

Есть еще одна «составляющая»; ее, пожалуй, можно назвать даже «стержневой». По крайней мере, для 20–30-х годов прошлого века. Это – явное противостояние города и деревни, сельского и городского менталитета, которое в России остро ощущается и по сию пору. То же наблюдалось и в царской России. А уж в первые десятилетия Советской власти с ее подразверстками да коллективизацией глухая неприязнь села к городу проявилась особо отчетливо. До сих пор в народе популярна заливчатская присказка: «Погнали наши городских!» Презрительное отношение горожан к «лапотникам», «немытой деревенщине», с одной стороны, и извечное восприятие крестьянами «городских» как нахлебников, сидящих на шее у селян, заносчивых, «шибко умных» белоручек, с другой стороны, – кажутся неистребимым, вечным антагонизмом. Учитывая то, что в 20-е годы именно горожане составляли основной контингент и пополнение Соловков, можно утверждать, что набор конвоиров из вологодской деревенской глубинки являлся совершенно естественным. Власть вообще активно использовала такого рода социальную и национальную неприязнь, разобщенность при наборе на конвойную службу. Но об этом у нас еще будет время поговорить.

Наконец, известный нам пользователь *triggg* указывает еще на одну важную особенность – уровень грамотности и интеллектуального развития. Простому, малограмотному деревенскому парню с патриархальным воспитанием в духе беспрекословного подчинения старшим высокое продвижение на государственной службе не светило. Ему оставалось верное служение и четкая исполнительность:

«Система выстроена, отношения внутри традиционные, построены на принципе “я начальник – ты дурак”... Но человеческую суть и стремления не уничтожить ничем, даже раб имеет свое хоть и рабское, но человеческое достоинство... Надо тоже получить подтверждение того, что он является значительным и важным винтиком машины. Надо же почувствовать себя маленьким, но начальником, показать всем, что имеет не только рабскую покорность, но и силу и мужество, что имеет

значительную величину в системе власти. И потому единственным объектом, перед которым и над которым мент может показать и реализовать свою власть, – подконвойные... Все, появляется классический конвоир, готовый всегда и везде издеваться и гнобить всех, кто не из его конвоя. Подавляемое человеческое достоинство находит выход и разрядку в подавлении человеческого достоинства тех, на ком нет формы...»

Все это в определенной мере справедливо, однако касается не только «вологодского конвоя», но конвойной системы вообще. Действительно, у городских ребят всегда служба во внутренних («конвойных») войсках считалась делом «позорным». Так, пользователь под ником *constructo* вспоминает: *«У городских служить в ВВ было "в падло", тем более если он сам себя "пацаном" считает. У меня двое знакомых там служили: один по пьяни от "покупателей"⁵ убежать не смог, второй в райвоенкомате накосорезил: ему – или в ментовку свезем, или иди в ВВ...»* Ну да все равно попадали часто; лучшую книгу о нравах конвойных войск – «Зона» – написал Сергей Довлатов...

Деревенские парни с Вологодчины в глазах арестантской братии резко контрастировали с конвоирами из числа городских ребят (помните у Шаламова противопоставление «соловецкого» конвоя «доброму» московскому)? «Городские» считались среди арестантов «своими», из одной среды, понятными; с кем-то из них можно было даже договориться о мелких поблажках. Но вот в Вологде их сменяла хмурая, угрюмая «деревенщина». Она изначально подозрительно относилась к «преступному» городскому «отребью», к тому же конвоиров соответственным образом обрабатывали. Не факт, что вологжане действительно отличались дикой злобой и жестокостью. Скорее всего, они просто были образцовыми служаками, их нельзя было ни разжалобить, ни подкупить. В арестантах они видели именно отбросы общества, хитрых и злобных уголовников, за которыми нужен глаз да глаз. Понятно, что подконвойные отвечали своим охранникам той же монетой. Такие отношения были обречены на дальнейшее ужесточение.

Итак, подведем предварительный итог. Известность «вологодского конвоя» держится на нескольких «китах». Первый – географическое расположение Вологды как пересылки по пути из Центральной России в Соловецкие лагеря особого назначения (дореволюционное существование поговорок о «вологодском конвое» не находит под-

⁵ Представители военных частей, отбирающие на сборном пункте бойцов для своих подразделений.

тверждения). Второй: подбор в состав конвоя ребят из глухих вологодских деревень с патриархальными устоями (прежде всего – обычай беспрекословного подчинения старшим, исполнительности и почтения к верховной власти). Третий: использование властью неприязни деревенских жителей к городским, составлявшим преимущественный контингент лагерников. Пожалуй, именно эти три кита и создали недобрую славу «вологодскому конвою».

Разумеется, к сему можно присовокупить и стремление конвоиров компенсировать свое подневольное положение по отношению к собственному начальству строгостью и издевательством над «врагами народа» и уголовниками. А актриса Татьяна Окуневская в мемуарах «Татьянин день», говоря о своем пребывании в Вятлаге, отмечает и другие причины, которые, по ее мнению, формировали у «вологодских» озлобленность: *«Вохровцы почти всегда пьяные, даже на вахте... Говорят, что вологодский конвой – самый тупой и жестокий. А каким же им быть: звериная жизнь, хуже, чем в зоне. Грязный поселок, контингент женщин из тех, кто освободился или нет выезда отсюда. Они с ними сходятся, те их спаивают неизвестно чем, бывали случаи отравления, и так изо дня в день»*. Однако следует отметить, что подобные условия жизни были характерны не только для вологодского конвоя, но и для многих конвойных из других регионов.

«Молитва» вертухаев и «молитва» уркаганов

Есть такая мудрость народная: «Все мы под Богом ходим». Да только, видать, боги у начальничков и арестантов разные. Соответственно – разные и «молитвы».

Первая, «вертухайская» («не вэртухайсь!», то есть не вертись, не дергайся, было любимым присловьем лагерных служаков, которых особенно охотно набирали на Украине в «стране Хохляндии»), прямо связана в представлении сидельцев с вологодским конвоем. Об этом вспоминают многие лагерники. Вот что пишет историк Даниил Аль, пошедший вологодскую пересылку в конце 1940-х годов:

«Когда поезд отошел, нашу колонну повели на пустынную привокзальную улицу. Перед началом движения начальник конвоя, принявшего нас из “столыпина”, громко прокричал:

– А ну, тихо! Слушай объявление!

Тут я впервые и услышал фразу, которая, как оказалось, была в этих краях исключительно популярной и без конца повторялась и охранниками, и заключенными. Первыми – всерьез, вторыми – с насмешкой.

– Вологодский конвой шуток не понимает. Шаг вправо, шаг влево – считается побег. Открываю огонь без предупреждения! – сурово произнес начальник.

Десять лет спустя я вставил эти слова, чуть видоизменив их, в комедию “Опаснее врага”. Пьяница кочегар, “арестовавший” в котельной Института Кефира двух оказавшихся там научных сотрудников, предупреждает их: “Шаг вправо, шаг влево – считается побег. Бью по кумполу без предупреждения!” Тут он замахивался лопатой. Зал весело хохотал, на что я и рассчитывал. Хотелось осмеять страшные обстоятельства народного “быта” сталинских времен, которые, как в тот момент “оттепели” казалось, безвозвратно ушли в прошлое... Тогда, в Вологде, смеяться не хотелось. В голосе начальника конвоя звучала вполне реальная угроза. И никто, в первую очередь достаточно опытные в этапных делах воры, не сомневался, что угроза будет выполнена без всяких колебаний».

Именно это знаменитое предупреждение и называли в лагерях «молитвой». В мемуарах Аля, однако, приведен ее сокращенный вариант. Иная формулировка – у Майкла и Лидии Джекобсон в сборнике «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник»: «*“Вологодский конвой шутить не любит: шаг влево – агитация, шаг вправо – провокация, прыжок вверх – побег” – так заключенные перефразировали традиционное предупреждение конвоя, требовавшего подчинения (Записано от Виктора Полушина, 1937 г.р., в поселке Пернаты Пермской области в 1960 году)*».

Владимир Звездин в рассказе «Беглецы» называет подобную «молитву» девизом вологодского конвоя («самого строгого и надежно-го») и приводит ее в следующем виде: «*Вологодский конвой шуток не понимает, шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх, считаю побег. Без предупреждения стреляю*». Мой отец, прошедший ГУЛАГ и как сиделец (с 17 лет) и затем как охранник во время срочной службы (такое тоже бывало), вспоминал вариант «прыжок на месте – провокация», некоторые арестанты иронически передразнивали: «Прыжок на месте – попытка взлететь». Видимо, это – своеобразная вариация известной эковской шутки: «Внимание, конвой! Зэк, обпившийся чифира, подпрыгивает на пять метров!»

Впрочем, несмотря на то что «молитву»-предупреждение многие связывают с вологодским конвоем, скорее всего, это была стандартная формула конвоиров всего Советского Союза, даже там, где «вологодскими» и не пахло. Поэтому часто «молитву» приводят без всякой связки с вологодским конвоем, зато с разнообразными подробностями

ми, видимо, в зависимости от изобретательности и фантазии местной охраны. Например, у Жака Росси в «Справочнике по ГУЛАГу»: *«Внимание, заключенные! В пути следования не растягиваться, не разговаривать, с земли ничего не подымать. Шаг влево, шаг вправо считается побегом. Конвой стреляет без предупреждения»*. Росси, правда, отмечает, что обычно текст сокращают, начиная со слов *«шаг влево, шаг вправо»* и т.д.

У Александра Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«Начальник караула прочел ежедневную надоевшую арестантскую “молитву”:

– Внимание, заключенные! В ходу следования соблюдать строгий порядок колонны! Не растягиваться. Не набегать, из пятерки в пятерку не переходить, не разговаривать, по сторонам не оглядываться, руки держать только назад! Шаг влево, шаг вправо считается побег, конвой стреляет без предупреждения!»

Екатерина Матвеева в «Истории одной зечки» приводит одновременно и вертухайскую «молитву», и эзковскую «дразнилку» – опять-таки без привязки к конвоирам из Вологды:

«Все замолкли, и даже собаки перестали брехать и чесаться.

– Построиться! Разобраться пятерками! Стоять смирно! Прекратить разговоры! Шаг вправо, шаг влево считаю попыткой к побегу, – тут он сделал паузу и оглядел строй зечек, давая им время осмыслить услышанное, затем, еще возвысив голос, добавил: – Стрелять буду без предупреждения. Ясно?

– Шаг вправо – агитация, шаг влево – провокация, прыжок вверх – пропаганда, удар попой об дорогу – побег. Стреляю без предупреждения, – передразнила его Муха, как только он отошел подальше».

Валерий Фрид в повести «58 с половиной, или Записки лагерного придурка» уточняет: *«В конце молитвы вместо "аминь" звучало: – Ясно? В ответ колонна хором должна была орать: – Ясно!»*

Точно так же, став «продуктом распада», обрела самостоятельность и поговорка *«Вологодский конвой шуток не понимает (или – не принимает, не знает)»*. Валерий Фрид вспоминал: *«Этапов з/к з/к не любят и боятся, о чем свидетельствует и лагерный фольклор: "Вологодский конвой шуток не принимает"»*. Феликс Серебров воспроизводит присказку несколько иначе: *«Это и был Ветлаг. И восемь километров с собаками, со всеми прелестями. Тогда первый раз я вкусил, что такое конвой, и что вологодский конвой шуток не знает»*. В стихах репрессированного поэта Серго Лиминадзе есть такие строки:

Две баржи на Север плывут,
На север от бухты Находка.
Воды нам давно не дают
И кормят одною селедкой.
А трюм, как могила, сырой,
Бушлат деревянный не греет,
А наш вологодский конвой,
Он шуток шутить не умеет.

У «вологодской молитвы» об отсутствии юмора у конвоиров появились и другие продолжения, заменявшие знаменитое «шаг вправо, шаг влево». Одно из них приводит Владимир Звездин: *«Пуля не догоняет, собаку спускаю, собака не догоняет, сапоги снимаю, сам догоняю»*. Владимир Потапов в «Песне странника» дает расширенный вариант: *«Бежать будешь – пуля догонит; пуля не догонит – собаку спушу; собака не догонит – сам лапти скину; ну, а уж сам не догоню – хрен с тобой, беги!»*

Тот же Потапов вспоминает и более редкое продолжение присказки: *«Вологодский конвой шутить не любит! Грязь, говно – ложись все равно!»* Причем любопытнейший факт! Неожиданное подтверждение справедливости этого присловья я встретил у Виктора Астафьева в его заметках «Тающая льдина (метаморфозы писателя-почвенника)». Виктор Петрович поведал характерный эпизод: *«Ты ведь знаешь, я в Вологде жил 15 лет? И приезжает ко мне друг-однопольчанин, хочет по улицам побродить, посмотреть знаменитый вологодский конвой... Друг мой возвращается и говорит: "Изобретательные, суки! Если в строю кто не в ногу пойдет или заговорит – сразу всех положат. Но не на сухом месте, а нарочно так выберут, чтобы в лужу". Это по-нашему!»*

Но была и другая «молитва», которая не имела отношения к этапированию. Обычно ее называют «воровской». Вообще-то она достойна отдельного рассказа, но в рамках нашего очерка «молитва» эта интересна тем, что в ней тоже упоминается вологодский конвой в ряду других мучений, выпадающих на долю заключенного. «Воровская молитва» часто воспроизводится вкратце на теле арестанта в виде наколки или наносится на расписные носовые платки – «марочки», которые «сидельцы» дарят на память своим корешам. Вот примерный текст:

О Господи!
Спаси меня, грешного,

от порядка здешнего,
от этапа дальнего,
от шмона капитального,
от забора высокого,
от прокурора жестокого,
от тюремных ключников,
от стальных наручников,
от моря Охотского,
от конвоя вологодского,
от кирки-лопатушки,
от земли-матушки,
от лесоповала,
от холодного подвала,
от работы физической,
от морали политической,
от пайки-недовеса,
от хозяина-беса,
от отрядного-рогоноса,
от кума-хуесоса,
от короткой стрижки
и защиты от вышки.
Аминь.

Подобного рода «молитва» имеет корни в русском фольклоре, в традиционных заговорах, а также в разных пародийных оберегах. Например, Наум Синдаловский в исследовании «Петербург в фольклоре» приводит в качестве примера следующий:

«Каждым извозчиком руководило желание обогнать, выделиться, понравиться клиенту. Заклинание: “Спаси, господи, от седока лихого и изверга-городового”, которое ежеутренне, как спасительную молитву, повторяли про себя ямщики, выезжая на городские улицы, подхватило население, вспоминая его каждый раз, выходя из дома».

Азиатское лицо Вологодчины

И все же, рискуя навлечь на себя недовольство многих читателей, попытаюсь сказать и несколько слов в защиту вологжан. Возможно, именно они первоначально заслужили аттестацию особо злобных «псов» конвойных. Но далее, по свидетельству ряда источников, негативное определение «вологодский конвой» сидельцы перенесли вообще на любых охранников, которые отличались лютостью и бесчело-

вечностью. Альвина Шашкина в исследовании о Ванинской пересылке, например, пишет: *«Ехали в вагонах с решетками, в Комсомольске состав принял вологодский конвой: "Вологодский конвой шутить не любит"»*. Честно говоря, есть большие сомнения в том, что в Комсомольске-на-Амуре заключенные попадали под охрану именно вологодского конвоя. Скорее всего, речь идет вообще о злобных конвоирах.

Заметим к слову, что в гулаговские времена подобную «каинову печать» арестанты ставили не только на вологжан. Лев Копелев в мемуарах «Хранить вечно» (первые послевоенные годы) описывает случай, когда конвоиры вели арестантов по улице: *«С тротуаров глядели вольные люди – большинство безразлично, равнодушно, реже – сочувственно, еще реже – враждебно... Мальчишка, шагавший в шеренге передо мною, метнул письмо – бумажный треугольник в кучу парней, стоявших на перекрестке. Я заметил, как один из них наступил на письмо. Конвоиры заорали: "Кто бросил? Кто поднял? Отдавай, твою мать!..". лейтенант бежал, размахивая пистолетом, к тротуару. Мальчишку заметили. Потом в тюрьме его уволокли в карцер. Слышны были истошные вопли. Кто-то сказал: "горьковские вертухаи – волки, умеют калечить"»*.

А совсем недавно на одном из сайтов некая «мурена» делилась впечатлениями: *«Да, вот где деньги не помешают, так это в столыпиние. Правда, раз попала с воронежским конвоем, у них эта тема не канала. Еще и черемухой травили за то, что в туалет просили вывести»*.

Так что и у Вологды имелись в конвойном мире «конкуренты». К тому же в «Крутом маршруте» Евгении Гинзбург встречаем неожиданную и в некотором роде даже шокирующую характеристику церберовохранников с Вологодчины: *«Тороплю Кольку Вологодского. Вологодский конвой вообще самый лучший, это общеизвестно. Не сравнить же его с украинским или ташкентским. Так что если начну совсем падать с ног, то Коля и отдохнуть разрешит, парень славный...»* Вот оно как, оказывается! Ну, по поводу общеизвестности бывшая лагерница несколько преувеличила. Мы как раз успели убедиться совершенно в иной «общеизвестности». В который раз обратимся к тому же Астафьеву (что поделать, писатель авторитетный, да и на Вологодчине немало прожил): *«Поговорку "Вологодский конвой шутить не любит!" вся Россия знала. А ведь и киргизы охраняли, и казахи, и не так уж много русских было во внутренних войсках. Однако ж вологодский конвой!»*

Стоп! А вот с этого места давайте подробнее. Действительно, власть советская умело использовала межэтническую неприязнь и подозре-

тельность в многонациональном СССР. Справедливо замечено: в «конвойные войска» на территории тогдашней РСФСР (то есть Российской Советской Социалистической Республики, в отличие от республик национальных) и впрямь значительная часть военнослужащих набиралась из так называемых «национальных окраин»: Средняя Азия, Кавказ, Закавказье, примкнувшая к ним Украина... В то же время внутренние войска на территории этих республик активно пополнялись чистопородными «руссаками». В «чужого» и стрелять легче, и врезать ему при случае можно жестче. Политика эта активно практиковалась в довоенном, а особенно в послевоенном ГУЛАГе. Валерий Фрид вспоминает: *«Этапов з/к з/к не любят и боятся, о чем свидетельствует и лагерный фольклор: "Моя твоя не понимай, твоя беги, моя стреляй" (это о среднеазиатах, якобы отличавшихся особой жестокостью)»*. Он же вспоминает блатную переделку казачьей песни «Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется»:

А для меня – народный суд.
Осудят сроком на три года,
Придет конвой, придет жестокий,
И отведут меня в тюрьму.

А из тюрьмы большой этап.
Угонят в дальнюю сторонку.
Свяжусь с конвоем азиатским,
Побег и пуля ждут меня...

Пользователь под ником *constructo*, на которого мы уже ссылались, сообщает: *«У нас зону в городе охраняли исключительно "нерусские". Дембеля ихние красные погоны снимали, когда домой ехали»*. Александр Широбоков в записках о современной туркменской тюрьме («Стена») отмечает туркменский аналог «вологодского конвоя» – «ташаузский конвой»: *«Ты, Бяшим-ага, не задумывался? Почему конвойные солдаты – все ташаузские? А я отвечаю: все они злые, как овчарки, натасканные на нас»*. Ташауз (Дашоуз, Дашховуз) – город в Туркменистане, областной центр. Почему конвойные из этой области злые, как овчарки, того не ведаю (как говорится, «мы не местные»). Возможно, какой-нибудь туркменский исследователь посвятит этой теме особый очерк. Мы же вернемся к конвою вологодскому – хотя опять же в непосредственной связи с «нацменами».

Важное свидетельство дает бывший советский осужденный, поэт Леонид Барановский. На сайте «Поэзия.ру» он разместил стихотворение «Это я, подлый зэк», которое есть смысл процитировать:

Это я, подлый зэк и, по сути,
подлый зэк – переполненный бред.
А конвой вологодский не шутит –
у него и шутилок-то нет,

а положенное по уставу –
это все поражения для...
Никогда тот конвой не устанет
поражать этих гадинов, бя.

Вот листочек из книжки – икона ж.
Поистерлась по шмонам, увы.
Что ты зыркаешь, сучий ментеныш,
лучше я уж помру меж братвы.

Твой Аллах подберет арестанта,
не объедет тебя «на кривой»,
ты застрелишь и с лычкой сержанта
честно тронешься в отпуск домой.

По ночам Халима ли, Зулейка
станут воинский зуд ублажать.
Так что ты ни о чем не жалея-ка,
а стаканчик кумыса налей-ка
и готовься стрелять и стрелять,
хоть в жену, хоть в ребенка, хоть в мать.

Один из читателей, Владимир Прокопенко, в обсуждении заметил: «Леонид, стихотворение впечатляет, но несколько неожиданно: "конвой вологодский не шутит" (вроде бы – славяне?), а потом "Халима ли, Зулейка". Или я не так понял?» Следует ответ Барановского:

«Владимир, тут все просто. Не знаю, как сейчас, а в бытность мою (мне довелось общаться со многими конвоями, и с вологодским в том числе, с 1969 года по 88-й, т.е. почти 20 лет), так вот, в те приснопамятные времена во внутренние войска (ВВ) набирали из сельской местности пацанов (подавляющее большинство), не брали "шибко гра-

мотных", ко всему еще (эта политика проводилась неукоснительно) процентов 70, может, больше новобранцев пригоняли из азиатских республик и кавказских. Причем слали пацанов как можно дальше от дома. По-русски говорили они едва-едва... Ну тут можно долго писать, это все уже описано и не раз.

Вот и выходило, что вологодский конвой состоял напрочь из киргизов, казаков, калмыков... Хуже вологодского конвоя я в "столыпинных" не встречал. И "вологодский конвой шуток не любит" – фраза, не придуманная подлыми зэками. Начальник конвоя так этап и встречал: "Шаг вправо, шаг влево, прыжок вверх – попытка к бегству, стреляем без предупреждения"».

Потрясающе... То есть на самом деле в 1960-е годы и ранее «вологодский конвой» по преимуществу состоял вовсе не из вологжан! Псевдовологодские конвоиры и по-русски, оказывается, плохо понимали.

А для «казиатов» предназначались как раз иные конвоиры. Сенавер Кадыров в сборнике «Тюремный мир глазами политзаключенных» вспоминает примерно о тех же временах, что и Барановский – но места другие: *«Новосибирский конвой к этому времени был уже известный конвой. Представь: "Столыпин" идет по казахстанским степям, где жара невыносимая – они закрывают окна. Выехали за Казахстан, это Алтайский край уже, там Барнаул и так далее, немного похолодало – наоборот, открывают окна. Воды в Казахстане не дают, в туалет выводят бегом».*

Есть и другая специфика в регионах – например, конфессиональная. На Северном Кавказе особо строгим и жестоким считается осетинский конвой, сопровождающий кавказцев-мусульман. Такой конвой набирают из осетин-христиан (осетины – единственная отчасти христианская национальность на Северном Кавказе). Интересно, что полковника Буданова, задушившего чеченскую 18-летнюю девушку Эльзу Кунгаеву, из Чечни в Ростов сопровождал осетинский конвой.

Но встречались на советских просторах и более вменяемые охранники. Так, анонимный автор рукописных мемуаров «Рай для блаженных», описывая события 70-х годов прошлого века, повествует об одном из них: *«...Этот конвой более деловой и общительный – литовцы, одним словом, Запад. С ними легко, ибо они понимают. Они сразу, едва мы тронулись, подходили к каждому купе и предлагали на выбор: чай, водку, одеколон или девочек. Арестанты засуетились, послышался веселый разговор, запахло радостью и спокойствием... Словом, этот этап нашего турне прошел очень весело».*

Так что конвои бывают всякие...

«Руки на кОпОт!»

И все-таки известность вологодского конвоя сохраняется и поныне – причем уже даже в творческой переработке.

Так, эту сомнительную славу помогает удержать знаменитый «вологодский пятак», он же «остров Огненный» – бывшая колония ОЕ-256/5. Это учреждение имеет давнюю и богатую историю. Многие здания возведены еще в XVI веке, когда здесь располагался монастырь. После 1917 года монастырь стал концлагерем для «врагов народа», а с 1963-го – «особняком» (колонией особого режима). Обывателю «пятак» более известен по фильму «Калина красная»: именно отсюда выходил на волю герой Шукшина Егор Прокудин. В начале 1994 года «особняк» пережил очередную метаморфозу: приказом МВД РФ он был перепрофилирован в колонию специального вида режима для лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы.

С тех пор «пятак» – одна из самых жутких «зон» страны. В свое время это отметили даже коллеги вологжан из Свердловской области, где существует такая же колония для пожизненно осужденных. Заместитель начальника колонии Н-240 Алексей Детков после посещения колонии в Белозерском районе заметил:

– На мой взгляд, некоторые из мер являются явно избыточными. Например, запрещение осужденным в течение дня ложиться на кровати, запрет пользоваться телевизорами в камерах. В нашем учреждении такие возможности для осужденных есть. Потому и атмосфера менее напряженная, осужденные гораздо легче идут на человеческий контакт.

Ради справедливости стоит отметить: с тех пор на «пятаке» многое изменилось и правила стали более гуманными. Однако все же сотрудники «бессрочки», по мнению многих, кто с ними встречался, отличаются предельной жесткостью и строгостью по отношению к «пыжам» (так на жаргоне называют пожизненно заключенных).

Зная уголовные биографии каждого из своих подопечных – с горами трупов, садизмом, зверствами и даже людоедством, – офицеры и прапорщики за глаза (а нередко и в глаза) называют этих людей шакалами. В возможность изменения к лучшему звериной сущности убийц сотрудники не верят. Из своей практики они сделали вывод: вся эта мразь ни на минуту не сожалеет о содеянном, не мучается и не раскаивается.

Но одним островом Огненным традиции вологодского конвоя не заканчиваются. Сегодня наряду с известной присказкой «вОлОгОдский кОнвОй шутить не любит» по стране кочует ее иронический аналог: «вОлОгОдский ОМОН, руки на кОпОт!» – с нарочитым акцентом на

знаменитое «оканье». Поговорка эта становится жутко популярной. Ее происхождение пояснил в своем блоге ЖЖ Олег Матвейчев:

«Вспомнил байку из выборного прошлого.

Произошла эта история с Андреем Болдыревым. Он работал тогда в отдаленном районе Вологодской области, в таком далеком, что там все разговаривали с волОгОдским акцентом.

Про те места есть известная история: «Отец Онурфрий, Обходя Окрестности Онежского Озера, Обнаружил Обнаженную Ольгу»... И так далее, все на О.

Поехал как-то Андрей в Вологду по делам. дорога ночная, мрачная, туманная. Впереди идет колонна лесовозов. Ну, Андрей пристроился за ними и едет тихонечко.

Вдруг лесовозы встали; оказывается, они везли ворованный лес и милиция их поймала, ну а Андрея посчитали " машиной сопровождения" – хозяином украденного леса.

Он не подозревает, стоит. И тут на него валится куча автоматчиков в камуфляже и масках и неподражаемый северо-русский акцент орет: – волОгОдский ОМОН, руки на КОпОт, ОтмОрОзки!!!!

С тех пор фраза стала крылатой в политехнологических кругах...»

Так что вологодский губернатор может быть доволен: знаменитый бренд, как олимпийский факел, бережно передается из поколения в поколение.

Знаменитые тюрьмы и знаменитые арестанты

Фуке и д'Артаньян в роли полицейского

Молодой король Людовик XIV очень нуждался в деньгах. И не только для того, чтобы построить Версаль. А его суперинтендант финансов Николя Фуке буквально купался в роскоши. Это неправильно. И 5 сентября 1661 года король приказывает д'Артаньяну арестовать своего главного казначея.

Представим, что президент Франсуа Олланд приказывает шефу парижской полиции Кристиану Флэшу арестовать министра финансов Пьера Московичи, чтобы улучшить свое личное благосостояние. Представили? Примерно так же все были шокированы, когда Король-Солнце отправил д'Артаньяна арестовать Фуке. Разница только в том, что нынешний министр финансов пока еще ни в чем не признан виновным, тогда как суперинтендант Фуке, и это было известно всем, воровал безбожно. Приступив к управлению государством, молодой Людовик напрасно пытается хоть как-то образумить Фуке, но тот глух ко всему. К огорчению короля, он продолжает воровать из казны огромные суммы, в то время как Людовик сам нуждается в деньгах. Король рассчитывает значительно расширить Версаль, который начал строить еще его отец – Людовик XIII. Одна Зеркальная галерея чего стоит! Миллионы крестьян должны исходить потом на полях, чтобы оплатить ее стоимость! А любовницы? Они же все хотят царских подарков. Короче, финансами королевства должен распоряжаться он сам, а не делить их с кем-то там еще. Король он или не король?

В общем, 23-летний Людовик решает убрать Фуке, тем более что кардинал Мазарини, покровитель суперинтенданта, умер. Но молодой король и сам уже понаторел в интригах. В течение нескольких месяцев Людовик готовит удар, а если точнее – с мая 1661 года. В письменных инструкциях, которые спустя несколько десятилетий король при-

готовит для своего наследника, он вспомнит Фуке: «Он не смог остановиться и прекратить чрезмерно тратить деньги из казны, укреплять замки, украшать дворцы, плести интриги и заводить друзей, осыпая их подарками. И все это за мой счет, надеясь стать абсолютно независимым в моем государстве». Людовик больше всего боялся, что в один прекрасный день министр полностью подчинит себе короля. Не для этого ли Фуке сблизился с группой святош, которые несколько лет назад пытались его – короля! – отравить? Короче, когда Людовик принимает предложение Фуке присутствовать на феерическом празднике, организованном 17 августа 1661 года в замке Во-ле-Виконт, ставки уже давно сделаны. Королевское присутствие на празднике должно лишь усыпить бдительность суперинтенданта.

Еще несколько недель назад король дал понять Фуке, что было бы неплохо, если бы тот продал еще одну свою должность – генерального прокурора, а вырученные деньги пошли бы в королевскую казну. Ясно, в чем заключалась хитрость Людовика: генеральный прокурор был подотчетен лишь парижскому парламенту. И эта должность принадлежит Фуке! Когда министра все-таки арестуют, Людовик устроит специальный суд, подотчетный только ему, и никому более. Никакого Парламента! Суперинтендант колеблется, но не решается отказать королю в продаже должности.

Второй маневр Людовика состоял в следующем: во время заседания королевского совета он требует упразднить «кассовые ордера», используемые Фуке, чтобы покрывать свои секретные расходы, которые, лишь Господь знает, какими суммами исчисляются. «Я что, уже больше никто?!» – кричит Фуке, слыша требование короля. Но опять уступает. Теперь суперинтендант начинает понимать, что находится под прицелом. Некоторые из его друзей советуют бежать. Однако, как та лягушка из басни его друга Лафонтена, Фуке продолжает надуваться от собственной значимости, полагая, что ему нечего бояться. Вплоть до того самого фантастического приема в замке Во-ле-Виконт, во время которого король прикажет его арестовать. Королева-мать Анна Австрийская отговаривает Людовика, утверждая, что это недостойно монарха. Тогда молодой король переносит дату своего удара на 5 сентября 1661 года, когда в Нанте будет заседать королевский совет. Он отправляет туда Фуке, которому ничего не остается, кроме как подчиниться приказу. Он едет в Нант, несмотря на то что болен малярией.

Однако Фуке предпринимает некоторые меры предосторожности – останавливается в доме, из которого подземный ход ведет к реке Луаре. Это на случай, если его вдруг решатся арестовать. Он сможет тогда

на лодке достичь острова Бель-Иль, который принадлежит ему, а о его укреплении он позаботился заранее. 4 сентября Людовик располагается в Нантском замке. Король вдали от любопытных глаз готовит необходимые для ареста суперинтенданта документы. Он рассчитывает арестовать его завтра, после окончания заседания королевского совета. Кто же произведет арест? Людовик не доверяет капитану своих гвардейцев, большому другу Фуке, поэтому выбор падает на д'Артаньяна, лейтенанта королевских мушкетеров. Он вызывает его к себе, мило беседует с ним ни о чем, чтобы обмануть придворных, среди которых много шпионов Фуке, затем, улучив момент, под безобидным предлогом приглашает д'Артаньяна в свой кабинет. Уже в кабинете он посвящает мушкетера в свои планы, объясняет, в чем будет состоять его миссия, и приказывает хранить все в строжайшем секрете.

На следующее утро, в 7 часов, Фуке отправляется на королевский совет, не обращая внимания на королевских мушкетеров. Он полагает, что их вызвали для участия в последующей за советом охоте. К 11 часам король заканчивает заседание. Вот как Людовик описывает эти события в письме, отправленном в тот же день Анне Австрийской: «Этим утром суперинтендант, как и положено, прибыл поработать со мной, я ему говорил то об одном, то о другом, он делал вид, что ищет какие-то бумаги. В окно я увидел, что во дворе замка появился д'Артаньян. Тут же я отпустил суперинтенданта, который побеседовав недолго внизу лестницы с Фейядом, а затем, поприветствовав Ле Тейе, куда-то пропал; так что бедный д'Артаньян уже думал, что потерял его. Он даже послал ко мне Мопертиуса рассказать, что подозревает, будто кто-то предупредил Фуке и предложил ему спастись; но около полудня д'Артаньян задержал его на площади у собора и арестовал от моего имени». Фуке даже не стал защищаться. Все прошло тихо и спокойно.

А вот судебный процесс проходил не совсем так, как хотелось королю. Судьям не понравилось, что молодой монарх оказывает на них давление, требуя для Фуке смертной казни. «Суд принимает решения, а не оказывает услуги», – резко заявил, например, судья д'Ормессон. Судебное разбирательство длилось три года. Фуке конечно же был признан виновным в растрате, но только девять судей из двадцати проголосовали за смертную казнь. Обвиняемый был приговорен к изгнанию из королевства и к конфискации всего имущества. Разъяренный Людовик XIV осмеливается сделать то, на что до него не осмеливался ни один французский король: он исползует свое право на помилование, чтобы... ужесточить наказание! Людовик заменяет изгнание на пожизненное заключение. Шестнадцать последних лет жизни Фуке проведет за ре-

шеткой в замке Пиньероль. Избавившись от суперинтенданта, Король-Солнце может теперь использовать все финансы Франции по собственному усмотрению, оставив после своей смерти в 1715 году страну полностью разоренной. Другие времена, другие нравы...

После штурма Бастилии распродали на сувениры

Бастилия существовала четыре столетия. А затем, после ее взятия восставшими парижанами, эта знаменитая тюрьма, ставшая символом королевского деспотизма, в которой содержались маркиз де Сад и Железная Маска, была разобрана и распродана предпринимателем по фамилии Паллуа.

Архивные документы говорят о том, что окончательно Бастилию сравняли с землей 21 мая 1791 года, то есть спустя 22 месяца после ее взятия парижским людом. Итак, эта старая и недостойная «дама» приказала долго жить после своего более чем четырехвекового существования. Символа королевского деспотизма больше нет. Да здравствует Республика! А по другим источникам, это самое знаменитое французское пенитенциарное учреждение к указанной дате еще не полностью было разрушено. Ну да, Бог с ней – с точной датой, поговорим лучше о человеке, который стер эту тюрьму с лица Парижа. Знакомьтесь: Пьер-Франсуа Паллуа. Сын парижского виноторговца, ему 34 года, он – архитектор-предприниматель и горячий патриот. Он утверждает, что и сам участвовал во взятии Бастилии. Когда 16 июля Конвент решает, что «Бастилия должна быть разрушена до основания в ближайшее же время», Паллуа немедленно предлагает свою кандидатуру. Он изо всех сил желает получить этот контракт. Для этого он уговаривает буквально каждого депутата. Его пыл и активность вознаграждены. В тот же день его назначают подрядчиком.

Рабочую силу искать нет никакой необходимости – вокруг полно безработных парижан. Тысячи кандидатов стекаются со всех районов Парижа и его предместий. Они готовы чуть ли не драться, чтобы получить почетное место разрушителя Бастилии. Но главное, конечно, это оплата. Паллуа нанимает тысячу чернорабочих и нескольких мастеров. Получается, что Бастилию берут штурмом во второй раз. Здесь находится грандиозная строительная площадка, которая притягивает к себе тысячи парижан. Наверное, это зрелище было более впечатляющее, чем столетия спустя строительство туннеля под Ла-Маншем. Одновременно эта площадь становится местом для прогулок. Каждый день сотни и сотни любопытных, среди которых немало и иностранных туристов, приходят потолкаться среди рабочих, не рискуя, одна-

ко, здороваться с ними за руку. Это же такая привилегия – бросить камнем в вечность. Один английский турист по фамилии Томас Кларксон пишет: «Я не видел ни одного человека – мужчину или женщину, – которые не почувствовали бы себя удовлетворенными, бросив один или несколько камешков в это ненавистное здание».

Поначалу Паллуа плохо удается контролировать своих рабочих, которые, вместо того чтобы разбирать тюрьму, предпочитают за несколько монет пускать любопытных осмотреть подземные темницы. Есть и такие, кто подбирает все что можно, чтобы затем продать как сувениры. А сколько появилось фальшивок! Париж попросту наводнен десятками доспехов, якобы найденных в подземельях Бастилии. Но как бы то ни было, уже через несколько месяцев крепость постепенно становится ниже, как бы падает на колени, а затем и сдается. Ее останки Паллуа перепродает различным торговцам. Часть материалов идет на строительство моста Согласия.

Наблюдая за посетителями, которые норовят утащить кто кусок дерева, кто камень, кто еще что-нибудь, Паллуа буквально трансформирует стройку в фабрику по производству сувениров. Из железных цепей, которых было полно в крепости, он делает сотни сувенирных медалей. Металл, дерево, камень – все это служит для производства чернильниц, пресс-папье, медальонов, бюстов и бонбоньерок, на которых изображается Бастилия. Подобные сувениры расхватываются как горячие пирожки. Паллуа даже высекает из кусочков мрамора домино, которое дарит сыну казненного Людовика XVI.

Однако самая захватывающая и оригинальная идея Паллуа состоит в том, чтобы из камней Бастилии сделать копии крепости и любезно преподнести их каждому из районов Парижа и восьмидесяти трем только что образованным департаментам, чтобы «увековечить весь ужас деспотизма». Идея имеет грандиозный успех, даже самые маленькие районы требуют, чтобы им сделали копию. Весь этот объем работы невозможно выполнить, поэтому Паллуа просто высылает обломки камней с высеченными на них цитатами из Декларации прав человека.

11 марта 1792 года подрядчик публикует свои счета: разрушение Бастилии обошлось ему в 800 000 ливров. Эта гигантская по тем временам сумма дает основания подозревать Паллуа в личном обогащении. Но проведенный аудит, очень, кстати, формальный, ничего криминального не выявил: оказалось, что сам Паллуа не получал никакой оплаты.

В течение многих лет место, где располагалась Бастилия, остается огромным, незастроенным пустырем, где зимой – по колено грязи, а

летом – по колено пыли. В 1793 году здесь строят первый колоссальный фонтан из гипса, изображающий собой сидящую на цоколе египетскую богиню Изиду. Вода льется из ее груди. Фонтан является символом возрождения. В 1808 году при Наполеоне обсуждается вопрос о строительстве еще одного безвкусного фонтана, представляющего собой монументального слона, из хобота которого струится вода. Наполеон горячо поддерживает проект: «Я полагаю, – говорит он, – что слон должен быть таким прекрасным и таких размеров, чтобы можно было свободно подняться в башенку, которую необходимо установить у него на спине». В конце концов лишь макет, сделанный из дерева и гипса, высотой 24 метра, был установлен неподалеку от нынешней Оперы. Этот макет стал настоящим крысиным гнездом, а Виктор Гюго поселил в нем своего Гавроша.

Составил и перевел Юрий Александров

Тайны Конторы Глубокого Бурения

«Армянский» побег

Помню весну 1980 года, начало моих «колючих университетов». Именно в это время ушли с Богатыновского централа (следственного изолятора № 1 города Ростова-папы) три узника. Красиво ушли, и в узких кругах прогрессивной тюремной общественности это мероприятие получило название «армянского побега».

Почему армянского? Да потому, что в центре событий была фигура некоего Мкртчана (не путать с покойным Фрунзиком!). Хотя, ежели рассудить, из всей сквозанувшей троицы мозговым центром и движущей силой по всем раскладам должен бы считаться домушник Кручинкин. Мкртчан же вообще был в компании беглецов «номер шестнадцатый» – фигура на задворках.

Кручинкин по уголовной специальности «слесарь», то есть вор высокой квалификации, проникающий в любое помещение, используя отмычки. Впрочем, открыть он мог не только дверь, но и все, что в состоянии замыкаться. За колючку «народный умелец» попадал уже не раз и считался серьезным «рецидивом» (рецидивистом).

Второй участник истории, Брадилов, сиделец невысокого полета – не то мелкий разбойник типа гоп-стопника (уличный грабеж на испуг), не то обычный «баклан», осужденный за хулиганство. Сам же Мкртчан хотя и отбывал срок за какую-то шитую ему белыми нитками уголовщину, на самом деле был «политиком», одним из лидеров армянских националистов, которого «повязали» не без активного участия бравых чекистов из Конторы Глубокого Бурения.

Правда, очень скоро что-то там в Закавказье не заладилось: то ли изъятие Мкртчана нарушило равновесие между армянскими и азербайджанскими националистами, то ли произошла еще какая-то суровая «замутка»... Только где-то в недрах Лубянки было решено неле-

гально вернуть лихого дашнака на историческую родину и восстановить баланс сил. А для этой цели необходимо было выдернуть Мкртчана из ростовской «крытки».

Но прояснилось все это, как говорится, глубоко потом. А тогда, в восьмидесятом, ростовским тюремным операм эта история представлялась более чем странной. Какой неведомой силе удалось – всего на одни сутки! – свести троицу Мкртчан-Кручинкин-Брадииков в отдельной камере на спец? «Спец» – значит элитная «хата». Такие камеры предназначаются для арестантов особого сорта, «избранных» – тех же «политиков», сектантов, «маслокрадов», проходящих по громким делам о хищениях, либо для тех, кого надо спасти от расправы «сидельцев» (в том числе для самих ментов, которые совершили преступления и находятся под следствием). Ну ладно, Мкртчан – но вот прошлое жулье под эту категорию никак не «катило». Оно должно было тусоваться на «общак», то есть в общей камере.

А что такое «общак» в начале 80-х – этого представить нельзя, это можно только ощутить. Сейчас жалуются на переполненные СИЗО. Смешные люди! В те блаженные времена, о которых идет речь, «хата», рассчитанная на 25 человек, легко вмещала по 120 «сидельцев». Ну, не то чтобы легко: последних вбивали пинками и еле затворяли дверь. Народ стоял стоймя. Нары – только членам профсоюза (блатного, разумеется). Духан такой – в лютый мороз потели, аки в русской бане. Когда позже рулить «кичманом» стал «хозяин» Стас Овчинников, при нем проложили воздуховоды и стали откачивать гнилой воздух. Несмотря на то, что мощные насосы выбрасывали всю эту пакость метров на пять вверх, при сильном боковом ветре она шла на жилые дома. Тамошние обитатели падали в обмороки, как тараканы от дихлофоса...

Теперь вы поняли, что три голимых арестанта на спец – явление само по себе подозрительное. Но это еще не все! По всем внутритюремным правилам, троицу нельзя было мешать между собой: крадун был рецидивистом, Брадииков – первоходом, а Мкртчан вообще шел из Армении транзитом к северным оленям. Их следовало держать отдельно.

Но удивительнее всего выглядят обстоятельства дерзкого «армянского» побега. В СИЗО тогда начальство затеяло ремонт галереи подземного перехода, который ведет из карцеров на выводные кабинеты (ну, где допросы ведут и по почкам стучат). На тот же момент проверяли и пожарную безопасность. В общем, одно к одному. Надо к тому же учесть, что тогда на корпус заступали женщины (позже это дело прекратили, когда в начале 90-х покатали захваты сотрудников в заложники и прежде всего хватали, понятно, женский пол). Дежурных

катастрофически не хватало. Два мужика на весь СИЗО и на этаж – по бабе. Это на 3200 арестантских рыл.

А далее происходит вот такая фенька. Поздно вечером хитромудрый Кручинкин изнутри отпер камеру отмычкой, изготовленной из черенка алюминиевой ложки. Во всяком случае, эту версию он потом повесил операм. А те, в свою очередь, предъявили несколько хитроумных «слесарных» инструментов с его «клёпиками» (то есть с отпечатками пальцев) и спрашивают: «А это чего такое?». Но хотя вежливый вопрос сопровождался болезненным физическим воздействием, жулик любознательным «кумовьям» предпочел не отвечать.

Короче: открывают бегуны изнутри камеру, отмыкают переходные решетчатые двери, проходят все посты без шума и пыли, дальше по подземному коридору выходят на следственные кабинеты, распахивают нужные двери... Так добрались до самого административного корпуса.

Здание четырехэтажное, на четвертом этаже бильярдная для господ офицеров, окна – на проспект Кирова. И вот что это криминальное трио удумало: стянули они с бильярдного стола новенький брезентовый чехол, спустились в один из кабинетов на третьем этаже, скрутили этот чехол в некое подобие веревки – и обмотали прутья решетки на окне. Затем нашли какой-то стальной прут (любопытно, где?) и привязали к нему концы брезента, а сам прут принялись вращать на манер коловорота. Брезент, естественно, скручивается и сжимает прутья к центру. Вертели так, пока не образовалась щель между крайними прутьями и стеной. В общем-то, традиционный приемчик. После этого к батарее отопления привязали пожарный шланг и, протиснувшись в щель, спокойно спустились по нему вниз, на проспект Кирова, бывший Богатынянский. А далее следы их растворились во мраке.

Утречком топают на службу начальник следственного изолятора полковник Гусаров. Видит: шланг из окошка свисает.

– Это что ж такое? – интересуется. – Никак, воду спускают из батарей, отопление промывают?

Эта историческая фраза и завершила пребывание Евгения Федоровича на посту «хозяина» СИЗО... Ему сделали промывание не хуже, чем тому отоплению и отправили служить государству в Сальские степи. Вместе с ним убрали зама по режиму и охране Фридриха Саенко, а заодно полетело множество другой «кумовской масти».

Брадикова и Кручинкина взяли довольно скоро, недолго они по воле бегали. А вот армянин ушел с концами. Контора веников не вяжет. Может, сейчас заседает где-нибудь в армянской Думе или правительстве.

«Афганский» побег

Лев Николаевич начал бы так.

«Все нормальные семьи несчастливы по-разному, все ментовские семьи несчастливы одинаково. Все смешалось в доме Цыбиных. И неумудрено: большая стрелка часов неотвратно приближалась к двенадцати, где ее уже нетерпеливо ждала маленькая. Итогом встречи должен был стать бой кремлевских курантов и выступление дедушки Бори, который снова поздравит дорогих россиян с наступающим Новым годом, в этот раз – 1994-м. Хозяин семейства Дима Цыбин уже откупоривал шампанское, чтобы разлить его по бокалам, и в эту минуту зазвонил телефон».

– О! – радостно воскликнул Дима. – Родители нас решили поздравить!

Жена Светлана подняла трубку. Но в первые же мгновения по выражению ее лица стало ясно: не родители. То есть человек на том конце провода, возможно, тоже был чьим-то родителем, но уж точно не Диминым.

– Это со службы, – мрачно сообщила жена. – Паникеев.

Дима Цыбин понял, что праздник окончился и начинаются суровые будни. Потому что служил Дима в управлении исполнения наказаний Ростовской области инспектором отдела безопасности. А если инспектору отдела безопасности звонит непосредственный начальник, несущий новогоднее дежурство, ничего хорошего это не сулит. Оставалась надежда, что Паша Паникеев просто решил поздравить Цыбина с Новым годом.

– С наступающим тебя, Дмитрий, – бодрым голосом действительно произнес Паша. – Быстренько собирайся, дежурка за тобой уже вышла. Отпразднуем на «пятнадцатой».

– Не понял, – с деланным удивлением сказал Дима, хотя все понял. Оставалось уточнить детали: массовые беспорядки, захват заложника или побег?

– Побег, – коротко бросил Паникеев, не дожидаясь вопроса.

– Понял, – ответил Цыбин и пошел одеваться.

– Ты надолго? – обреченно спросила жена.

– До следующего года...

«Чернушник-побегушник»

В «пятнашке» – исправительно-трудовой колонии строгого режима № 15 города Батайска – управленцев встретил триумвират в составе начальника зоны Константина Гусаченко, главного опера Владимира Бельского и ДПНК (дежурного помощника начальника колонии)

Владимира Журавлева. Гусаченко в недалеком прошлом был главным врачом лечебно-трудового профилактория, поэтому веселый Паникеев обратился к нему со словами соболезнования:

– Ну что, Константин Олегович, готовься на гражданке инвалидам клизмы ставить...

– Всегда готов, – ответил неунывающий Гусаченко. – Лучше, если вставляешь клизму ты, чем если клизму вставляют тебе. А на этой собачьей службе каждый день – то понос, то золотуха. Вот Савкин, гадемыш, с праздником поздравил...

Так ночные гости узнали, что побегушника зовут Алексей Савкин. Мотал он за «колючкой» второй срок, и срок приличный: недавно сел за нанесение тяжких телесных со смертельным исходом. В общем, ничего Алеше не светило, трубить бы ему от звонка до звонка, или, как говорят ээки, «зима-лето, зима-лето, восемь Пасох – и домой». Или, другими словами, «червонец» – как с куста. Но пришел и на его улицу праздник.

На зоне Савкин был «чернушником». Есть такая «теплая» арестантская специальность. «Чернухой» называют различные поделки, сувениры – народное ээковское творчество: всевозможные ножи – охотничьи, «выкидухи» (лезвие выскакивает сбоку), «кнопари» (лезвие выбрасывается вперед), резные нарды, наборы расписных кухонных досок, шкатулки, чеканку и все такое прочее. Поскольку пятнадцатая колония славилась литейным производством, металла здесь было хоть отбавляй, и Савкин «чернушничал» все больше по металлической части.

Начальство в таких мастерах заинтересовано. Не столько для себя, сколько для управленцев из Ростова, которые таскают эти поделки чуть ли не мешками (тоже не корысти ради: не поедешь же в Москву с пустыми руками на отчет или средства выбивать! Столичные управленцы – существа жадные до этих безделушек, только успевай таскать).

У хорошего «чернушника» в промышленной зоне колонии есть своя постоянная «бендешка» – будочка, закуток, где он может спокойно ремесленничать. Это запрещено, но оперработники его не «хлопают»: сами поделками кормятся. Была такая «бендешка» и у Савкина. Там он и остался 31 декабря, когда все ээки смотрели в общежитиях праздничные телепрограммы по «кипишному ящику» (телевизору). По разнарядке на промзоне в выходные дни могут находиться только рабочие-ээки, которые выполняют срочные работы – аварийные, сантехнические и прочие. Савкин в разнарядку включен не был. Однако он был «чернушником», и этим все сказано. ДПНК Журавлев, проверяя

цеха, дважды наткнулся на арестанта. Но не задал себе и ему вопроса: с чего это эзк под Новый год ошивается на «промке»? Откуда такая трудовая доблесть?

– Во второй-то раз у меня промелькнуло смутное подозрение, – позже рассказывал ДПНК. – Когда я увидел, что этот прохиндей рвет какие-то бумажки. Ну, думаю, может, порядок наводит...

Бумажки оказались письмами, которые Савкин получал с воли: не хотел беглец оставлять концы для «оперов».

Часов в одиннадцать вечера, когда и сидельцы, и начальнички потирали ладони в преддверии праздника, Савкин спокойно покинул промзону.

- Че-то ты, Леха, нынче задержался, – бросил ему на выходе вахтер.
- Заказ был хозяйский. С новым счастьем тебя, дядя Вася.
- Не знаю, куда старое рассовать...

В одном месте производственную и жилую зоны колонии разделяет пространство, образующее небольшой коридор. В конце – тупик, упирающийся в основное заграждение, которым обнесена колония. Территорию учреждения от стены отделяет «запретка» (полоса земли, обнесенная колючей проволокой и оснащенная тремя рубежами охранной сигнализации). Сначала беглецу предстояло преодолеть ее.

Вот тут и начинаются странности. Перерезать «колючку» для «чернушника», положим, не проблема, особенно если он работает с металлом. На счастье Савкина, в ту ночь на Батайск опустился густой плотный туман. Допустим даже, беглец точно вычислил время пересмены часовых, когда на «скворешнике» (охранной вышке) никого не оказалось. Но как случилось, что при проникновении Савкина в «запретку» не сработала сигнализация? Ни радиоустройство «Пион», ни электронный «Шиповник», подающий звуковой сигнал... В те времена охраной ведали внутренние войска. Сразу же после обнаружения побега оперативники бросились туда. Оказалось, все действует нормально: сирена заорала так, что поставила на уши всю колонию! Войсковики пожали плечами: к нам какие претензии?

Но и на этом странности не кончаются. Как Савкин собирался преодолеть высоченную бетонную стену, даже пробравшись к ней в упор? Если, конечно, заранее не знал важного обстоятельства: стена, выходящая к трассе в сторону Койсуга, была сложена из бракованных бетонных плит. Поначалу они предназначались для каких-то иных целей, и в каждой было по несколько довольно больших квадратных отверстий – «кошек». При возведении стены их заложили кирпичом и зацементировали. Однако беглец точно знал, где такое отверстие нахо-

дится. Он преодолел «запретку», расшатал и выбил кирпичи – и был таков. Так его и не нашли.

Впрочем, по сведениям из некоторых источников, вполне заслуживающих доверия, в организации побега принимали участие суровые специалисты из Конторы Глубокого Бурения. Дело в том, что Савкин прошел Афганистан, где воевал в спецчастях. Он прекрасно владел секретами взрывного мастерства и множеством не менее забавных диверсионных премудростей, помогающих укорачивать жизнь. Видимо, специалист очень высокого класса. Если учесть, что до входа российских войск в «независимую Ичкерия» оставалось всего ничего, нетрудно догадаться, что спецы типа Алексея Савкина нужны были не в строгой зоне, а в зоне боевых действий. Ради этого стоило пожертвовать новогодним застольем Димы Цыбина...

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 25.06.2013 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная